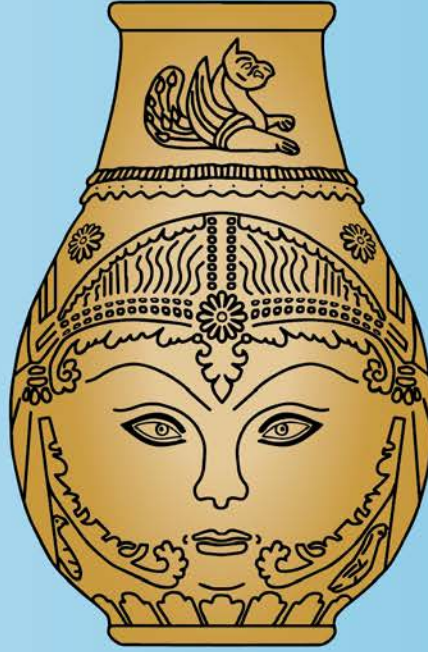

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Первый международный конгресс Евразийской ассоциации иранистов

First International Congress of the Eurasian Association of Iranian Studies

نخستین کنگره بین المللی انجمن اوراسیایی ایران شناسان

Тезисы — Abstracts — مجموعه چکیده ها

Электронная публикация — Electronic publication — نسخه اینترنتی

Санкт-Петербург – Saint-Petersburg – سن پترزبورگ

2019

Содержание — Contents — مندرجات

РУССКИЙ РАЗДЕЛ — RUSSIAN SECTION — بخش روسی

Ю. А. Аверьянов. «Макалят Шамса Тебризи» как источник по истории персидского суфизма	1
Г. Г. Аветикян. Ирано-армянские отношения после «бархатной революции» в Армении. 3	
М. А. Алонцев. «Сорок две тысячи гевров порвали зуннары»: о суфиях и иноверцах в ранней персидской агиографии.....	4
А. А. Амбарцумян. О возможном происхождении названия иранского блюда <i>gipā</i> (gipā).....	5
З. А. Арабаджян. Каково цивилизационное место Ирана в Евразии?.....	7
Е. Е. Арманд. Местоименные энклитики в современном персидском языке.....	8
М. С. Баконина. Социально-политический кризис в ИРИ, как фактор трансформации исламского подхода к правам женщин	9
А. В. Баранов. «Исламское пробуждение» и «Сирийская весна»: к вопросу о формировании политики Ирана к событиям в Сирии в 2011 году.	11
З. Бахтияри, Х. Мусавиян. «Восточный Центральный Загрос в новый неолитический период» (Тематическое исследование: определение и исследование поверхности равнины Малайер)	12
П. В. Башарин. Развитие суфийской агиографии и дидактики в Хорасане в эпоху Газнавидов в к. 10-нач. 11 вв. (на примере речений Абу Са'ида Майхани).....	13
В. Б. Бесолов. Парус и трюм в архитектуре Ирана, Кавказа и Византии: компаративный анализ в историческом аспекте	14
Е. В. Бесолова. Древние топонимы центрального Кавказа в аспекте функционирования иранского языка в регионе.....	15
С. Богдан. Международные связи исламского движения Имама Хомейни	16
Д. О. Васильева. Об одном эпизоде русско-персидской войны 1826–1828 годов.....	17
О. В. Васильева. «Курдские рукописи в Российской национальной библиотеке» –новый электронный ресурс Отдела рукописей	18
У. А. Гафарова. Отличительные стилистические особенности «Тарджумаи «Тафсири Табари»	19
А. Г. Грушевой. Кризис в работе школ Палестинского общества (1906-1909) и его преодоление.....	21
Е. В. Гусарова. Несколько замечаний по поводу изучения священных книг езидов и его освещения в литературе	23
Л. Н. Додхудоева. Исследовательницы-новаторы XXвека в Таджикистане.....	24
Л. Р. Додыхудоева. К вопросу об атрибутивных сочетаниях и сложных словах в памирских языках и таджикских диалектах.....	26
З. А. Джандосова. Темы и образы современной афганской новеллы на языке дари.....	27
А. Б. Джумаев. Рукописи средневековых сочинений по музыкальной науке на персидском языке в собраниях Санкт-Петербурга (Институт восточных рукописей РАН и Российская национальная библиотека)	28
Н. А. Замараева. Пакистан - Иран: внутренние и внешние вызовы сотрудничеству	29
Ю. А. Иоаннесян. “Нуктат ал-Каф” как источник по изучению шейхизма и раннего бабизма.....	31

М. С. Каменева. <i>Языковая политика в Иране во втором десятилетии XXI века: традиции и инновации</i>	32
К. Д. Камышев. <i>Аланский фактор в развитии римско-иранского пограничья</i>	33
А. И. Колесников. <i>Šāyast — nā šāyast («Что можно, а что нельзя») в контексте средневековых персидских ривайатов</i>	36
П. В. Коротчикова. <i>Живопись на стекле из собрания Государственного музея Востока (Москва) как отражение европейской темы в искусстве Ирана XIX в.</i>	37
В. Ю. Крюкова. <i>Мифологическое содержание авестийского Видевдата</i>	38
Г. В. Ласикова. <i>Иллюстрированная рукопись «Субхат-ал-ахрар» Джами из библиотеки царевича Бахрам-мирзы (собрание Фонда Марджани)</i>	39
А. А. Лукашев. <i>Категориальные оппозиции как средство выражения отношения «человек-Бог» в творчестве Санаи и Шабистари</i>	40
П. Б. Лурье. <i>Мусульманская и персидская культура на пути в Среднюю Азию</i>	41
В. М. Магомедханов, С. М. Раванди-Фадаи. <i>Персидский принц на службе Русской Императорской армии</i>	42
И. Н. Медведская. <i>Мидийское царство в истории Древнего Востока</i>	43
И. Х. Мирзоев. <i>Методы и средства религиозно-политического влияния Ирана на Ближнем Востоке</i>	44
А. В. Моисеева. <i>Праведник или грешник? Семантика образа пророка Сулеймана в классической персидской лирике</i>	46
Е. К. Молчанова. <i>Типологические исследования в современном Иране</i>	47
Р. Г. Мурадов, В. П. Никоноров. <i>Ахеменидский след в Южном Туркменистане</i>	48
Дж. Назриев. <i>Значение памятников таджикско-персидской письменности в межкультурном обмене</i>	51
Е. Л. Никитенко. <i>Демоны иранской истории: демонизация Другого в сборнике «Аниран»</i>	54
А. Н. Обухова. <i>Актуальные инвестиционные тренды в Иране</i>	55
П. Онъибене. <i>Аланы и собака Алан</i>	56
И. А. Османова. <i>Два листа из альбома-муракка в собрании Музея истории религии</i>	57
М. Н. Османова. <i>Мухаммад-Хусейн Асадов - выдающийся представитель персидской общины Дагестана (конец XIX - начала XX века)</i>	58
М. С. Пелевин. <i>Персидские стихотворные цитаты в хроникальных записях афганских князей</i>	60
Е. П. Писчурникова. <i>Пьеса Хади Хабиби «Ходихори»: три исторические эпохи в Иране глазами современного драматурга</i>	61
В. Н. Пластун. <i>Исламская республика Иран и «движение Талибан»</i>	62
А. Д. Притула. <i>Персидское гаршуну, полугаршуну и четвертьгаршуну</i>	63
П. Пулаки, М. Бейги. <i>Романтизм в современной поэзии Ирана во второй половине XX века</i>	64
В. Н. Сажин. <i>40 лет Исламской революции в Иране (опыт краткого анализа)</i>	65
З. А. Сайфуллаева. <i>И. С. Брагинский о взаимовлиянии литератур и западно-восточном синтезе</i>	66
И. Н. Серенко. <i>Пакистан-Иран: потенциал межгосударственного взаимодействия</i>	67
И. Е. Федорова. <i>Исламская Республика Иран в мировой политике (1979-2019)</i>	68
Н. А. Филин, В. А. Кокликов. <i>Социально-экономическое развитие Исламской Республики Иран в 2012-2018 гг. в контексте западных санкций</i>	69
С. А. Французов. <i>Арабографичная составляющая библиотеки великого князя Константина Николаевича: опыт реконструкции</i>	70
Р. С. Ханукаев. <i>Фаянсовые изделия гончаров Рамазана (رمضان رمضان) и Фарад Оглы (فرد اگلی)</i>	71

А. А. Хисматулин. Результаты анализа записки Муджстаба Минуви по поводу количества поддельных рукописей.....	72
Н. Д. Ходжаева. Культ огня в погребально-поминальном и свадебном обрядах современных таджиков	74
Н. Ю. Чалисова. Красота введения в заблуждение: прием ихам в персидской поэтике и поэзии классической эпохи	75
О. М. Чунакова. Согдийский фрагмент «Вступление к Шукасутре».....	76
З. А. Юсупова. Этнолингвистическая ситуация в современном Курдистане.....	77
О. М. Ястребова. Некоторые термины каллиграфии и книжного производства в классической персидской поэзии.....	78

АНГЛИЙСКИЙ РАЗДЕЛ — ENGLISH SECTION — بخش انگلیسی

M. Abbasnejad Motankflai, O. Mo'meni, M. Vafadar Moradi. <i>Identifying, Investigating and Introducing the Authors' Handwritings Existing at Malek National Library and Museum Institution</i>	79
H. Azimi. <i>The role of Sufi centers in the production and dissemination of science Citing the Manuscripts Transcribed There</i>	80
M. Bakonina. <i>Socio-political crisis in Iran, as a factor in the transformation of the Islamic approach to women's rights</i>	81
A. Begmatov. <i>Chronology of Kafir-kala in Samarkand according to Coin Finds</i>	82
E. Bolashenkova. <i>Guilan Province during the Time of Reza Shah Pahlavi (1925–1941) in My Life, Memoirs of Dr Ahmad Shafi'i-Rudbari (2000)</i>	83
P.-G. Borbone. <i>Crosses in Semirech'e: a Sogdian influence in the Turco-Syriac Gravestones?</i> 84	
T. Dalalyan. <i>On the Etymology of Some Oriental Musical Instruments</i>	85
J. Esots. <i>Qalandar in the Dīvān-i Shams</i>	86
F. Gholizade, S. Saeedyan. <i>Tabaristan province's political system during the Abbasid sovereignty</i>	87
P. Korotchikova. <i>Glass painting from the collection of the State Museum of Oriental Art (Moscow) as a reflection of the European theme in Iranian art of the 19th century</i>	89
K. Kravtsov. <i>'Arab-Sasanian coins as a means of religio-political propaganda in Iran</i>	90
V. Licheli. <i>New evidences of Achaemenid – Georgian relations</i>	92
F. Melville. <i>Bukharan Mir 'Ali Haravi from Cambridge and St Petersburg</i>	93
R. Muradov, V. Nikonorov. <i>An Achaemenid Trace in Southern Turkmenistan</i>	94
K. Nejad. <i>The relocation of the Iranian socialist revolutionary locus from Tabriz to Gilan, 1908-1921</i>	96
H. Ogihara. <i>A newly recognized Khotanese wooden tablet kept at the State Hermitage Museum</i>	97
P. Orsatti. <i>The Early New Persian perfect: A historical-linguistic interpretation</i>	98
L. Ravandi-Fadai. <i>The Challenge of Ethnic and Religious Heterogeneity to the Unity of the Iranian State</i>	99
T. Salbiev. <i>Ossetian-Persian ideologemes (the royal cult)</i>	100
E. Shavarebi. <i>Achaemenid Policy toward the Cimmerian Bosphorus Region in the Fifth Century BCE: A Reassessment of Archaeological and Numismatic Evidence</i>	101
S.-J. Simpson, E. F. Korol'kova. <i>Cultural interactions in the eastern Achaemenid empire: Persians, Scythians and the Oxus Treasure in the British Museum</i>	102
M. Taheri, H. Aghajani. <i>Scythians in the history and Persian epic</i>	103

Kh. Turdieva. <i>The pragmatic comparison of Persian and Uzbek Politeness in cross cultural communication</i>	104
R. Vilozny. <i>Fayḍ Kāshānī's (d. 1090/1679) Attitude towards the Canon of Imāmī ḥadīth</i>	105
P. Zieme. "24 Gates" according to a Garshuni Turkic manuscript from Diyarbakır.....	106

بخش پارسی — ПЕРСИДСКИЙ РАЗДЕЛ — PERSIAN SECTION

107.....	قربان علی ادريس وف نظر امام ابو حنيفه در باره کلام خدا و رابطه آن با زبان فارسی در انجام وظایف دینی
108.....	سجاد امیری باوندپور یک سالنامه سربانی نویافته از شاهان هخامنشی و ساسانی
111.....	ذبیة الله بختیاری ، سید حسین موسویان شرق زاگرس مرکزی در دوره نوسنگی جدید (مطالعه موردی بررسی و شناسایی سطحی دشت ملایر)
113.....	مهدی خلیلی جاده‌های سنگفرش تاریخی در مازندران
115.....	احمد رنجبری حیدریباغی نسخ خطی به مثابه منابعی مهم برای پژوهش موعودباوری اسلامی
117.....	فتح الله ذوقی برگی از تاریخ حج‌گزاری مسلمانان روسیه؛ حکایت منظوم جوان غریبی که از شهر بلخار با حاجیان همراه شد
119.....	نسرین طایفه قهرمانی کورگانها، شواهدی بر اصطکاک فرهنگی اوراسیا
121.....	یونس صادقی جریانهای فکری گرمسیرات ایالت فارس در قرن هشتم تا اواخر قرن نهم هجری قمری، با تاکید بر فرقه شمسیه
122.....	خالده عالم او ا طبقه بندی معنایی پسوندهای فاعلی - گر gar-، - گار gâr-، - کار kâr- در زبان فارسی دری
126.....	مجتبی عباس نژاد متانکلایی ، عصمت مومنی ، محمد وفادار مرادی شناسایی، بررسی و معرفی دست خط های مولفان نسخه های خطی در مؤسسه کتابخانه و موزه ملی ملک
128.....	حبیب الله عظیمی نقش مراکز صوفیان در تولید و انتشار علم با استناد به نسخ خطی کتابت شده در آن مراکز
130.....	سیدمحمدباقر کمال الدینی ، سیدشهاب کمال الدینی دشت قیچاق و دستنویس های فارسی
132.....	مریم ملک پورآشنایی با بعضی از فعالیت های علمی خواجه نصیرالدین طوسی با تاکید بر نحوه ی تهیه متون ریاضی
133.....	الهام ملك زاده/نجمن روابط فرهنگی ایران با اتحاد جماهیر شوروی سوسیالیستی
134.....	مهرداد ملکزاده ، زهرا گلمحمدی نگاهبانان آتش جاویدان: گورهای هیبریدان مادی
137.....	مصطفی نوری. - امیر مؤید سوادکوهی و مبارزه با روس های تزاری 1911 — 1917
138.....	دکتر شهرام یوسفی فر کارکردهای اجتماعی القاب در ایران

«Макалят Шамса Тебризи» как источник по истории персидского суфизма

Юрий Анатольевич Аверьянов,
кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН,
доцент РГГУ avanta_yuriy@mail.ru

Мавлана Руми утверждал, что его сердце «беременно» от Шамса Тебризи, и между его творениями и «Макалят», несомненно, наличествует разносторонняя взаимная связь. «Макалят», несмотря на «фольклорный» характер подачи изложенного в этом тексте материала, сведенного вместе учениками и последователями Шамса (или людьми, считавшими себя таковыми), доносит до нас некоторые живые черты образа Шамса Тебризи. С точки зрения изучения персоязычной культурной среды в Малой Азии в эпоху монгольского завоевания значение этого трактата очень велико, так как он являет нам как бы «прямую речь» суфиев того времени, те «тайны» (*асрап*), которыми они сами хотели поделиться с будущими поколениями. Интерес представляет также выявление наличия местных малоазийских традиций в чрезвычайно богатом духовном мире этого памятника.

«Не было на земле никого более необычного, чем Шамс» - эти слова Мавланы Руми владели душами всех исследователей личности Шамса Тебризи. Поэма Руми «Маснави-йи манави» была, по его собственному утверждению, «может быть, лишь голосом твоим, подобно всем моим словам». Некоторые ученые отрицали сам факт существования Шамса, полагая его личность плодом воображения или «вторым я» самого Джалал ад-Дина Руми, или же считали его простым невежественным дервишем-каландаром, чье имя стало лишь поводом для озвучивания Мавланой своих собственных поэтических достижений. Однако внимание к «Макалят-и Шамс», которое проявилось в последние десятилетия, начиная с таких ярких умов своего времени как Бади аз-Заман Форузанфар и Абдульбаки Гельпынарлы, обнаруживает потенциал этого источника, не переписанного по каким-то причинам набело и оставшегося в виде черновиков (*савад*), не упорядоченных и не связанных строгой последовательностью, но при этом полного таким мистическим экстазом и насыщенного духом суфизма, что ничего даже близко похожего в суфийской литературе невозможно обнаружить. В том числе и в прозе самого Руми. Этот текст притягивает к себе как никакое другое из близких ему по духу творений. Неприукрашенные и простые по форме, высказывания Шамса как будто бросают вызов вечности и всему сухому и преходящему в мире.

Отдельные воспоминания и мысли Шамса Тебризи записаны, разумеется, не им самим. По-видимому, постоянно пребывая в экстатическом состоянии, он не придавал никакого значения записанному слову, считая средством спасения не книгу, а посвященного человека (*банде-йе Хода*): «Слова, которые я не записываю, пребывают во

мне, и каждый миг они придают мне другой облик». Эти слова в его душе словно воспламеняются взаимной любовью друг к другу, удерживаясь и не позволяя сердцу излить их в застывшую форму книжных изречений.

«Макалят-и Шамс-и Тебризи» представляет собой не единый трактат, а собрание различных отрывков из речений Шамса Тебризи, каждый из которых имеет по сути самостоятельное значение и не связан логически с предыдущими и последующими отрывками. Каждый из них подобен отдельно взятому полотну в картинной галерее, которое нуждается в самостоятельном изучении и прочтении. Или отдельной газели в составе дивана, которая также должна восприниматься как нечто обособленное от других подобных стихотворений, даже приписываемых одному и тому же автору. И в то же время за всем этим многообразием необходимо всегда видеть единое целое – творческую мысль их создателя.

Ирано-армянские отношения после «бархатной революции» в Армении

Геворг Галустович Аветикян,

к.и.н., Европейский университет в Санкт-Петербурге avetikyan@eu.spb.ru

Многотысячные мирные демонстрации в апреле- мае 2018 года в Армении привели к отставке бывшего президента, а на тот момент уже премьер-министра страны Сержа Саргсяна. Новым премьером вскоре стал лидер оппозиции Никол Пашинян, назвавший произошедшее в стране «мирной, ненасильственной, бархатной революцией». С первых же дней после «бархатной революции» новые власти в Армении заявили, что в отличие от внутренних вопросов, во внешней политике Армении не будет резких разворотов. Чтобы подкрепить сказанное делом, Пашинян в течение следующих месяцев неоднократно встречался с российским президентом, а также посещал соседнюю Грузию. В программе правительства отношениям с Ираном уделяется особое внимание наравне с Грузией, но первый визит Пашиняна в Иран намечен лишь на 27 февраля 2019 года, спустя 10 месяцев после «бархатной революции».

Динамика развития отношений Ирана с независимой постсоветской Арменией описывается большинством исследователей и аналитиков в положительных тонах добрососедства и взаимопонимания. Образ модели безоблачных отношений между исламской республикой с её христианским соседом также выгодно позиционирует Иран как государство, способное придерживаться конструктивной внешней политики. Созданию положительного имиджа Ирана способствуют и во многом самостоятельные инициативы ряда современных армянских востоковедов, популяризирующих восприятие Ирана как надежного соседа и экономического партнера.

В силу ряда причин, уровень экономических отношений между Арменией и Ираном не всегда соответствуют степени взаимных дипломатических реверансов. Новая власть в Армении способна придать импульс развитию необходимой инфраструктуры в Армении, что может сделать последнюю более привлекательной для партнёров из Ирана. Однако, задача укрепления и развития отношений с Ираном сталкивается с усиливающимся давлением США не только на сам Иран, но и, в данном контексте, на Армению.

«Сорок две тысячи гребов порвали зуннары»: о суфиях и иноверцах в ранней персидской агиографии

Максим Альбертович Алонцев

Институт классического Востока и Античности

НИУ ВШЭ mxalontsev90@gmail.com

В суфийской агиографии важнейшую роль играют взаимоотношения главного героя (суфийского наставника) с другими персонажами жития. Истории, повествующие об их диалогах, встречах и отношениях друг с другом, служат одной цели – продемонстрировать преимущество суфия в мусульманской иерархии и обосновать его авторитет по сравнению с представителями «традиционного» мусульманского благочестия (богословами, законоведами, чтецами Корана).

Взаимоотношения суфиев и «религиозных ученых» в агиографических сообщениях предоставляют нам важный материал для описания отношений между этими двумя социальными группами. Однако не менее важным является описание отношений суфийских наставников и иноверцев и определение понятия «иноверие» в частности. В этой связи можно выделить несколько типов историй о «суфиях и иноверцах»:

- Суфий обращает иноверца. Такой тип историй достаточно часто встречается в жизнеописаниях суфийских шейхов.

- Суфий отождествляет себя с иноверцем. В этом типе историй часто фигурируют типичные атрибуты «неверного», например зуннар.

- Иноверец помогает суфию. Этот тип историй носит дидактическую функцию.

Эти истории служат важным источником для понимания функций агиографического сочинения – апологетической и дидактической. С одной стороны, суфийская агиография должна обосновать роль суфийского наставника как лидера мусульманской общины. С другой – показать, что отношения с иноверцами в очередной раз подтверждают несовершенство любого человека (в том числе и уважаемого шейха), а, следовательно, указывают на типичные ошибки «идущих по суфийскому Пути».

Ключевые слова: ислам, суфизм, агиография, Фарид ад-дин ‘Аттар, ‘Али Худжвири

*О возможном происхождении названия иранского блюда *gūna* (*gīrā*)*

Артур Андроникович Амбарцумян

НИУ Высшая Школа Экономики, СПб ambarts@gmx.net

Иранское блюдо *gūna* (گیا, *gīrā*), о котором пойдет речь в докладе, является одним из редчайших блюд иранской кулинарии. В настоящее время оно готовится жителями центральных областей Ирана, а более популярным оно было в XVII-XIX веках, и тогда, по-видимому, впервые попало в толковые словари персидского языка («Словарь Назем-оль-Атебба»). Готовится оно по специальной технологии из бараньего мяса и субпродуктов в желудке того же животного. Обычно желудок начиняется рубленным мясом или фаршем, к начинке добавляются также различные ингредиенты (например, рис, лук и фасоль). Затем желудок подшивается или завязывается нитками и печется или жарится в специальной посуде. В качестве желудка используется рубец или сычуг. Одно из современных его названий — *долме-йе сираби* «долма из рубца». Способ приготовления пищи в желудке известен с древних времен, описан он, например, Геродотом («История», IV.61) применительно к Скифии. При отсутствии котлов скифы придумали особый способ приготовления мяса: «мясо кладут в желудки животных, подливают воды и снизу поджигают кости». Так оно печется или варится в желудке, отсюда произошла и поговорка «бык сам себя варит». Похожие блюда известны также и в кулинариях других народов: шотландское блюдо *хаггис* готовится из бараньих потрохов, приправленных различными ингредиентами и сваренных в бараньем желудке, а калмыцкое блюдо *кюр* представляет собой баранье мясо, помещенное в желудок (рубца) этого животного и запеченное на углях в земле. И, наконец, русское блюдо *няня* представляет собой запеченный в корчаге бараний сычуг, начиненный гречневой кашей, бараньими мозгами, мясом с головы и конечностей. Известно, что желудок парнокопытного животного состоит из четырех поджелудков или разделов: рубца (совр. перс. *šekambe* или *širābi*), сетки (*negāri*), книжки (*hazārlā*) и сычуга (*širdān*). Каждый из этих разделов имеет особую текстуру внутренней поверхности. Так, рубец и сетка имеют сетчатую или ячеистую поверхность, книжка напоминает раскрытую книгу, а сычуг имеет бархатную поверхность, состоящую из мелких сосков.

Предположительно название иранского блюда может восходить к древнеиранской глагольной основе **gaip/b* (?) ‘прясти нить’ [Cheung, 2007, 96]. В иранских языках значение ее связано с отражением процесса прядения. Производные от этой основы сохранились в хотаносакском языке, в современных памирских языках она преимущественно представлена в виде глаголов, а в западных – в виде существительных. Представляют интерес значения производных слов в осет. ирон. *qīw*, дигор. *ḡew* ‘жила, сухожилие’ и в новоперс. *gēva* (совр. перс. *give*) ‘гиве, род обуви, эспадрильи’, с вязаным верхом и подошвой из х/б материала или кожи (подробное описание приведено в «Словаре Деххода»), ср. также совр. перс. *givebāfi*, *giveduzi* ‘изготовление обуви гиве’. Данная основа, по-видимому, восходит к индо-евр. корню **gei-* ‘гнуть, крутить’ [Pokorný, 1959: 354-355] (ср. др.-инд. *jūā-* ‘тетива’, русск. жи-ла), получившим распространение с двумя разными расширениями: **gei-bh-* (ср. также лат. *gibber* ‘горбатый, бугорчатый’, *gibbus* ‘изогнутый’) и **gei-s-* (от которого мы также располагаем производными в

иранских языках, ср. авест. *gaēsa-* ‘волосы’, ср.-перс. *gēs* ‘кудри, локоны, волосы’, новоперс. *gīs, gīsū* ‘коса, локоны’, *gīsvān* ‘косы’).

Производные от глагольной основы **gaip/b* могли существовать также и в среднеиранскую эпоху. В новоперсидском, помимо формы *gēva* ‘гиве, род обуви’, могла сохраниться и более старая форма **gēb* или **gēr* в значении некоего скругленного объекта, подшитого нитками или обозначающего один из разделов желудка, от которой, вероятно, произошло название блюда *gīrā*. Такая более старая форма слова могла бы быть восстановлена при попытке расшифровки непонятной графемы, состоящей из трех букв, которая дважды встречается в пехлевийском сочинении «Драхт и Асуриг». Обычно графема транслитерируется как *sus*, но ее можно также прочесть и как *gur*. Предлагались разные варианты прочтения, основанные на исправлении слова: например, как **sīx* «прутик для жарки», **dēg* «кастрюля, котел», **sēj* «опасность, угроза» в значении «безжалостно» (?). В «Драхт и Асуриг», в своеобразном прении между финиковой пальмой и козой, эта графема встречается сперва в речи финиковой пальмы: «Я хворост для огня, на котором тебя жарят в желудке (*kē tō [pad?] *gēb brēzēnd*)» (*Draxt ī Asūrīg*, 14), и впоследствии в речи козы-победительницы: «Из меня делают кожаную скатерть (*maškīzag*), на которой устраивают пир. [И] толстую скатерть для великих пиров готовят [из кожи] моего желудка (*az man *gēb wirāzēnd*). Из меня делают [эту] кожаную скатерть (*maškīzag*) для властителей» (*Draxt ī Asūrīg*, 37-38) (данные переводы даны с учетом нашей предположительной реконструкции).

Каково цивилизационное место Ирана в Евразии?

Завен Артемович Арабаджян

(к.э.н., ст. н.с. сектора Ирана Центра по изучению стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН) arabzava@yandex.ru

В последние годы, особенно после начала взаимодействия российских и иранских вооруженных сил в Сирии, общераспространенным мнением стало представление о том, что Россия и Иран являются не просто партнерами, а стратегическими союзниками. У такой точки зрения имеются некоторые основания. Менее распространенной является позиция, согласно которой текущее сближение - временное, ситуативное и основано на том, что по ряду вопросов интересы обеих стран совпадают. Такому временному сближению способствует и то, что Россия и Иран оказались в списке государств, которых США причисляют к странам-изгоям и превращают в объект всевозможных санкций. Каждая из этих полярных оценок основывается на такой категории, как интересы, на том, совпадают ли они или нет, совпадают ли они на краткосрочную перспективу или на долгосрочную.

Однако интересы - вещь очень подвижная, склонная к изменениям, зависящая от множества переменных. Вот почему для ответа на данный вопрос и, шире – для понимания места Ирана на просторах Евразии, целесообразно проанализировать ситуацию, используя не только интересы, но нечто, являющееся более стабильным, не подверженным быстрым переменам, скачкам. Здесь имеются ввиду ценности, которые коренятся в истории, традиции, вере каждого народа и не зависят от конъюнктурных колебаний. Иначе говоря, ценности определяются цивилизационной принадлежностью народа той или иной страны.

Местоименные энклитики в современном персидском языке

Елена Евгеньевна Арманд

к.ф.н., доцент Института классического

Востока и античности

НИУ ВШЭ, Москва armandlena@yandex.ru

Цель данного доклада – показать различия в употреблении ударных личных местоимений и местоименных энклитик в современном персидском литературном и разговорном языке, и, по возможности, обратившись к истории языка, – объяснить употребление энклитик в самых разных синтаксических позициях; используя примеры из классического персидского, будет показано, что именно разговорный язык проявляет более архаичные черты при употреблении энклитик.

Особый интерес, с точки зрения употребления местоименных энклитик, представляют фразеологические обороты и рамочные конструкции, в которых логический субъект действия выражается энклитикой. По форме такие конструкции являются безличными, поскольку глагол в них стоит в форме 3 л. ед. ч. По всей видимости, такое употребление энклитик восходит к посессивной конструкции, которая была распространена в среднеперсидском языке и довольно редко встречается в классическом персидском. В отличие от среднеперсидского в таких конструкциях глагол может употребляться и в прошедшем, и в настоящем времени, может быть переходным и непереходным.

Социально-политический кризис в ИРИ, как фактор трансформации исламского подхода к правам женщин

Марианна Станиславовна Баконина

Санкт-Петербург – Москва marianna25@mail.ru

Решение допустить женщин на стадионы, где проходят мужские состязания, в том числе разрешить посещение футбольных матчей оказалось не случайным отступлением от принятых норм, а решением бесповоротным и, судя по всему, окончательным. На стадионе «Азади» и в других спортивных комплексах оборудуются отдельные секторы для женщин и разрабатываются специальные процедуры для безопасного пропуски женщин и семейных пар на трибуны.

Исламская республика Иран с момента своего основания и до настоящего времени была постоянным объектом критики, как постоянный и последовательный нарушитель прав человека, в том числе прав женщин. (см. например «Положение в области прав человека в Исламской Республике Иран», доклад Генерального секретаря, 06.09.2016, URL: <https://www.refworld.org.ru/country,,,IRN,,57ed02ea4,0.html>, обращение 20.01.2019)

Однако ИРИ последовательно отстаивала свое право на «исламский подход» в этом вопросе. Права женщин, согласно «исламскому подходу», определялись тем, что «в природе и творении существуют различия между женщиной и мужчиной (не создавая различий между ними в человеческом отношении) и права женщины не схожи с правами мужчины». (См. Мутаххари, Муртаза, Правовой статус женщины в исламе, Сафра, М., 2013)

Иран более либеральный, по сравнению с некоторыми соседними странами, в вопросе прав женщин на труд, образование или вождение автомобиля, жестко регламентировал, жесткое соблюдение норм нравственности – ношение хиджаба, рукопожатия мужчин и женщин, и в частности запрет для женщин на спортивные зрелища с участием мужчин, в этом вопросе иранские богословы исходили из того, что «женщин следует оградить от агрессивной и чрезмерно мужской атмосферы стадиона».

Для иранских правозащитниц попытки проникнуть на запретный стадион превратились в опасную политическую игру и дерзкий вызов властям.

Однако строгий запрет на посещение футбольных матчей женщинами был снят в Иране во время чемпионата мира по футболу, проходившего в России в 2018 году. Причем невзирая на возражения богословов и клерикалов это разрешение не было отменено после окончания ЧМ.

Как можно интерпретировать столь резкую смену «исламского подхода» ИРИ к нравственности и защите женщин от домогательств и оскорбления чувств в вопросе, который долго был весьма острым и щепетильным?

Власти ИРИ решили прислушаться к критике международного сообщества и, в частности, ФИФА? На это решение повлияло разрешение на посещение женщинами стадионов в Саудовской Аравии? Или это было спонтанный шаг во время футбольной эйфории, охватившей страну особенно после первой победы национальной сборной? А может быть власти Исламской республики решили отказаться от мелочного навязывания «моральных норм» на фоне социально-политического кризиса, связанного с

неоправдавшимися надеждами на выход из международной изоляции, экономических трудностей, протестов и под угрозой новых надвигающихся санкций? Какой именно фактор стал причиной очевидной трансформации «исламского подхода» ИРИ к праву женщин на посещение футбольных матчей? Почему иранские женщины отвоевали свои права в этой возможно не самой насущной, но символической сфере, которая для радикальных правозащитниц долгое время была лакмусовой бумажкой, позволяющей измерить степень токсичности «исламского подхода» к правам женщин?

Ключевые слова: ИРИ, права женщин, футбол, эмансипация

«Исламское пробуждение» и «Сирийская весна»: к вопросу о формировании политики Ирана к событиям в Сирии в 2011 году.

Алексей Владимирович Баранов

Саратовский ГУ имени Н.Г. Чернышевского baranovav@mail.ru

События 2011 года в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки, вызвали пристальный интерес в Иране, который расценил свержение режимов в Тунисе и Египте, как начало кардинальных перемен на политической карте региона. Претендуя на роль региональной державы, Иран не мог не выступить с альтернативной концепцией и попытаться возглавить происходящие народные движения.

Иран, в лице аятоллы Али Хаменеи, охарактеризовал происходящее как «Исламское пробуждение», которое должно «пробудить» не только исламский мир, но и оказать влияние на весь остальной мир. Термин «Арабская весна» не устраивал аятоллу Хаменеи по нескольким параметрам. Во-первых, «Арабская весна» характеризует движения исключительно в национальных и светских тонах. Тогда как, по мнению аятоллы, основные лозунги окрашены в религиозные, исламские цвета. Во-вторых, термин «Арабская весна» предполагает заведомую локализацию движения в рамках одного региона, что также, не отражает реального положения. Аятолла уверен, что воздействие этого движения выйдет далеко за рамки региона и распространится по всему миру.

Следовательно, основными лозунгами «Исламского пробуждения» будут лозунги антиамериканизма, подразумевающий подрыв американского доминирования в регионе и мире; антисионизма, который рассматривается как основная проблема исламского мира, угрожающая его безопасности и стабильности; а также лозунг возрождения ислама, в котором в Иране видят залог возрождения исламской уммы на основе независимости, национального достоинства и самоуважения.

Сирийские события 2011 года, таким образом, не вписывались в первоначальную схему «Исламского пробуждения». Потребовалась ее теоретическая доработка, чтобы сирийские события в нее вписались. Результатом стала идея о «заговоре» внешних и внутренних противников сирийского режима, с целью его свержения, чтобы раздробить Фронт исламского сопротивления и не допустить его усиления после победы исламских сил в Египте. В итоге, Иран стал ассоциировать себя в качестве стратегического союзника правительства Башара аль-Ассада в Сирии, занявшего передовую линию обороны в противостоянии внешней агрессии со стороны Запада и его союзников в регионе.

**«Восточный Центральный Загрос в новый неолитический период»
(Тематическое исследование: определение и исследование поверхности равнины
Малайер)**

Забихоллах Бахтиари

университет Абу-Али Сина, г.Хамедан- bakhtiyari.zabih1558@gmail.com

Сейед Хоссейн Мусавиан

институт Языкознания РАН, г. Москва-yarna1142@yandex.ru

Горный хребет Загрос, а также его горные долины, расположенные вдоль западной границы Ирана, были идеально подходящим местом для обитания и создания поселений первых человеческих обществ. Средняя часть данной горной цепи называется Центральный Загрос, в исследованиях археологов разделена на две части: Центральный Загрос и Восточный Загрос. Централизованные археологические исследования доисторического периода гор Загрос в основном проводились в западной части горной цепи, также была исследована восточная часть, но только в виде коротких и непродолжительных программ.

В [2007](#) году автором было проведено археологическое исследование, направленное на изучение полевой деятельности в Малайерской равнине, где изучалось первое место обитания людей в эпоху нового неолита на восточных границах Центрального Загроса. В результате исследования Малайерской равнины, были идентифицированы восемь древних холмов, с находящимися в них орудиями труда и глины нового неолитического периода. Таким образом, места обитания древних обществ в восточной части Центрального Загроса в эпоху неолита практически не изучены, и сведения об этом очень ограничены.

Керамику нового неолитического периода Малайерской равнины, подобно западному и северо-западному региону Центрального Загроса, называют «Новый Сараб» и «Сияхбид», но с собственными, присущими только ей функциями.

Основываясь на проведённых исследованиях в западной части Центрального Загроса, выбор первыми сообществами мест своего обитания восточную часть Загроса был не случаен. Это было связано с изменением климата в конце 6-го тысячелетия и начале 5-го тысячелетия до нашей эры, или же это могло быть связано с увеличением населения и демографическим давлением. Всё строения были сооружены в центре равнины на берегу реки, что может указывать на формирование первых сельскохозяйственных сообществ в этой части региона. Доступ к водным ресурсам, пахотные земли, способствующие развитию сельского хозяйства, естественные природные пастбища и удобное транспортное сообщение с другими районам - были ключевыми факторами выбора места обитания первобытными сообществами в эпоху неолита.

В данном исследовании, с помощью программы GIS, был рассмотрен географический и пространственный анализ восьми объектов, которые демонстрируют нам период нового неолита в Малайерской равнине, что позволяет отобразить и представить модель, а также текстуру их расположения.

Ключевые слова: Центральный Загрос, Восточный Центральный Загрос, Малайерская равнина, Новый неолитический период, 5 тыс. лет до н.э., Новый Сараб

Развитие суфийской агиографии и дидактики в Хорасане в эпоху Газнавидов в к. 10-нач. 11 вв. (на примере речений Абу Са'ида Майхани)

Павел Викторович Башарин,

к. филос. н., доцент Кафедры современного Востока РГГУ pbasharin@yandex.ru

С раннего периода формирования основных направлений в мусульманском мистизме, мистики регулярно использовали дидактические вставки и целые истории в качестве иллюстративных примеров в своих проповедях. Выходя за рамки школ, формировавших подготовленных слушателей, и адресуясь к разноликой аудитории, они ставили перед собой задачу изложения сложных идей, наработанных предшествующей традицией, понятным большинству языком. Сложные для неподготовленного восприятия идеи и ключевые понятия должны были поясняться доходчивыми примерами (тамсил) и историями (хикайат). Эти приемы активно стали использоваться в рамках месопотамской суфийской традиции (Абу-л-Хусайн ан-Нури, ал-Халладж). После волны преследований экстатических суфиев в нач. 10 в., проповедь их идей окончательно сместилась из Вавилонии на восток мусульманского мира. Устно передаваемое идейное наследие известных мистиков, как и ряда других выдающихся личностей раннемусульманского периода, часто утрачивалось. Их сложные доктринальные разработки переставали адекватно восприниматься. Все большую роль начинают играть агиографические сведения. Святость (вилайат), подкрепленная способностью совершать чудеса (карамат) становится основным критерием признания выдающегося суфия. Ключевым его качеством является способность афористично излагать суть Божественных истин (хака'ик), в том числе, прибегая к стилистическим средствам дидактики.

Для ранней Газнавидской эпохи ключевой фигурой такого плана являлся Абу Са'ид Майхани. Его речения дошли преимущественно в двух агиографических сочинениях, написанных потомками шайха: *Халат ва суханан-и Абу Са'ид Абу-л-Хайр* Джамал ад-Дина Абу Рауха Лутф Аллаха и *Асрар ат-таухид фи макамат аш-шайх Аби Са'ид* Мухаммада б. Нур ад-Дина Мунавара. Большое количество легенд и преданий, связанных с Абу Са'идом, имеют своим источником предшествующие суфийские житийные легенды. То же самое относится и к его дидактике. Такие короткие суфийские притчи, как о сухом хлебе и море, о муравье и осе, стояли в основе жанра персидских надзидательных повествований и являлись наиболее ранними представителями этого жанра. Корпус суфийской литературы предшествовавшего периода позволяет провести ряд параллелей и указать потенциальные источники этих историй. Позже в Газнавидскую эпоху суфийская дидактика превратится в компонент суфийской изящной литературы, начало которой положит во второй пол. 11 в. Сана'и, а позже продолжат 'Аттар, Са'ади, Руми, Джами. Проследить судьбу этих сюжетов позволяет обширный корпус текстов.

Парус и тромп в архитектуре Ирана, Кавказа и Византии: компаративный анализ в историческом аспекте

Владимир Бутусович Бесолов, Почетный архитектор Российской Федерации, профессор ИАА и член-корреспондент Международной Академии архитектуры, ArchGrad101@yandex.ru

В докладе рассматривается роль Древнего Ирана в формировании тромпа и паруса – двух важнейших конструктивно-художественных элементов мемориальной и культовой архитектуры Евразии эпохи раннего и зрелого средневековья. На методологической основе сравнительно-сопоставительного анализа выявляются основные типы и формы тромпа и паруса в архитектуре стран Кавказа и Византии, прослеживаются пути совершенствования их формы, как особенного элемента в сложении архитектурного организма. При этом определяется историческое место и значение Древнего Ирана в формировании конкретных архитектурных морфотипов средневековых сооружений мемориального и культового назначения.

Древние топонимы центрального Кавказа в аспекте функционирования иранского языка в регионе

Елена Бутусовна Бесолова

Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им. В.И. Абаева

elenabesolova@mail.ru

Сообщение посвящено рассмотрению языковых реликтов древних языковых общностей в топонимии Северной Осетии на предмет обнаружения языкового пласта древнего населения, восстановив его на определённой территории и очертив границы распространения; показать, что возникновение и формирование топонимов обусловлено географическими ландшафтами, долговременными внешними и внутренними миграциями, способами ориентации их носителей.

В основу изысканий положена концепция: в топонимах находят выражение только те элементы географического ландшафта, которые существенны для социальных сфер и хозяйственной деятельности; в топонимах «отпечатались» языки племён, заимствования – следы тех этносов, которые некогда обитали на этих ландшафтах или же, по истечении определенного исторического времени, мигрировали на другие территории Евразии.

В «прочтении» семантики этимологической лексики с физико-географическими реалиями и природными условиями автор сообщения исходил из того, что она обуславливается особенностями рельефа, растительного покрова, гидрографии, топонимической позитивностью, окружающей географической реальностью, опорой на исторические данные, а также тем, что любой этнический ареал изменчив во времени и пространстве, не имеет непрерывных границ; что в изучении географических названий одинаково важны и учёт этноязыкового состава населения, и влияние географической среды на возникновение топонима.

Анализ материала выявил как описательность, так и связанность с физико-географическими особенностями ареала некоторых гидронимов, оронимов и топонимов Северной Осетии; что в их семантике сохранилось то первоначальное значение, когда они «создавались» как приём запоминания, как своеобразный ориентир-эквивалент географической карты.

Обнаруженный в рассмотренных топонимах Северной Осетии языковой пласт древнего населения является древнеиранским сложением; он же удостоверяет присутствие ираноязычного этноса на Центральном Кавказе с древнейших времён по сей день.

Международные связи исламского движения Имама Хомейни

Сергей Богдан

Свободный Университет, Берлин zmysla@yahoo.com

Данное исследование рассматривает международные контакты исламского движения в Иране в 1960-х – 1980-х гг. В качестве примера для изучения было выбрано его взаимодействие с суннитскими исламскими движениями, в частности «Братьями-мусульманами» в арабском мире и Афганистане.

Значительные сегменты исламского движения под руководством Хомейни поддерживали прочные связи с последними в интеллектуальном, организационном и оперативном планах с самого начала. Более того, такая подпольная исламская иранская группа, как «Федаиян-э Ислам», которые, по признанию самих сторонников Хомейни, были его предшественниками, также тесно взаимодействовали с суннитскими исламскими движениями с конца 1940-х гг. Влияние шиитских и суннитских активистов друг на друга носило всесторонний и разнообразный, но в целом обоюдный характер: идеи, материалы и активисты циркулировали между соответствующими группами, общими усилиями организовывались совместные действия, происходил обмен опытом.

Это взаимодействие составляет важную часть контекста исламской революции 1979 г. в Иране. Оно являет собой пример практического экуменизма и ставит под вопрос непреодолимость шиитско-суннитского антагонизма в регионе, представляя пример более или менее непосредственного сотрудничества и взаимовлияния организаций, принадлежавших к различным конфессиям ислама.

Изучение данной темы позволит сделать очередной шаг в разработке интеллектуальной истории Исламской революции 1979 г, равно как и лучше понять ряд аспектов в политике ИРИ по отношению к различным странам Ближнего Востока. Исследование основано на анализе публикаций того времени, а также воспоминаний и интервью участников тех событий прежде всего на персидском языке, но также и на арабском и пушту.

Ключевые слова: *Афганистан, Хасан аль-Банна, «Братья-мусульмане», Египет, Имам Хомейни, Иран, Исламская революция, «Исламское пробуждение», Сейид Кутб, Мухаммад Кутб, Муртаза Мотахари, Сирия.*

Об одном эпизоде русско-персидской войны 1826–1828 годов

Дарья Олеговна Васильева

Государственный Эрмитаж daria_vasia@mail.ru

Среди предметов иранского искусства, хранящихся в фондах Государственного Эрмитажа, находятся две глиняные таблички *мухр* (араб. *турба*), выполненные в технике штамповки. Подобные изделия изготавливаются из глины, добываемой в окрестностях Кербелы или Мекки, и по сей день используются представителями шиитского направления ислама при совершении молитвенных поклонов во время намаза, представляя собой один из важнейших атрибутов шиитской культовой практики. Оба предмета не вошли в инвентарные книги музея и ранее не публиковались.

Одна из двух табличек обладает весьма внушительными размерами и довольно сложной композиционной структурой. Табличка была расколота на шесть частей, а затем склеена, и имеет значительные повреждения.

На гладкой оборотной стороне изделия процарапана надпись в семь строк, нанесенная чернилами. Согласно тексту надписи, этот предмет был передан генерал-лейтенанту Павлу Петровичу Сухтелену (1788–1833) Гасан-ханом (Гассан-ханом), командующим гарнизоном Эриванской крепости, взятым в плен при осаде Эривани в ходе второй русско-персидской войны 1826–1828 годов.

Осада Эривани русским корпусом под командованием генерал-лейтенанта А. И. Красовского была завершена 1 октября 1827 года. Гарнизон крепости был разбит, а сам Гассан-хан с остатками защитников укрылся в мечети, где и был захвачен в плен. В штурме крепости принимал участие П. П. Сухтелен. В своем дневнике Красовский отмечает, что он лично обезоружил Гассан-хана и передал снятое оружие Сухтелену «для отправления корпусному командиру». Вполне возможно, что именно в этих обстоятельствах, будучи захваченным в плен в мечети, Гассан-хан и передал глиняную табличку Сухтелену.

В собрании музея находится еще один предмет, непосредственно связанный с драматическими событиями штурма Эривани. Это сабля с ножнами, подаренная Гассан-хану иранским правителем Фатх 'Али-шахом. Позднее сабля была отправлена императору Николаю I и поступила в Царскосельский Арсенал.

Обстоятельства появления глиняной таблички в Эрмитаже пока не установлены. Известно, что в 1838 году в музей был передан ряд произведений западноевропейской книжной графики из библиотеки отца Павла Петровича, Петра Корниловича Сухтелена (1751–1836). Возможно, передача глиняной таблички была осуществлена одновременно с поступлением собрания Сухтелена-старшего.

«Курдские рукописи в Российской национальной библиотеке» –новый электронный ресурс Отдела рукописей

Ольга Валентиновна Васильева

Российская национальная библиотека orientsekt@nlr.ru

Собрание из 55 курдских рукописей российского консула в Эрзеруме Александра (Августа) Деменьтьевича Жабы (1801– 1894), поступило в Императорскую Публичную (ныне Российскую национальную) библиотеку в 1880 г., однако изучение коллекции началось значительно позже. Связано оно с именем М. Б. Руденко, которая издала два печатных каталога: курдских рукописей собрания Жабы в Публичной библиотеке (1957 г.) и курдских рукописей в собраниях Ленинграда (1961 г.). Именно они легли в основу электронного каталога на сайте РНБ.

Описания в этом каталоге расширены данными о бумаге и переплетах, о приписках, находящихся в той или иной рукописи, о литературе, посвященной тем или иным памятникам, и что самое важное, они снабжены полными электронными копиями всех 55 курдских рукописей. Работой над этим сегментом занимались как сотрудники Отдела рукописей (О.М. Ястребова, М.А. Поздеева, Е.А. Филонов), так и куратор из Отдела автоматизации (Л. В. Емельянова)

Для создания полновесного электронного ресурса каталог, если в него «входить» как в виртуальную выставку, был предварен несколькими иллюстрированными вводными статьями, посвященными биографии Августа Жабы, его собирательской и исследовательской деятельности, обзору собрания, истории его приобретения, описания и изучения (эти статьи подготовлены О.В. Васильевой). Кроме того имеется краткая справка об электронном каталоге (составлена О. М. Ястребовой) и раздел Литература, в котором приведены следующие библиографические данные: работы самого А.Д. Жабы, работы о нем, о его собрании, публикации текстов из его собрания. (Размещение текстов и иллюстраций на сайте было выполнено веб-мастером В. А. Черноусовой.)

http://expositions.nlr.ru/ex_manus/kurd/index.php

Таким образом, новый электронный ресурс Отдела рукописей, с одной стороны, органично вписывается в серию виртуальных выставок, подготовленных на материалах сектора восточных фондов и предназначенных для их популяризации, а с другой стороны, предоставляет электронные копии для будущих исследований специалистами-курдоведами. За период с ноября 2018 по январь 2019 к ресурсу обратились 260 удаленных пользователей.

В докладе особое внимание будет уделено новым сведениям об А.Д. Жабе.

Отличительные стилистические особенности «Тарджумаи «Тафсири Табари»

Умеда Абдуллаевна Гафарова

профессор, д. филол. н., Ходженский университет umedagafari1@mail.ru

«Джами`-ул-байан ан та`вили-ил-Кур`ан» Мухаммада ибн Джарира ат-Табари является одним из древнейших и полнейших комментариев священного Корана на арабском языке и в целом составлен на основании хадисов с упоминанием полной цепочки истории хадиса (иснада). Выдающийся комментарий Мухаммада Ибн Джарира ат-Табари всегда пользовался огромной популярностью у ученых, богословов, комментаторов и корановедов в плане его полноты, научно-культурной ценности, которые бесконечно цитировали его.

Автор статьи анализируя отличительные особенности «Тарджумаи Тафсири Табари», приходит к следующим выводам:

1. «Перевод Тафсира Табари» является вольным, сокращенным и творческим переводом ученых-богословов Маверуннахра. Его подлинным и оригинальным источником является «Тафсир» ат-Табари, то есть «Джами`-ул-байан ан та`вил-ил-Кур`ан», из которого переводчики приводили аяты буквально.

2. Порядок разделов книги соответствует традиционному порядку божественных сур в священном Коране и сказания приводятся под каждой сурой и между переводом аятов. Текст «Тарджумаи «Тафсири Табари» следует разделить следующим образом: раздел перевода аятов и раздел комментария и сказаний. Стилистика перевода аятов отличается от стилистики изложения сказаний.

3. Переводчики «Тарджумаи «Тафсири Табари» также следовали буквальному переводу и прилагали усилия при переводе с арабского языка, находя эквивалентные и адекватные слова на персидском языке. Они старались использовать общеупотребительную лексику или возродить те слова, которые были утрачены, иногда при отсутствии эквивалента на персидском языке, использовали арабскую лексику.

4. В произведении можно встретить изящные эквиваленты коранических слов и понятий, придавшие переводу непревзойденную красоту и точность. Этот раздел перевода в «Тарджумаи «Тафсири Табари» является признанным образцом лаконичной прозы без излишеств излагающей смыслы священного Корана и благодаря эквивалентам, приведенным совместно с коранической лексикой, получил огромную значимость, наряду с этим является весьма щедрым источником исследования вопросов истории персидского языка и языкознания.

5. Другой важной характерной особенностью является пристальное внимание переводчиков к инкрустации и красоте словесного облачения коранических аятов, и в целом к непревзойденности священного Корана. Истинная вера, преданность и благочестие понуждала их отразить эту тонкость и неповторимость словесной палитры священного писания и в его переводе, не оставить без внимания ни одной детали, не упустить важных и существенных моментов.

6. В части перевода коранических аятов в «Тарджумаи «Тафсири Табари» в целом является первым официальным, буквальным и наиболее полным персидским переводом

священного Корана, послужившим величайшей словесной сокровищницей для последующих переводчиков и интерпретаторов Корана.

7. Подбор слов и эквивалентов на персидском языке для коранических слов и понятий является выдающимся достижением переводчиков тафсира Табари, что послужило в дальнейшем для повсеместного распространения коранических понятий и смыслов среди персоязычных народов.

8. Наряду с тем, что переводчики тафсира Табари были выдающимися знатоками арабского языка и литературы, они прибегали к употреблению арабской лексики только при крайней необходимости и не потеряли «исконно национальную основу». Некоторые слова и словосочетания, религиозные нормативные слова неизбежно вошли в текст перевода аятов только по необходимости.

9. Во втором разделе «Гарджумаи «Тафсири Табари», как уже нами указывалось выше, переводчики уделили пристальное внимание комментариям и историческим книгам, касающихся ниспослания аятов, особенно коранических сказаний. В связи с этим, в части «Гарджумаи «Тафсира Табари» существует множество легендарных преданий древнего Ирана, ираиляит (евреизмы), исторические предания эпохи распространения ислама. Конечной целью переводчиков от констатации древних преданий и сказаний было нравственное воспитание и назидательный пример.

10. Переводчики тафсира Табари в связи со своими истинными целями, оставили без внимания другие аспекты комментария, к примеру, вопросы декламации, лексики, грамматики, синтаксиса, красноречия и риторики, ясных аятов и др. И эта инициатива переводчиков обусловила основное противоречие основного текста перевода с его арабским оригиналом.

Кризис в работе школ Палестинского общества (1906-1909) и его преодоление

Александр Гаврилович Грушевой

с. н. с. ИВР РАН agrush@yandex.ru

Важнейшим достижением работы Императорского Православного Палестинского общества в Палестине и Сирии, основанного в 1882 году, стало формирование системы школ – учебных заведений, существовавших преимущественно в Сирии и частично в Палестине, в которых учили основам всех наук детей арабов-христиан.

На рубеже XIX-XX вв. их количество было, по сравнению, с началом XXI в, гораздо выше. Если сейчас арабов-христиан достаточно много на территории Ливана, то сто лет назад на всей территории Сирии и отчасти Палестины их количество исчислялось сотнями тысяч.

На рубеже XIX-XX вв, в условиях, когда весь Ближний Восток был под контролем Османской империи, все христианские государства стремились закрепиться на Ближнем Востоке с желанием и контролировать христианские святыни, и оказывать покровительство местном христианскому населению (Иерусалимская и Антиохийская церкви).

Успехи Российской империи в этой конкурентной борьбе за умы можно назвать неплохими для исторических условий конца XIX-начала XX вв. В первые годы XX в. в Сирии и Палестине функционировало 102 школы ИППО, общее количество учеников в которых составляло около 11 тысяч человек.

Абсолютное большинство этих школ было начальными. В Назарете и Бейт-Джала было несколько так называемых образцовых школ с улучшенными программами. Здесь же были так называемые учительские семинарии – в Назарете – для мальчиков, в Бейт-Джала – для девочек. Здесь готовили педагогов для школ Общества. Эти школы подготовили первых профессиональных педагогов из числа арабов.

Школьная деятельность Палестинского общества была успешной до первой русской революции (1905-1907). С момента основания до начала революции ИППО успешно существовало благодаря пожертвованиям и кружечному сбору – в каждой церкви Российской империи стояли специальные кружки, куда можно было класть пожертвования на нужды паломников и христианских святынь.

Однако в годы первой русской революции количество жертвователей в церквях и прямых взносов на нужды Общества резко упало, что сперва привело к финансовым сложностям Общества, а затем и к ощущению неизбежного краха ввиду всё возрастающей скудости финансирования.

В эти годы повседневной работой Общества руководил Н.М. Аничков вице-председатель Общества, человек весьма консервативных взглядов, монархист, трагически воспринимавший первую русскую революцию ужасавшийся возрастающей пропасти между монархом и обществом.

Со второй половины 1907 года тема неизбежности краха Палестинского общества и необходимости во избежание этого закрыть школы Общества в Сирии становится для Н.М. Аничкова всё более важной.

Для Н.М. Аничкова борьба за спасение Палестинского общества путем закрытия школ Общества в Сирии и экономии таким образом значительных средств становится всё более значимой.

Он предпринимал серьёзные попытки достичь поставленной цели: писал множество писем, записок, различных докладов, обосновывая невозможность спасти Общества от краха какими-либо иными средствами.

Он предлагал сохранить школы Общества только в Палестине, а преподавателям школ в Сирии планировал предложить либо работу в школах в Палестине, либо выход на пенсию, либо поиска работы в России.

Любые сколько ни будь значимые действия с Императорским Православным Палестинским обществом были возможны только санкции императора. Н.М. Аничков несколько раз добивался аудиенции у Николая Второго, но резолюции Николая были всегда уклончивыми и компромиссными. Отсутствие санкции на закрытие школ стало одним из факторов их спасения в это время.

Другим таким фактором стала позиция русских дипломатов. Консул в Дамаске (Б.Н. Шаховской) консул в Бейруте (А.А. Гагарин) и посол в Константинополе (И.А. Зиновьев) выступили с консолидированной позицией – сохранение школ Общества в Сирии для престижа России значит гораздо больше тех трат, которые могут быть связаны с обеспечением их работы.

Решающее голосование на Совете общества по вопросу о школах Общества в Сирии и их будущем состоялось 22 мая 1909 г. Формулировка оказалась компромиссной. О закрытии школ Общества было решено говорить только в том случае, если будет найдено дополнительное финансирование в размере 60 рублей. Вопрос был подготовлен Министерством иностранных дел заранее. Необходимая сумма была найдена и вопрос о закрытии школ отпал.

Н.М. Аничков осенью 1909 г ушел в отставку, но это не означало разрешения всех вопросов, связанных с судьбой школ. Решение о сохранении школ означало необходимость решения следующего вопроса – как организовать учебный процесс. Вопрос этот решался в ходе целой серии совещаний с 1910 по 1914 год. Новый вариант программы для учительских семинарий Общества был представлен Совету Общества 23 июня 1914 года, за 5 дней до выстрелов в Сараево, послуживших поводом для начала Первой мировой войны.

В итоге приходится с сожалением констатировать, что школьный кризис был преодолен, но Общество не смогло воспользоваться результатами собственного труда, так как коренным образом изменившаяся международная обстановка сделала невозможным нормальное функционирование школ юридически сохранявших своё существование до последних дней декабря 1917 года.

Несколько замечаний по поводу изучения священных книг езидов и его освещения в литературе

Екатерина Валентиновна Гусарова,

ИВР РАН; РНБ; НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) ekater-ina@mail.ru

На современном этапе исследователи начали активно изучать религию езидов в рамках курдоведения как в России, так и за рубежом. Это говорит о интересе, который представляют история и культура курдского народа и их религиозная принадлежность для исследователей. Происходит это под началом традиционного востоковедения и в соответствующих научных учреждениях. К сожалению, публикации, вышедшие в последние два десятилетия по этой теме оставляют у читателя множество вопросов, тем более ввиду отсутствия постоянства в использовании и переводе тех или иных терминов. Изучению курдов посвящен целый пласт трудов на многих языках мира. Также обстоит дело и с исследованиями в области езидизма. Нужно отметить, что опубликованные 100 и более лет назад работы, а также публикации на малодоступных для широкого круга читателей языках (не только в силу самого языка, но и благодаря их физической недоступности и ограниченным тиражам), например, на арабском языке, зачастую не принимаются во внимание авторами этих публикаций. Такой подход неизбежно порождает мифы и легенды, и без того в большом количестве окружающие езидское вероучение. Неосторожные высказывания затем цитируются молодыми исследователями и принимаются как данное.

В рамках настоящего исследования планируется осветить пласт литературы, незаслуженно оставленной без внимания, которая внесла бы ясность в ряд современных исследований, посвященных религии езидов и, более всего, их религиозной литературе.

Исследовательницы-новаторы XX века в Таджикистане

Лариса Назаровна Додхудоева

Институт истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистан
sofikomalik@gmail.com

В XX в. в Таджикистане работала плеяда исследовательниц-новаторов, которые положили начало развитию новых направлений в отечественной этнологии. Антонина Константиновна Писарчик, Балкис Халиловна Кармышева и Роза Львовна Неменова – три ключевые фигуры таджикской этнологии, которые сформировали новые направления в отечественной науке и превратили их из маргинальных течений в основополагающие направления отечественной науки.

Большую ценность представляют собой многочисленные архивные материалы из личных фондов трех этнологов-новаторов, которые в настоящее время хранятся в архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикистана. Они являются документальными свидетельствами их полевых и научных исследований.

А.К. Писарчик (1907 –1995г.), несомненно, принадлежит к тем ключевым фигурам, которые сыграли основополагающую роль в сложении и развитии этнографической школы Таджикистана XX в. За семнадцать лет своего руководства сначала сектором, а затем отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук Таджикистана (1948-1965гг.) она, по сути, сформировала школу таджикской этнологии, которая, по признанию ее коллег, по своему потенциалу и значению стала третьей в СССР после московского и ленинградского центров.

Балкис Халиловна Кармышева (1916г. - 2000г.) с 1945 по 1956г. вела комплексные этнографические изыскания тюркских сообществ в Таджикистане и других регионах Центральной Азии. В целом, имевшийся до начала ее работы научный материал о тюркских субэтнотипах центральноазиатского региона был весьма неравномерным по различным тюркским группам не давал сколько-нибудь отчетливой картины их бытового уклада, не мог служить прочным фундаментом для заключений (С.С. Губаева).

Работа в Таджикистане стала поистине основополагающей в научной биографии Б. Х. Кармышевой, позволив ей добиться первенства и несомненного лидерства в области изучения истории повседневности субкультур Центральной Азии.

Лауреат Государственной премии Республики Таджикистан им. Абуали б.Сино(Авиценны)Розалия Львовна Неменова (1908 г.- 1988г.) начинала свою деятельность в Комитете таджиковедения, что было крайне необходимо для развития образования и науки в республике, а в широком смысле- сохранения национальной и культурной идентичности таджиков, даже самого этнонима «таджик».

Подготовленные ею учебники русского языка для школ с таджикским языком обучения выдержали 12 переизданий. Ее монография «Таджики Варзоба», которая основана на материале возглавляемых ею этнографических экспедиций, является единственным исследованием этнического состава населения долины р. Варзоб, которая

может быть поставлена в ряд таких классических исследований, как «Таджики долины Хуф» М.С.Андреева, коллективная работа «Таджики Каратегина и Дарваз» и т.п.

Обширная научная эрудиция, знание языков, источников исторического и этнологического характера, активное внедрение методов прикладной этнографии при сборе полевых материалов, а также воспитание новых специалистов позволило исследовательницам-новаторам А.К. Писарчик, Б.Х. Кармышевой и Р.Л. Неменовой не только сформировать школу этнологии Таджикистана, но и вывести ее на лидирующие позиции в XXв.

Ныне их научное наследие принадлежит уже всему международному академическому сообществу, и порой они остаются единственными этнологическими исследованиями по повседневной истории и культуре Центральной Азии, которые не утратили своей актуальности и научной значимости по сей день.

К вопросу об атрибутивных сочетаниях и сложных словах в памирских языках и таджикских диалектах

Лейла Рахимовна Додыхудоева

Институт языкознания РАН Москва leiladod@yahoo.com

Доклад посвящен одному из морфосинтаксических явлений в памирских языках: атрибутивным конструкциям и их переходу в разряд сложных слов, композитов.

Мы рассмотрим конструкции, где средством выражения синтаксической связи служит позиционное примыкание, в частности, именные словосочетания типа «С+С» (N+N, N/ADJ+N/ADJ, N+N/V/PTCP). В таких конструкциях проявляются следующие особенности порядка слов в именной группе: несогласованное зависимое предшествует вершине. Сходные построения обнаруживаются и в таджикском языке, особенно в его юго-восточных диалектах. При этом в таджикском языке такого рода сочетаниям, как правило, соответствуют изафетные сочетания, в которых главное слово оформляется изафетом. Для середины XX века письменно засвидетельствовано, что в шугнанском языке такие построения, как правило, представлены посредством сочетаний без служебных слов, где несогласованное зависимое предшествует вершине (Алексеев 1973: 132, 134).

Наш доклад строится на ряде примеров, типа приведенного в таджикском тексте СМИ, куда включен описательный оборот, представленный в таджикском языке изафетной конструкцией: тадж. *доиразаниии занон* (где последнее *-и* представляет собой изафет) 'игра на бубне женщин; женская игра на бубне'. Он передается шугнанским эквивалентом – устойчивым сочетанием на основе позиционного примыкания – *кахоу дāф*.

При этом в шугнанском языке идет активный процесс сдвига подобных построений из разряда словосочетаний в разряд сложных слов – композитов: *кахоудāф*.

В дополнение рассматриваются именные словосочетания разного типа со служебными элементами и/или изафетной конструкцией в разных памирских языках, таджикском языке и диалектах таджикского языка, служащие той же цели.

Кроме того, обсуждаются морфосинтаксические различия в дистрибуции изафетных конструкций, которые наблюдаются в речи носителей разных поколений, в частности конструкции аппозитивного определения. Мы проследим, как сложились такие образования и их контексты на примерах функционирования ряда восточноиранских (памирских) языков и их взаимодействии с западноиранскими (таджикским), а также их взаимное влияние.

Ключевые слова: таджикский язык таджикские диалекты памирские языки атрибутивным конструкция морфосинтаксис

Темы и образы современной афганской новеллы на языке дари.

Заринэ Алиевна Джандосова

СПбГУ, Восточный факультет zarinejandosova@rambler.ru

Становление современной прозы на языке дари происходило в 1920 – 1960-х годах, и оно достаточно хорошо изучено. Однако в последние четыре с половиной десятилетия афганская литература развивается на фоне трагических исторических событий, таких как государственные перевороты, иностранная оккупация, гражданская война, идеологическое и этническое противостояние, вынужденная эмиграция миллионов людей, экономическая разруха и социальный кризис. Попытка создания литературы социалистического реализма в 1980-е годы и отказ от идеологии и пропаганды в последующее десятилетие, становление литературы сопротивления и антивоенной литературы – вехи этого развития. В настоящее время афганские писатели, разбросанные по всему миру, рефлексиируют по поводу потерянной родины, ее исторической судьбы и тяжелого положения народа. Некоторые из них претерпели серьезную эволюцию, отказавшись от идеализма юности, другие вступили в литературу с текстами, с самого начала окрашенными в мрачные тона. Часть писателей предпочла крупную форму, часть работает в жанре короткого рассказа (новеллы). Многие из молодых литераторов, представляющих литературу эмиграции, экспериментируют с формой и техникой письма. В докладе анализируются темы и образы коротких рассказов афганских писателей, опубликованных в 1990 – 2000-х годах, в частности, в обширной антологии «Наследие Шехрезады в Афганистане», изданной Сайидом Исфахом Шуджаи в Тегеране в 2007 году.

Ключевые слова: язык дари, литература, короткий рассказ, литература сопротивления, антивоенная литература, литература афганской эмиграции

Рукописи средневековых сочинений по музыкальной науке на персидском языке в собраниях Санкт-Петербурга (Институт восточных рукописей РАН и Российская национальная библиотека)

Александр Бабаниязович Джумаев,

кандидат искусствоведения, Ташкент, Узбекистан adjumaev@yahoo.com

В библиотеках Санкт-Петербурга сосредоточено значительное количество рукописей на персидском языке по музыкальной науке и культуре Ирана и Средней Азии средневекового периода. Наибольшее количество из них хранится в собраниях Института восточных рукописей РАН и Российской национальной библиотеки. Это отдельные трактаты о музыке (*рисала-йи мусики*) или разделы в составе различных сочинений, включая энциклопедии наук. В выступлении дается общий обзор коллекций музыкальных рукописей с характеристикой как уже известных трактатов о музыке (например, трактатов Мухаммада Нишапури, Наджм ад-Дина Кавкаби, Дарвиша Али Чанги и других), так и редких и уникальных сочинений. Коллекции рукописей о музыке классифицируются хронологически (с X и по начало XX в.) и по тематическим направлениям: наука о музыке (*илм-и мусики*), суфийские сочинения, *байазы* - сборники стихов для исполнения в системе мусульманской классической музыки - *макамата* и др. Источниковедческое описание сочинений (с выяснением истории обнаружения и поступления в хранилище, изучения в современной науке и т.д.) дополняется их историко-культурным и музыковедческим анализом. Обзор основан на личном непосредственном знакомстве автора выступления с рукописями в собраниях названных коллекций.

Ключевые слова: Персоязычная наука о музыке, трактаты о музыке, ИВ РАН, РНБ, теория и история музыки, тасаввуф, сборники-байазы, Иран и Средняя Азия.

Пакистан - Иран: внутренние и внешние вызовы сотрудничеству

Наталья Алексеевна Замаараева

к.и.н., с.н.с. ИВ РАН Центр БСВ olunja@mail.ru

Тенденция движения навстречу друг другу в отношениях между Исламабадом и Тегераном стартовала во второй половине 2017 г. Драйвером стали встречи премьер-министр Ш.Аббаси с президентом Ирана Х. Роухани официальные визиты в Иран министра иностранных дел Х. Асифа в сентябре и командующего сухопутными войсками генерала Камара Джаведа Баджвы (*первый за двадцать лет!*) в ноябре 2017 г. Стороны подчеркнули необходимость сохранения этой позитивной траектории в двусторонних отношениях для содействия торгово-экономическому сотрудничеству.

Многие в Пакистане отмечали, что подобное сближение позиций продиктовано осознанной необходимостью совместных действий с целью противостоять угрозам безопасности, и, как следствие, разбалансировке региона.

Это был трудный период для обеих стран. Визиты состоялись вскоре после - *во-первых*, введения Вашингтоном новых санкций против Тегерана. Президент Х. Роухани еще 15 августа 2017 г. заявил, что Тегеран готов выйти из Соглашения 2015 г., по результатам которого были сняты большинство международных санкций в обмен замораживание Ираном его ядерной программы.

В ответ на антииранские санкции пакистанские СМИ писали, что «... мир стал свидетелем того, что США в дополнение к повторяющемуся невыполнению своих обещаний в рамках JCPOA (ядерная сделка) проигнорировали ряд других мировых соглашений, продемонстрировав, что США не являются надежным партнером...».

- *во-вторых*, объявленной президентом Д.Трампом «Новой стратегии США в Афганистане и Южной Азии» в августе 2017 г. И Исламабад, и Тегеран выступили против наращивания американского военного контингента в регионе, исключили военное решение внутриафганского конфликта, заявив о необходимости политического урегулирования в Афганистане.

Несмотря на стремление сторон к восстановлению режима добрососедского сосуществования, Пакистан и Иран сталкивается с рядом, которые вызывают напряженность в отношениях. К ним относятся:

- пограничный вопрос
- урегулирования / выполнение пакистанской стороной газового Соглашения, подписанного еще весной 2013 г.
- усиление «саудовского» вектора внешней политики Исламабада, вызывающего озабоченность Тегерана и т.д.

Граница Вопросы пограничного контроля остаются приоритетными для военных ведомств обеих стран. Пограничные инциденты имеют место. Еще в мае 2017 г. Исламабад и Тегеран согласились восстановить горячую линию между пограничными службами двух стран, подтвердив важность эффективного управления границами,

пресечения незаконного оборота наркотиков и несанкционированного пересечения границы транспортными средствами.

Стороны согласились расширить сотрудничество в области обороны и безопасности, в решении общих вопросов, особенно в выявлении и противодействии факторам, которые вызывают распространение терроризма вдоль границ между Ираном и Пакистаном, борьбу с незаконным оборотом наркотиков, терроризмом и экстремизмом.

Газопровод Иран построил нитку трубопровода почти до границы с Пакистаном. Исламабад до настоящего времени не выполнил свои обязанности по проекту. Построив газопровод в Белуджистане, не дотянул 70 км до соединения ее с газовой сетью Ирана. Правительство, возглавляемое премьер-министром Н.Шарифом в 2015 г. подписало контракт с Катаром на поставки природного газа. В результате проект, который может дать толчок дальнейшему развитию дружбы между Пакистаном и Ираном, помимо поставок газа, остается мечтой.

Страны Персидского залива и Пакистан Активность нового премьер-министра Имран Хана (пришел к власти в результате победы на всеобщих парламентских выборах возглавляемой им партии Движение за справедливость Пакистана (ДСП) в июле 2018 г.) на саудовском направлении очередной раз вызывает тревогу Ирана. И она обоснована, так как в феврале 2019 г. Исламабад и Эр-Рияд подписали пакет Соглашений на строительство нефтеперерабатывающей установки в порту Гвадар. Это означает, что прямые поставки углеводородного сырья с месторождений Персидского залива очередной раз «отодвинут» выполнение Исламабадом обязательств.

Стремление Исламабада и Тегерана интенсивно двигаться навстречу друг другу часто наталкивается на препятствия «непреодолимой силы» - защита национальных интересов. В настоящее время инвестиционная и финансовая поддержка Королевства Саудовская Аравия и Объединенных арабских Эмиратов более значима для урегулирования кризиса валютного дисбаланса Пакистана.

“Нукта ал-Каф” как источник по изучению шейхизма и раннего бабизма.

Юлий Аркадьевич Иоаннесян

ИВР РАН youli19@gmail.com

«Китаб-и Нукта ал-Каф» или «История Мирзы Джани (Кашани)» получила известность после того, как в 1910 г. Э. Браун (E. Browne) издал персидский текст исторической хроники, повествующей о ранней истории бабизма, авторство которой приписывалось Мирзе Джани из Кашана. Браун рассматривал ее как мерило достоверности других исторических хроник событий, связанных с бабидами. Однако, вопреки мнению Брауна, хроника не является оригинальным произведением, представляя собой позднюю компиляцию с возможным включением пассажей, действительно принадлежавших Мирзе Джани, она не позволяет судить об истинных взглядах ни самого Мирзы Джани, ни бабидов в целом на ранней стадии Бабидского движения. В настоящее время выявлено как минимум три редакции этого памятника. В докладе делается краткий обзор этих редакций. Однако, несмотря на доказанность компилятивного характера этого памятника, до сих пор предпринимаются попытки его «реабилитировать» как единый оригинальный источник, вышедший из-под пера Кашани. Последнюю крайне неудачную такую попытку сделали в 2004 г. У. Маккантс и К. Милани.

Вышесказанное позволяет сделать следующий вывод. Историческая хроника под названием «История Мирзы Джани» не может быть полностью отвергнута как всецело «недостоверный источник», однако с учетом ее компилятивного характера и того, что к ней приложило руку немало редакторов, включая заинтересованных в тенденциозной подаче фактов, большинство из которых не выявлено, к использованию материалов этой хроники следует подходить крайне осторожно, подтверждая изложенные в ней факты соответствиями из других, более надежных источников.

Языковая политика в Иране во втором десятилетии XXI века: традиции и инновации

Марина Самуиловна Каменева

к. филол. н., ИВ РАН, РУДН kamenevamarina@mail.ru

В докладе будут проанализированы, с точки зрения автора, направления языковой политики, проводимой руководством Исламской Республикой Иран во втором десятилетии XXI века. Языковая политика рассматривается как важная часть культурной политики, а персидский язык - на фоне его взаимоотношений с национальными языками и культурами, бытующими на территории страны. Особое внимание будет уделено международному аспекту языковой политики, абсолютно новому явлению в послереволюционном Иране и в его контексте теме "Иран и Запад" как важным компонентам популярной во властных структурах страны политики "мягкой силы".

Аланский фактор в развитии римско-иранского пограничья

Константин Дмитриевич Камышев

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Колледж профессионального образования robespewr@mail.ru

Римско-иранское пограничье – геополитический регион, существовавший в период с I в. до н.э. по первую треть VII в н.э. Он состоял из различных политических образований, таких как буферные государства, различные племена, народы и отдельные общины. Ядром римско-иранского пограничья являлись территории Месопотамии, Сиро-Палестинского региона, Северной Аравии, а также Кавказского региона. В его периферию в различные периоды претендовали территории Предкавказья, Северного Кавказа, Центральной и Южной Аравии, Северо-Восточной Африки. В период своего существования данный регион имел постоянную тенденцию к расширению и включению в орбиту своего влияния все большего количество различных политических образований.

Как и все могущественные державы, Парфия (затем Сасанидский Иран) и Рим (в дальнейшем Византийская империя) в своей внешней политике реализовывали систему мероприятий, которую, используя терминологию Э. Люттвака, можно обозначить как «большая стратегия». Одним из наиболее важных аспектов «большой стратегии» двух крупнейших империй позднеантичного Ближнего Востока являлось вовлечение в орбиту своего влияния народов, проживавших в непосредственной близости от их границ. При этом особое значение имела борьба за привлечение на свою сторону тех этносов, территории расселения которых являлись сопредельными с владениями обеих держав одновременно.

Аланы впервые зафиксированы китайскими источниками в 25 г. н.э. Предположительно прародиной алан была Средняя Азия, область севернее Согда. Крайне важным буферным государством между аланскими племенами на Северном Кавказе и ключевыми государствами римско-иранского пограничья было Боспорское царство. Необходимо упомянуть, что именно Боспорская война в свою очередь ослабила влияние основных сарматских племенных объединений в Северокавказском регионе – аорсов и сираков, уже в 50-е гг. I в. н.э. вытесняемые родственными им аланами. «Аланский фактор» стал одним из важнейших в развитии Кавказского участка римско-иранского пограничья вплоть до кон. IV в. н.э.

В 72 г. н.э. в пределы Парфянского царства вторгаются аланы, они подвергают разорению территории Албании Кавказской, Великой Армении и Атропатены (Ios. *B. Iud.* VII. 7, 4). В 73 г. н.э. Тиридат I, основатель династии армянских Аршакидов (Аршакуни) едва не попал в аланский плен. Ни союзная Риму Иберия, ни одна из восточных римских провинций не были атакованы аланами. Более того, иберийский царь Митридат II попытался, опираясь на алан, вернуть контроль своей династии над Великой Арменией. В надписях он упоминается в качестве «друга Веспасиана» и его сыновей¹.

В 93-123 гг. — возможно существовал союз между местными варварскими вождями и аланами во время Савромата I, царя Боспора. Этот боспорский царь побеждает в нач. II

¹ Дибвойз Н. К. Политическая история Парфии. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. С. 174.

в. в очередной войне и одновременно подавляет мятеж в своем царстве, за которым могли стоять группировки придерживающиеся пропарфянской или продакийской ориентации.

Боспор в конечном итоге стал на два столетия надежным антиварварским буфером Рима, последовательно и неуклонно действуя в фарватере римской политики². Об этом свидетельствует фиксация должности под 208 г. — Ирак, «главный аланский переводчик» на Азиатском Боспоре.

Закавказские государства: Иберия, Албания, Атропатена, Великая Армения играли роль буфера не только между Римом и Ираном (Аршакидского и ранне-Сасанидского периодов), но и кочевой периферией Северного Кавказа, входящего в евразийский коридор великих миграций. Е.Г. Маргарян утверждает: «...еще со времен Помпея, римляне нередко брали на себя часть расходов по содержанию иранских гарнизонов, охраняющих Аланские ворота и Ворота Чора (напротив Дарубанд-Дербента)»³.

135 г. — вторжение аланов в Закавказье, Мидию и Каппадокию. Основным источником этих события выступает работа Арриана «Диспозиция против аланов». В ней указывается, что для отражения их набега приходится мобилизовать силы союзных римлянам кельтов (возможно галатов), боспорцев (имеющих опыт борьбы с аланами в Северном Причерноморье), армян, даков (также имеющих опыт взаимодействия с аланам)[Arrianus. *Acies contra Alanos*, 1-7].

В 138 и 161 гг. — Аланские набеги при Антонине Пие. Возможно, с этими событиями было связано посещение Рима иберийским царем Фарсманом II. Кроме того, указывается, что этот император назначил ряд царей в Закавказье. 185/89 гг. — состоялся Аланский набег на Мцхета, столицу Иберии, отраженный иберийским царем Амзаспом II.

Значительную опасность представлял «Аланский фактор» и для Великой Армении. В 225 г. — Аланы в союзе с армянским царем Хосровом I выступили против персов. В 330-338 гг. — Аланы в союзе с Санесаном, царем массагетов, против армянского царя Хосрова II Котака.

Но раздел Армении в 387 г. ликвидировал основное буферное государство, препятствовавшего постоянному прямому взаимодействию Рима и Ирана с варварской северокавказской периферией.

Другими событиями, повлиявшими на рост значения Аланского фактора в римско-иранском пограничье послужило ослабление римского влияния в Боспорском царстве в связи с системным кризисом Империи в III в. Но решающее значение приобрело другое событие. К 370-м гг. на восточных границах территории, занимаемой аланами, появились орды гуннов. Аланы вступили в союз с гуннами.

В результате аланы оказались в непосредственной близости от римских и персидских владений в Закавказье, и соперничество великих держав за привлечение воинственных кавказских соседей на свою сторону стало лишь вопросом времени⁴. С другой стороны, разгромив остготов и став союзниками гуннов, часть аланов мигрировала на Запад и приняла участие в Великом переселении народов и образовании «варварских» государств на территории Западной Римской империи.

² Н.И. Винокуров, С.М. Крыкин: с. 176.

³ Е.Г. Маргарян. На стыке римского и восточноэллинистического цивилизационных «номосов». Из истории приевфратской контактной погранзоны. С. 75.

⁴ Дмитриев. Аланы... С. 511.

В 450-60 гг. – военные экспедиции иберийского царя Вахтанга I Горгасали против аланов. Он же сформировал фортификационную систему на аланской границе, за счет укрепления и восстановления крепостей (Дарьял, Уджарма, Череми, Хорнабуджи, Артануджи).

В V в. персы стремились укрепить свое влияние среди алан, посредством как военных походов, так и укрепления религиозного влияния. В 438 г. н. э. была основана персидская крепость Нарын-кала на территории Дербента. Конец V в.— столкновение иберийского царя Вахтанга Горгасала с аланами и их поражение на р. Терек.

На значительную независимость алан к VI в. сообщает нам Прокопий Кесарийский, одновременно он утверждает о преимущественно их проперсидской ориентации [Proc. Bell. VIII. 3. 4]. В VI в., в период обострения борьбы Византии и Ирана за преобладание в Передней Азии при персидском царе Хосрове Ануширване (531–579) и византийском императоре Юстиниане Великом (527–565), одним из таких народов оказались кавказские аланы⁵.

С VI в. среди кавказских аланов начинает распространяться зороастризм. В этот период по возрождающемуся северному участку Великого шелкового пути прибывают согдийцы⁶. В период правления Сасанидского царя Хосрова Ануширвани (531-78 гг.) – введен персидский гарнизон в Дербент⁷ и проведены фортификационных работ на Восточном и Центральном Кавказе против вторжения северных кочевников. Формируется своеобразный «аланский» пограничный округ. Через этот участок римско-иранского пограничья к аланам также могли проникать элементы зороастризма.

Таким образом, аланский фактор играл важную роль в развитии римско-иранского пограничья в I – VII вв. н.э. Аланские племена Великие державы пытались привлечь алан для решения своих внешнеполитических задач в регионе. По поводу аланской опасности в отдельные периоды происходила консолидация римлян и парфян (в дальнейшем персов), соперники объединялись для борьбы против общего врага.

⁵ Дмитриев... с. 510.

⁶ Р.Р. Рудницкий О ЗОРОАСТРИЗМЕ У АЛАН В VII-IX ВВ. Историко-археологический альманах, No 7, Армавир, 2001, стр. 75-86 (с. 76.)

⁷ Кудрявцев А.А. Древний Дербент, М. 1982, с. 77.

Šāyast — nā šāyast («Что можно, а что нельзя») в контексте средневековых персидских ривайатов

Алий Иванович Колесников

ИВР РАН, Государственный Эрмитаж ali.koles@mail.ru

Сочинение с этим названием находится в зороастрийской рукописи XVI-XVIIв. (шифр С 1869) из коллекции Института восточных рукописей РАН. Оно относится к жанру *ривайатов* («преданий»), которые для основной массы иноверного меньшинства, не искусенного в текстах Авесты и пехлевийских комментариев и существовавшего во враждебном ему мусульманском окружении, представляли своего рода Священное писание. Ученые служители веры (*хербеда*) создавали популярные ривайаты для просвещения мирян. Части своих произведений хербеда присвоили названия *стоглаво* (*Saddar*-букв. «Сто глав» по числу освещаемых тем). Так *Šāyast-nā šāyast* обрел параллельное название *Saddar Bundaheš* («Бундахишн из ста глав» или «Стоглав Бундахишн»). Другое близкое ему по содержанию сочинение было названо «Прозаическим стоглаво», или «Стоглаво в прозе» (*Saddar Nasr*). Существует и *Saddar Nazm* («Стоглав рифмованный»), представляющий поэтическую версию «Прозаического стоглава». Вместе с тем, все три сочинения посвящены характеристике разных категорий дозволенного и запретного в религиозных и этических предписаниях позднего зороастризма.

Версию *Šāyast - nā šāyast* в рукописи С 1869 (*Saddar Bundaheš* в издании 1909 г.) по сравнению с другими отличает более логическая расстановка материала. Начальные главы сочинения повествуют о Сотворении мира и созидательной деятельности Ормазда, в последних главах представлена эсхатологическая картина мира, и тем самым все перипетии жизненных обстоятельств имеют свое начало и конец, сознательно помещаются в пределы зороастрийского Мирового цикла.

Касаясь иноязычной лексики в *SaddarBundaheš*, следует отметить, что большинство арабских заимствований в этом сочинении лишены отчетливой мусульманской окраски и относятся к заимствованиям нейтрального типа. В синонимических парах арабская и персидская части равноправны, и само наличие разноязычных синонимических звеньев лишь усиливает впечатление от изображаемого действия или состояния.

Живопись на стекле из собрания Государственного музея Востока (Москва) как отражение европейской темы в искусстве Ирана XIX в.

Коротчикова Полина Викторовна

Государственный Музей Востока poldea3@yandex.ru

Феномен европейского влияния на искусство Ирана эпохи Каджаров подробно описан в исследованиях, посвященных масляной персидской живописи XIX в. Но в искусстве данного периода существует другая интересная область - живопись на стекле, - незаслуженно обойденная вниманием специалистов. В то время как частое изображение европейцев, характерное для подобного рода предметов, в купе с самой техникой (предположительно, заимствованной из Германии) и стилем исполнения делают «картины на стекле» своеобразной квинтэссенцией интереса к Западу в каджарской культуре. В собрании Государственного музея искусства народов Востока хранится 45 предметов, выполненных в этой технике, большая часть которых представляет собой изображения людей в европейских костюмах. Их изучение позволяет добавить новые штрихи к исследованию взаимопроникновения западного и персидского в иранской живописной школе XIX в.

Мифологическое содержание авестийского Видевдата

Виктория Юрьевна Крюкова

к.и.н., ст.н.сотр.

МАЭ РАН СПб zorovictoria@gmail.com

Долгое время авестийский Видевдат оставался в глазах исследователей сводом жреческих правил, касающихся, в первую очередь, обрядов ритуальной чистоты и похоронно-поминального цикла. Еще Дармстетер в предисловии к своему переводу Видевдата отмечал, что главы, имеющие отношение к мифологии, не соответствуют общему содержанию этого памятника, а некоторые из них уместнее было бы выделить в отдельное собрание (Darmesteter 1887). Постепенно, особенно после выхода статьи Шерве в очередном выпуске «The Idea of Iran» (2007), это представление стало меняться.

Авестийский Видевдат сложно назвать цельным произведением – фрагарды и отдельные пассажи неоднородны, содержат повторы и не всегда объяснимые глоссы. Тем не менее, представляется, что древние компиляторы, пусть даже используя различные источники, преследовали цель формирования единого корпуса, и именно то, что сегодня можно было бы назвать мифологической основой, составило стержень, объединивший различные тексты и темы Видевдата.

Ключевые слова: Авеста; Видевдат; мифология.

Иллюстрированная рукопись «Субхат-ал-ахрар» Джами из библиотеки царевича Бахрам-мирзы (собрание Фонда Марджани)

Галина Валерьевна Ласикова,

куратор коллекции текстиля и манускриптов, Фонд Марджани lassikova@mail.ru

Это один из пяти известных к настоящему моменту манускриптов, созданных для библиотеки царевича Бахрам Мирзы – прославленного покровителя искусств, брата сефевидского шаха Тахмаспа I (1524–1576). Роскошно украшенный манускрипт содержит ряд миниатюр, подписанных художником Мир Афтабом. Это вновь открытое имя, безусловно, принадлежит выдающемуся мастеру сефевидской эпохи. Его специфическая манера позволяет предположить, что Мир Афтаб был одним из гератских художников, продолживших художественную традицию, заложенную в этом городе при Тимуридах.

Категориальные оппозиции как средство выражения отношения «человек-Бог» в творчестве Санаи и Шабистари

Андрей Александрович Лукашев

к.филос.н, Институт философии РАН,

директор по науке Фонда Ибн Сины andrew_1@inbox.ru

Пара понятий «человек-Бог» является одной из ключевых оппозиций в суфийской поэзии на персидском языке. Поэтический персидский язык же, как известно, чрезвычайно богат метафорами, соответственно на это отношение указывает целый ряд парных образов, таких как мотылек-свеча, соловей-роза, капля-море, влюбленный-возлюбленный и др. Кроме того, особенности этого отношения раскрываются в других парах понятий уже теоретического дискурса, которые также отсылают к отношению «человек-Бог». К таким парам можно отнести «Творец-сотворенное», «единое-множественное», «явное-скрытое», «истина-ложь», «действующий-претерпевающий», «опережаемый-опережающий» и др. Все эти пары по сути синонимичны друг другу и паре «человек-Бог». Они встречаются у разных авторов в разных контекстах. У каждого автора есть свой набор «рабочих» оппозиций, и по тому, как выстраиваются отношения внутри них, можно делать выводы о том, каковы особенности понимания тем или иным мыслителем отношения «человек-Бог».

Наглядным примером того, как различия в использовании категориальных оппозиций влияют на понимание интересующего нас отношения, может служить творчество таких персидских поэтов, как Мадждуд Ибн Адам Санаи (1081—1141) и Махмуд Шабистари (1288-1321). Творчество Санаи открывает традицию классического средневекового суфийского поэтического трактата, сочинения Шабистари же предваряют постклассический этап развития суфийской мысли. Если Санаи был мистиком, который еще не застал родоначальника суфийской философии – Мухйи ад-Дина Ибн Араби (1165-1240), то Махмуд Шабистари творил под сильным влиянием последнего, хотя и не следовал ему во всем. Тем не менее, во многом подход Санаи к решению проблемы отношения человека к Богу оказывается ближе к учению Ибн Араби, чем Шабистари. Различие в подходах к решению этого фундаментального вопроса демонстрирует разнообразие суфийской мысли, а исследование категориальных оппозиций позволяет увидеть системность во взглядах средневековых авторов.

Мусульманская и персидская культура на пути в Среднюю Азию (VIII – X вв).

Павел Борисович Лурье

Государственный Эрмитаж, Отдел Востока pavlvslyria@gmail.com

В литературе довольно часто приход ислама в Иран, особенно в северо-восточную его часть, в Хорасан, и в Трансоксиану рассматривается как единый процесс. Автору представляется, что эти завоевания и конверсии достаточно существенно отличались.

Нужно учесть, во-первых, различие исторических судеб и культуры Ирана и Средней Азии накануне ислама. Исторически родственные традиции к тому времени существенно разошлись, четкую границу между сасанидским Ираном – включая крайний его северо-восток, отлично изученное городище Мерв – и Согдом или Тохаристаном можно проследить буквально по всем областям культуры. В географической литературе наименования Хорасана и Трансоксианы не смешивались.

Мусульманство приходит в Среднюю Азию и укореняется там после Ирана и, как следствие, вместе с Ираном. На восток устремляются и беженцы – приверженцы зороастризма, и, вероятно, более многочисленные новообращенные маула – персы, сражавшиеся в войсках под знаменем Пророка. Резкую смену культуры, видную археологам между культурой Согда до середины VIII в. и позднейшего времени следует объяснять, в том числе, как увеличение связей с Западом, в первую очередь с Ираном. Можно видеть проникновение сасанидских заимствований в самые разные области материальной культуры в этот период, вытеснение местных согдийских признаков, которые далее на востоке и севере еще какое-то время сохранялись. Параллельно заимствованиям материальным шел и процесс языковой аккультурации, выразившийся в формировании новоперсидской литературы с X в. в Тохаристане и Мавераннахре, землях, где этот язык до того едва был распространен.

Персидский принц на службе Русской Императорской армии.

Виктор Магомедович Магомедханов,

к.и.н., г. Елец magvik1972@mail.ru

Светлана Маджидовна Раванди-Фадаи,

к.и.н, ст.н.с. ИВ РАН ravandifadai@yahoo.com

Доклад посвящен персидскому принцу Али Кули мирзе Каджару, которому было суждено пройти путь от корнета армейской кавалерии Кавказской армии до подполковника 2-й Отдельной кавалерийской бригады в Русской Императорской армии, не имея взысканий по службе. Боевой офицер, награждённый несколькими орденами и медалями, участвовал в Русско-Турецкой войне 1877-1878 гг., а также в Русско-Японской войне 1904-1905 гг. с которой ему не суждено было вернуться. Последним местом службы персидского принца значился город Елец Орловской губернии, где был расквартирован 52-й драгунский Нежинский полк, в котором он занимал должность помощника командира по строевой части. Али Кули мирза Каджар более 30 лет верой и правдой служил России, защищая её интересы с оружием в руках, не щадя ни сил, ни жизни. Собранные материалы впервые вводятся в научный оборот.

Мидийское царство в истории Древнего Востока

Инна Николаевна Медведская

ИВР РАН orinst@mail.ru

Возвышение Мидийского царства – первого иранского государства - началось в 660-е гг. до н.э. после удачного антиассирийского восстания мидийцев в конце 670-х гг. Вскоре начался длительный период мидийской экспансии; уже в 640-е годы началось завоевание Урартского царства и затем небольшого владения Аншана/Персиды; в 614 г. мидийский царь Киаксар захватил Ашшур, а в 612 г. вместе с вавилонским царём Набопаласаром им была разрушена Ниневия, что фактически означало падение Ассирии. В последующие годы мидийские владения на западе расширились до р. Галис в Малой Азии.

Около 550 г. в результате военного переворота в Мидийском царстве произошла смена династий, к власти пришёл правитель вассального Аншана Кир II из рода Ахемена, приходившийся внуком последнему мидийскому царю из рода Дейока Астиагу. Формально Мидийское царство было сохранено: Кир принял титул мидийских царей; продолжала существовать мидийская армия, мидийская знать по-прежнему занимала высокое положение в царстве и существовала возможность возвращения власти мидийцам, что ненадолго и произошло в 522-521 г. Античные авторы подчёркивали законность перехода власти от Астиага к Киру, а ведь их информаторами были сами персы; и очевидно не случайно в их сочинениях существовала взаимозаменяемость этнонимов “мидиец” – “перс”. По представлению античных авторов Мидийское царство было империей, разгромившей Ассирию и передавшей державе Ахеменидов модель универсальной империи.

В пользу единства Мидийско-Персидского царства свидетельствует культура периода Дейокидов и ранних Ахеменидов (продолжение производства мидийской серо-чёрной керамики, многоколонные залы, впервые созданные мидийскими архитекторами, храмы огня). Через мидийцев Ахемениды унаследовали ассирийскую административную систему, первоначально действовавшую в западных провинциях Мидии, которые находились под властью Ассирии до конца 670-х гг., и, очевидно, таким же образом персы заимствовали стиль и структуру клинописных надписей.

Имеющиеся данные не позволяют согласиться с выводами ряда ученых, согласно которым Мидийского царства по сути не было, а существовала “федерация” племён, которая контролировала небольшую территорию вокруг Экбатан, а в разгроме Ассирии мидийцы участвовали только в качестве наёмников вавилонского царя.

Методы и средства религиозно-политического влияния Ирана на Ближнем Востоке

Ильхом Хакимович Мирзоев

ИВР РАН ilkhom.mirzoev@yandex.ru

Иран использует широкий спектр нетрадиционных методов и средств ведения конфликтов для достижения своих внешнеполитических целей на Ближнем Востоке. Такая “асимметричная” стратегия вызвана преимуществом в военно-политическом потенциале США и региональных союзников по сравнению с Ираном, а также общей тенденцией развития современных конфликтов, отличающихся многомерностью и сочетающих невоенные и военные действия. Исламская Республика Иран проводит многоуровневые политические, культурные, информационные и экономические кампании, направленные на распространение своего влияния и продвижение партнёрских отношений с соседями по региону. Эти кампании включают в себя:

- создание и использование про-иранских ополчений и военизированных организаций, религиозно-идеологическая индоктринация личного состава;
- использование экономических связей в качестве рычага давления;
- проведение информационных и психологических операций с помощью сети государственных СМИ и неправительственных организаций;
- задействование публичной дипломатии для проведения культурных мероприятий;
- предоставление религиозного образования и спонсирование паломничества и других религиозных мероприятий.

При этом, использование тех или иных методов зависит от политических и социальных особенностей страны-объекта воздействия. Так, при проведении культурно-религиозных мероприятий, иранские политики расставляют разные акценты в зависимости от целевой аудитории.

Иран добился определённых успехов в распространении своего влияния прежде всего, в Ливане, Ираке и Сирии. Однако, существуют объективные факторы, которые ограничивают способность Ирана оказывать влияние на своих региональных соседей. Прежде всего, это тенденция к всё большей конфессионализации конфликтов на Ближнем Востоке. Несмотря на усилия Ирана по сглаживанию конфессиональных различий и обращение к общемусульманской солидарности в своей внешнеполитической повестке, политика ИРИ изображается противниками режима исключительно в рамках шиитского сотрудничества, что само по себе ограничивает потенциал религиозно-политического воздействия (шииты приблизительно составляют лишь 10% от общего числа мусульман) и осложняет работу с суннитским населением. К этому прибавляется разобщённость среди самих шиитов, где даже в рамках одного течения существуют разногласия по различным вопросам - трактовка *веляят-е факих* у шиитов-двунадесятников, например - а также сложное соотношение религиозного и национального элементов идентичности на Ближнем Востоке.

Помимо идеологических и религиозных противоречий, ограниченные экономические возможности также влияют на способность Ирана оказывать религиозно-политическое влияние. Ожидается, что возобновление американских санкций сократит

экспорт иранской нефти в 2019 г. до 1 млн баррелей в сутки, при среднем уровне 2,125 баррелей в сутки в 2018 г. Ситуацию осложняют и внутренние экономические проблемы Ирана - обесценивание риала привело к росту цен и снижению реальных доходов населения. В таких условиях возрастает недовольство населения из-за выделения средств на помощь иностранным государствам и проведения внешнеполитических кампаний, а информационно-психологическое воздействие внутри страны становится менее эффективным.

Таким образом, Иран обладает различными методами и широким арсеналом средств оказания религиозно-политического влияния на Ближнем Востоке, однако идеологические и экономические факторы существенно ограничивают его и не дают возможность расширить зону своего влияния в регионе.

Ключевые слова: гибридная война, асимметричный конфликт, мягкая сила, Иран.

Праведник или грешник?

Семантика образа пророка Сулеймана в классической персидской лирике

Анна Владимировна Моисеева

Отдел Востока, Государственный Эрмитаж moiseeva3927@gmail.com

Пророк Сулейман (библейский Соломон) может по праву считаться одним из важнейших для персидской поэзии коранических персонажей. Его образ соединил в себе архетипы с одной стороны, мудрого и справедливого царя, и с другой – могущественного правителя, возгордившегося своим богатством и властью, и наказанного за это богом.

Доклад посвящен анализу функционирования образа пророка Сулеймана и связанных с ним сюжетов в персоязычной лирической поэзии X – XV веков. В работе описаны, классифицированы и проиллюстрированы ключевые мотивы, основанные на коранической и библейской истории этого персонажа.

В средневековых панегириках образ Сулеймана использовался в первую очередь в сравнении. Поэты сопоставляли своего покровителя с легендарным царем по признакам могущества, богатства и мудрости, т. к. именно эти качества являются отличительными чертами Сулеймана. Для раскрытия подобных сравнений поэты обращались к различным кораническим сюжетам и мотивам. Например, мотив власти Сулеймана над животными, ветрами и демонами, а также связанные с этими мотивами образы трона и кольца Сулеймана давали поэтам многочисленные возможности для создания аллюзий и прямых сравнений, особенно уместных в тех случаях, когда имя восхваляемого совпадало с именем этого коранического пророка. Кроме того, мотивы власти и могущества также давали повод рядом с Сулейманом упомянуть другого легендарного правителя – Джемшида.

Одна из самых ярких и часто встречающихся тем в персидской литературе, которая раскрывается с помощью образа пророка Сулеймана и сюжетов коранического повествования о нем, – это тема смирения и бренности земной жизни. Истории о встрече войска Сулеймана с муравьями и ножке саранчи, принесенной царю в дар муравьем, используются в поучениях о смирении и скромности. Сюжет о власти Сулеймана и его свержении учит тому, что любое богатство и могущество в этом мире мимолетно и в любой момент может развеяться по ветру, подобно тому, как трон и кольцо великого царя оказались в руках дива.

Еще одна грань образа Сулеймана, которая оказывается важной в контексте мистической литературы, – это его способность понимать язык птиц. Сулейман воспринимается как идеальный учитель, который переводит на понятный простым людям язык слова мистического откровения и ведет их по пути к соединению с божественным Абсолютом. Иногда в подобных случаях на месте Сулеймана оказывается угод, который может также восприниматься как посланник царя, связывающий дух и чувственную душу и несущий людям свет мистического познания.

Типологические исследования в современном Иране

Елена Константиновна Молчанова

Москва, Институт языкознания РАН e_molchanova@mail.ru

Доклад посвящен научному творчеству двух наиболее известных в современном Иране и за его рубежами типологов и диалектологов: д-ра г-жи **Иран Калбасси** и д-ра **Мохаммада Дабир-Могаддама**, действительного члена Академии персидского языка и литературы, автора двухтомника «Типология иранских языков» (2013-2014).

Ключевые слова: типология иранских языков, доктор **Иран Калбасси**, доктор **Мохаммад Дабир-Могаддам**.

Ахеменидский след в Южном Туркменистане

Руслан Гельдыевич Мурадов

Ашхабад, Туркменистан, turkmenica@yandex.com

Валерий Павлович Никоноров

Санкт-Петербург, Россия vpnikonorov@mail.ru

Летом 2015 г. в пределах городища Новая Ниса близ столицы Туркменистана Ашхабада при случайных обстоятельствах местный житель обнаружил в глубокой промоине, где из-за проливного дождя обнажился целый стратиграфический срез, фрагмент терракотового изделия, состоящий из двух хорошо стыкующихся друг с другом кусков. По-видимому, эта находка развалилась на две части при ее выемке из грунта или вскоре после того, поскольку внутренние сколы обоих кусков свежие, а внешние — очень старые и местами покрытые почерневшим плесневым налетом, как и почти вся обратная сторона. В целом (склеенном) виде фрагмент имеет 16 см в высоту и 18 см в ширину. Его профиль неровный: от тонкой нижней части толщиной 1 см до более толстой верхней толщиной 2,5–3 см, представляющей собой выступающий вперед плоский валик, — по всей вероятности, это часть обрамления изделия в виде внешнего бортика.

На лицевой стороне фрагмента присутствует частичное изображение воина — сохранились только голова и самые верхние части его копья и лука. Он показан стоящим на фоне подобия рельефной сетки, ячейки которой имеют вид ромбов. Изготовленное в специальной форме-матрице, это изображение характеризуется нечетким рисунком со сглаженными краями — матрица, надо полагать, использовалась многократно. Обратная сторона фрагмента содержит незначительные следы какого-то раствора, что не исключает вероятность его крепления к стене в качестве облицовочной плитки. Впрочем, исходя из того факта, что профиль фрагмента имеет незначительную выпуклость, можно предположить, что это скорее была часть какого-то контейнера типа ларца — дарохранильницы или (что, однако, маловероятно) оссуария. Разумеется, это не более чем гипотеза, ибо установить форму изделия в целом виде и его функциональное назначение по столь небольшому фрагменту не представляется возможным.

Сразу же после своего обнаружения этот артефакт был передан Карло Липполису, руководителю Туркмено-Итальянской экспедиции, работавшей на соседнем городище Старая Ниса. Тот, в свою очередь, сдал его на хранение в Музей изобразительных искусств Туркменистана (Ашхабад), где он поныне и находится под инвентарным номером СН15/НН15/Т1.

Наибольший интерес вызывает изображение воина: по своим стилистическим и иконографическим признакам («гофрированный» головной убор, черты лица, тщательная проработка прически и бороды, а также форменная одежда и оружие) оно почти полностью (если не считать определенной стилизации некоторых деталей) совпадает с образами персидских стражей на знаменитых каменных рельефах первой половины V в. до н. э. из Персеполя. По наборам своего вооружения эти стражи делятся на три группы — в первую входят те, кто оснащены копьем и луком («лучники»), во вторую — только

копьем («копьеносцы») и в третью — копьем и щитом («щитоносцы»). По данному признаку воин из Новой Нисы принадлежит к первой из этих групп.

Добавим, что изображение из Новой Нисы абсолютно уникально: на сегодняшний день оно единственное, происходящее с территории за пределами церемониальной столицы Ахеменидов. Единственное, что серьезно отличает его от персепольских рельефов — это фон в виде рельефной сетки из ромбов. Как же интерпретировать данный декоративный элемент? В любом случае вряд ли таким способом передан наружный вид царского шатра типа юрты, как будто бы охраняемого нашим стражем: в самом деле, ромбическая сетка может означать только голый деревянный каркас шатра, который в реальности должен был быть наглухо закрыт войлочными покровами и по этой причине остаться невидимым для зрителя. Более правдоподобной выглядит другая интерпретация: ромбическая сетка фона изображения на терракотовом рельефе из Новой Нисы представляет собой разновидность геометрического орнамента, добавленную мастером в декоративную композицию с целью некоторого ее «оживления» в целом. Такой орнаментальный мотив (называемый в англоязычной научной литературе «triangle» — «треугольный») в качестве декора на расписных керамических сосудах появился в Иране, вероятно, еще в эпоху средней бронзы и затем определенно использовался там и в некоторых сопредельных областях (Северная Партава/Парфиена, Маргуш/Маргиана, Кавказская Иберия) в эпоху раннего железа, а также в ахеменидский и эллинистический периоды.

Вполне возможно, что изделие, фрагмент которого нашли в Новой Нисе, было изготовлено в керамической мастерской, располагавшейся рядом с Персеполем и, надо полагать, каким-то образом связанной с царским двором. Такая мастерская, вероятно, должна была иметь позволение выпускать продукцию, декорированную с использованием символики и образов, запечатленных в официальном искусстве Ахеменидов. Если не вся, то какая-то часть этой продукции была предназначена для поставки в другие части Ахеменидской империи, в том числе и в Партаву (Парфиену) — область, северная часть которой находилась в пределах современного Юго-Западного Туркменистана, где и располагался древний город, чьи руины носят сейчас название Новая Ниса.

Вероятность того, что рассматриваемый артефакт является более поздней подделкой, выглядит более чем сомнительной. Трудно представить, чтобы в современном Туркменистане, где никогда не существовало какого-либо серьезного рынка поддельного антиквариата, было налажено производство фальшивок, копирующих древние памятники искусства, которые локализованы исключительно в Персеполе (находящемся к тому же на расстоянии более 1000 км к югу от Новой Нисы) и больше нигде. Помимо того, многослойные наросты плесени разных оттенков — от черного до серо-зеленого — на внешних сколах и поверх следов клеящего раствора на оборотной стороне наглядно свидетельствуют об очень длительном пребывании нашего фрагмента в земле. Вдобавок, его сильно фрагментированный вид и (что особенно важно!) факт его обнаружения на территории древнего городища, причем не на поверхности, а, скорее всего, в толще культурных напластований, не позволяют, по нашему убеждению, всерьез сомневаться в подлинности этого образца ахеменидского искусства. Само собой разумеется, прояснению этого вопроса поспособствовали бы как подробный опрос человека, нашедшего данный терракотовый фрагмент, так и тщательное обследование того места, где он был

обнаружен, однако следует признать, что реальность осуществления таких дополнительных разысканий в будущем маловероятна.

Как бы то ни было, приведенные выше аргументы в пользу подлинности находки из Новой Нисы кажутся нам достаточно весомыми, и остается только надеяться, что контрдоводы наших возможных оппонентов будут столь же обоснованными, сколь и конструктивными.

В заключение хотелось бы особо подчеркнуть, что обнаружение терракотового фрагмента с изображением персидского гвардейца V в. до н. э. именно на Новой Нисе, стратиграфия которой до сих пор остается неясной, позволяет поставить вопрос о существовании там поселения уже во времена Ахеменидов.

Значение памятников таджикско-персидской письменности в межкультурном обмене

Джурабек Назриев,

Директор Центра письменного наследия

АН РТ, член-корреспондент АН РТ naz_jurabek@mail.ru

Процесс культурного взаимовлияния и взаимообогащения между народами и странами, весьма удаленными друг от друга центрами мировой цивилизации заставляет думать, что многие черты сходства, скорее всего, не случайны, что они вытекают из самого существа исторического процесса на каждом этапе развития человечества.

Наше время - время более глубокого и глобального восприятия общего культурного наследия и его традиций. В любую эпоху, особенно в динамичную эпоху глобализации, ощущение традиций, связей прошлого с настоящим и – через настоящее – прошлого с будущим –выступает как необходимое условие понимания целостности исторического процесса, определения своего места в нем, перспектив и тенденций и развития межкультурного обмена. И хотя традиции культуры состоят из множества компонентов, разнородных по времени и характеру, места создания и значению, её общую черту в немалой мере предопределяют письменные памятники.

Передача мыслей и идей, взаимовлияние культур и цивилизаций в истории, всегда было одним из условий становления общечеловеческой истории и культуры. Даже иногда серьезные социальные катаклизмы невольно создавали условия для культурного обмена. Например, так происходило знакомство с редкими книгами, которые в истории мысли и культуры каждой нации считаются составной частью исторического наследия и основным источником подъёма культурной жизни. В культурном взаимообмене перевод и комментарии текстов рукописей всегда играли неоценимую роль. Сегодня вопросы исследования письменного наследия разных стран и народов стали предметом диалога между учёными и исследователями. Порой необходимость перевода не означает перевод на другой язык, иногда приходится перевести текст на тот же язык. Ибо на протяжении истории в отдельном языке произошли глубокие изменения, например, таджики сначала с арабской графики перешли на латиницу, а затем на кириллицу, что диктует необходимость перевода текстов рукописей на другой алфавит.

В Фонде восточных рукописей Центра письменного наследия АН РТ собраны сокровища тысяча летней истории народов Центральной Азии, ставшие по истине многовековым наследием и общим достоянием народов региона. Не приняв во внимание сведения этого бесценного наследия, нельзя иметь верное представление о культурно-цивилизационном облике, духовной общности, этно-социальных корнях и следовательно об особенностях менталитета многих народов центрально-азиатского региона. В этом отношении образование Фонда восточных рукописей, связанной с организацией в 1951 г. на базе Таджикского филиала АН СССР Республиканской Академии науки милое большое научное и культурное значение.

Непрерывно пополняясь и продолжая расти за счет ежегодных поступлений, фонд за сравнительно короткое время превратился в крупный центр восточных рукописей в Таджикистане, где собраны редкие памятники письменности народов Востока. Изучение

таджикско-персидской части фонда имеет большое научное, историческое, литературное значение и, несомненно, может внести существенный вклад в расширении межкультурного обмена.

Фонд восточных рукописей в настоящее время насчитывает более 5900 томов рукописей, содержащих более 17 тысяч произведений на таджикском, арабском, тюркских, иврите и некоторых других восточных языках. Следует отметить, что более 9000 рукописей произведений написаны на персидском языке, около 5000 тысяч на арабском и более 1000 на различных тюркских языках. Есть рукописи на старорусском, иврите, пашту, урду и тибетских языках.

Рукописи Фонда по времени их составления (переписки) охватывают большой период – с XI по XX вв. – и имеют самое различное происхождение. Их переписка и составление происходило в Средней Азии, Поволжье, Закавказье, Афганистане, Иране, Индии, Пакистане, Сирии и других странах Востока, что свидетельствует о существовании тесного взаимодействия культур народов, населяющих этот регион. С точки зрения тематики, хранящиеся в Фонде рукописи очень разнообразны и представляют все отрасли знаний многовекового периода истории таджиков и других народов Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии и Восточного Туркестана.

Среди письменных памятников имеется огромное число ценных, уникальных, древних по времени переписки, редких, полных и достоверных, а также оригинальных списков произведений художественной и научной литературы. Учет и использование таких списков, издание текстов рукописей и их исследование может пролить свет в изучении многих проблем различных культур и цивилизаций. Из числа наиболее ценных, уникальных и редких рукописей можно назвать «Таърихи Табари» (История Табари), его перевод на фарси-таджикский известного ученого Абу али Бал'ами, «Ат-тафхим ли аваил санаата-т-танджим» Абу Райхана Беруни, «Кимийяи саодат» Абухамида ибн Мухаммада ал-Газали, «Куллийат» Саади Шерози (список XII в.), «Куллийат» Убайда Закона с выборками Хафиза Шерази, «Нафахату-у-унс» Абдуррахмана Джами (список XV в.), «Чахар диван», «Лисану-т-тайр» Алишер Наваи, «Гуррату-л-камол» Хусрава Дехлави, «Хамса» Низами Ганджави, «Таърихи Рашиди» Мухаммада Хайдара, «Ияри дониш» Абдулфазла Аллами. Все они относятся к разряду самых ранних и достоверных списков этих произведений, хранящихся в библиотеках мира.

Тюркские рукописи, более 1000 томов, в основном представлены произведениями такой же тематики, как таджикские и персидские, поэтому их научное описание включено в общий каталог рукописей. Нужно отметить, что таджикско-персидские рукописями пользуются не только таджикские специалисты, но и ученые-востоковеды других стран СНГ, а также зарубежных стран Запада и Востока. Таджикско-персидское рукописное наследие широко привлекается при подготовке научно-критических текстов и при составлении научно-популярных изданий произведений различных авторов, а также при разработке специальных научных исследований. Мы открыты для сотрудничества в исследовании рукописей на других языках. Перед отъездом с Санкт-Петербург мы подписали соглашение с Ташкентском институтом узбекского языка и литературы имени Алишера Навои о совместном издании рукописи четырех диванов Навои, единственной составленном при жизни известного поэта.

Даже простое перечисление нескольких рукописей, написанных в различных странах, представителями разных народов говорит о тесной взаимосвязи культур и цивилизаций. И сегодня, исследование и изучение этих рукописей может внести неоспоримый вклад в деле сближения народов и различных культур.

Хотелось бы особо отметить значение другого уникального списка произведений, который имеет непосредственную связь с историей и культурой народов Центральной Азии. Этот памятник “Таърихи Рашиди” Мухаммад Хайдар ибни Мухаммада Хусайна Гурган, известный также под именем Мирза Хайдар из рода Дуглат (1500-1551). Труд является оригинальной, историей последних чингизидов Монголии и чингизитских государей Кашгара со времени Туглук Темурхана до 952 г. Х (1545-1546) и мемуаром исторических личностей и событий, современником и очевидцем которых он был.

Краткое описание нескольких образцов огромного письменного наследия наводит на мысль о тесном переплетении культурных традиций и обычаев, религиозных убеждений и предвещает о необходимости диалога наших культур на базе изучения письменных памятников и сосредоточения усилий ученых-востоковедов центральноазиатского региона в этом направлении.

Как верно сказал великий Саади о людях!

“... Ведь все они из корня одного,
Одно сынов Адама естество”

Демоны иранской истории: демонизация Другого в сборнике «Аниран»

Евгения Леонидовна Никитенко

канд. истор. наук, доцент Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, доцент РГГУ elnikitenko@hse.ru

На конец XIX – начало XX вв. пришёлся наиболее яркий этап в процессе становления иранского национального самосознания. Экономический и политический кризис, в котором страна оказалась к концу правления династии Каджаров, а также увлечение иранских интеллектуалов популярными в Европе идеями способствовали распространению в стране националистических настроений. Представители образованных кругов общества стремились сконструировать иранскую идентичность на основе исторических событий, различных элементов культурного и религиозного наследия.

Художественная литература отреагировала на запросы общества появлением новых жанров. В частности, большую популярность приобрел жанр исторического романа, появились пьесы и рассказы на историческую тематику, призванные решить не только и не столько художественные, сколько идеологические задачи.

Одним из ярких примеров выражения националистических идей в художественной литературе служит сборник рассказов «Аниран» (*Anirān*), увидевший свет в 1931 г. Он включает в себя произведения трёх авторов: Шина Партоу (*Šab-e badmasti*, «Ночная попойка»), Бозорга Аляви (*Div, div!* «Демон, демон!») и Садека Хедаята (*Sāye-ye moğul*, «Тень монгола»). Действие каждого из рассказов разворачивается в эпоху одного из иноземных вторжений: армии Александра Македонского, арабов, монголов. В эпиграфе эти три события представлены как величайшие катастрофы в истории иранского государства (*molk*), которое несмотря на всё сумело выстоять и сохранить свою идентичность.

В докладе будет дана оценка тому, насколько популярны были идеи, нашедшие отражение в рассказах из сборника «Аниран», и проведены параллели с высказываниями писателей и публицистов, современных его авторам. Будут рассмотрены стратегии конструирования иранской идентичности в рассказах сборника «Аниран» и те художественные средства, при помощи которых осуществлялось это конструирование.

Ключевые слова: современная персидская проза, формирование национальной идентичности, романтический национализм, демонизация Другого

Актуальные инвестиционные тренды в Иране

Анастасия Николевна Обухова

аспирант, ИВ РАН anastasia.n.obukhova@yandex.ru

Иран представляет собой страну с уникальными условиями для крупных инвестиций. Инфраструктура страны требует новых капиталовложений практически в каждый сектор экономики. Увеличение притока инвестиций необходимо для повышения эффективности сельского хозяйства, реконструкции нефтяной, газовой и нефтехимической промышленности, реорганизации туризма, строительства, т.е. отраслей, ориентированных как на внутренний, так и на внешний рынок. А это означает, что вся макроэкономическая система нуждается в крупных капиталовложениях.

Ирану удастся привлекать значительные отечественные инвестиции в свою экономику за счет доходов от нефти. Однако принимая во внимание нестабильные цены на нефть и быстрорастущее население страны, чрезмерный государственный контроль над экономикой затрудняет проведение эффективной инвестиционной политики.

Доля мировых инвестиций, приходящихся на Иран, по-прежнему, остается небольшой, и Ирану необходимо вернуть доверие инвесторов: остается несовершенной законодательная база по защите прав инвесторов, не признается право собственности на природные ресурсы иностранцами. Сохраняющаяся напряженность на международном уровне усиливается экономическими санкциями США. Создание условий для инвестирования в национальную экономику остаются насущной задачей правительства ИРИ.

Аланы и собака Алан

Паоло Оньибене

Болонский университет paolo.ognibene4@unibo.it

Немецкий дог (Deutsche Dogge) неправильно называемый также Большая датская собака (Granddanois) известен в Италии под именем Аланской собаки или немецкой аланской собаки. Это название употребляется в Италии с 1920 года, и оно было дано Немецкому догу вероятнее всего в связи с предполагаемым его происхождением от собаки Alaunt, появившейся в Европе, по мнению некоторых, вместе с приходом Аланов во время их передвижения на запад. Цель настоящего доклада - попробовать выяснить возможно ли действительно доказать, что Немецкий дог происходит от Alaunt и, в особенности, существует ли на самом деле связь между Аланами, собаками Alaunt и аланскими собаками нашего времени.

Ключевые слова: Аланы, Alaunt, Deutsche Dogge, Granddanois, собака Алан.

Alani e cani alani

Paolo Ognibene

Università di Bologna

In Italia il Deutsche Dogge chiamato impropriamente anche gran danese (Granddanois) è noto con il nome di cane alano (o alano tedesco). Questo nome è utilizzato in Italia dal 1920 ed è stato dato al Deutsche Dogge perché si pensa che possa discendere dai cani Alaunt, secondo alcuni importati in Europa occidentale dalla popolazione degli Alani durante i loro spostamenti verso ovest. Scopo del mio intervento è cercare di chiarire se sia possibile effettivamente provare che il Deutsche Dogge discende dall'Alaunt e soprattutto se esista realmente una connessione fra gli Alani, i cani Alaunt ed i cani alani di oggi.

Keywords: Alani, Alaunt, Deutsche Dogge, Granddanois, cani alani,.

Два листа из альбома-муракка в собрании Музея истории религии

Ирина Андреевна, Османова

Государственный музей истории религии,
Санкт-Петербург kalam@bk.ru

Два уникальных листа с миниатюрами и каллиграфическими образцами из альбома-муракки в собрании Музея истории религии, возможно, некогда входили в состав знаменитого Петербургского альбома (ИВР РАН). История поступления листов в Музей известна в малой степени. Поэтому с небольшой долей уверенности можно сказать, что листы могли быть включены в альбом-муракка Дорн-489 (РНБ). Актуальность и новизна данного исследования состоит в том, что листы из коллекции ГМИР, хранящиеся под инвентарными номерами М-7992-VII, М-8506-VII, впервые вводятся в научный оборот и являются существенным дополнением к открытым материалам.

Ключевые слова: искусство ислама, каллиграфия, муракка, альбом, миниатюра

Мухаммад-Хусейн Асадов - выдающийся представитель персидской общины Дагестана (конец XIX - начала XX века)

Милена Нуриевна Османова

К.и.н., с.н.с. отдела востоковедения Института ИАЭ ДНЦ РАН

(г. Махачкала, Дагестан) osmanova-milena@rambler.ru

Ключевые слова: книжная культура, Темир-Хан-Шура, просветительская деятельность, восточные языки, книжный магазин «Иттихад», печатные книги, торговые каталоги, книжные коллекции.

Деятельность М.-Х. Асадова, иранца по происхождению, вызывает закономерный интерес исследователей - кавказоведов и востоковедов, поскольку его вклад в развитие книжной культуры и распространение печатных книг на восточных языках в Дагестане и других регионах Северного Кавказа весьма значителен. К сожалению, сведения о личности этого человека весьма немногочисленны - неизвестны точные даты его рождения и смерти, его судьба после Октябрьской революции, нет каких-либо указаний на наличие его потомков в Дагестане или ином месте. Выходец из купеческой среды Темир-Хан-Шуры, столицы Дагестанской области, «подданный Персии Мамед-Гусейн Асадов» (так он значится в материалах Центрального государственного архива Республики Дагестан) играл заметную роль в культурной жизни города и региона в целом. В 1907 году он получил разрешение на открытие книжного магазина «Иттихад» («Союз») в Темир-Хан-Шуре, где продавались книги на арабском, персидском, турецком языках. Будучи высокообразованным человеком и имея обширные связи с типографиями Турции, Ирана, Египта, он привозил в Дагестан и предлагал на продажу большое количество сочинений самой разнообразной тематики. Так, торговый каталог «И'лан», составленный и напечатанный им в 1908 году на арабском языке для магазина «Иттихад», содержит 469 наименований по 14 тематическим разделам, в числе которых - грамматика, логика, хадисы, мусульманское право, догматика, история, художественная литература, поэзия и многое другое. В 1911 году тематика продаваемой печатной продукции еще более расширилась, что подтверждает сохранившийся в Фонде восточных рукописей Института ИАЭ ДНЦ РАН торговый каталог «Фихрист ал-кутуб», изданный литографским способом на арабском языке по европейским стандартам с указанием не только тематики, но и места издания, мазхаба, цены. Все это свидетельствует об упорядочении процесса книжной торговли в регионе, в чем немалая заслуга принадлежит М.-Х Асадову.

Мухаммад-Хусейн Асадов нередко выступал в роли издателя – в государственных, частных и мечетских книжных коллекциях Дагестана и других регионов России сохранилось большое число экземпляров книг, на титульных листах которых написано: «Издатель – Мухамад Хусейн ибн Асадуллах (Асадов) из Темир-Хан-Шуры». Книги изданы в Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске, Казани, Симферополе, Стамбуле, Каире.

М.-Х. Асадов давал возможность дагестанцам издать книги в издательствах Ирана, Турции, Египта, предлагал льготные условия приобретения восточной печатной продукции в рассрочку, что также отражено в вышеуказанных торговых каталогах. В работах дагестанских исследователей есть упоминания о благотворительной деятельности

М.-Х. Асадова – он помогал талантливой молодежи получать образование в исламских учебных заведениях стран Ближнего Востока.

Работа по поиску информации об этом выдающемся человеке, оставившем заметный след в культурной жизни Дагестана конца XIX - начала XX века, продолжается и в настоящее время.

Персидские стихотворные цитаты в хроникальных записях афганских князей

Михаил Сергеевич Пелевин

СПбГУ mosprolege@gmail.com

В литературе пашто началом целенаправленного и широкого использования стихотворных цитат из персидской классики как риторических средств для украшения прозы следует считать текст дидактического сочинения Хушхал-хана Хатака (ум. 1689) «Книга о чалме» (*Dastār-nāma*) (1665 г.). Аналогичным художественным приемом Хушхал пользовался также в своих черновых записях по истории хатаков и личных дневниках, впоследствии включенных его внуком Афзал-ханом (ум. ок. 1740) в корпус компилятивного труда «Украшенная драгоценностями история» (*Tārīkh-i muraṣṣa`*) (закончено в 1724 г.). К черновикам Хушхал-хана, частично переработанным, а частично оставленным в оригинале, Афзал добавил собственные хроникально-дневниковые записи, в которых он продолжил традицию цитирования стихов, но не только классических персидских, но и паштунских, преимущественно принадлежащих его же деду. Ключевая разница между функциями персидских и паштунских поэтических цитат в этих записях, составляющих фактически самостоятельный нарратив («Хатакская хроника»), заключается в том, что первые, за исключением хронограмм, используются именно как художественные элементы, а вторые – в основном как исторические документы. По формальным и тематическим признакам персидские стихотворные цитаты «Хроники», выполняющие художественные функции, можно условно разделить на четыре группы: реплики *ad hoc* с упоминанием исторических реалий, эмфатические украшения прозы, мудрые изречения и советы, афоризмы и пословицы.

Системный анализ содержания, контекстного значения и идейно-художественных функций этих стихов позволяет заключить, что «Хатакская хроника», опираясь равным образом на традиции национального афганского фольклора и персидской книжности, сочетает в себе признаки как ученой литературы хроникально-исторического жанра, так и занимательных произведений дневникового и мемуарного жанров.

Ключевые слова: литература пашто, персидская поэзия, функциональность текста, критерии художественности, жанры

Пьеса Хади Хабиби «Ходихори»: три исторические эпохи в Иране глазами современного драматурга.

Екатерина Петровна Писчурникова

ассистент кафедры иранской филологии Восточного факультета СПбГУ

katyasun86@mail.ru

Произведения талантливого иранского драматурга Хади Хабиби (род. в 1979 г. в г. Боруджен, пров. Исфаган) затрагивают острые социальные проблемы иранского общества, такие как: запрет женского пения (пьеса «Ануш») и продажа иранских женщин в рабство (пьеса «Ходихори»), именно поэтому они всегда находят живой отклик у иранского читателя.

Действие пьесы «Ходихори» (Ходихори) разворачивается сразу в трех исторических эпохах. Одна сюжетная линия произведения связана с периодом правления в Иране династии Каджаров (1795 – 1925 гг.). Ее главные действующие лица: Форуг аз-Заман – дочь богатого каджарского купца и ее возлюбленный Джахангир – главный конюх при дворе шаха. Джахангир питает к Форуг аз-Заман нежные чувства, воспользовавшись которыми она склоняет его к убийству своего отца и становится наследницей огромного состояния. Очень скоро Джахангир понимает, что Форуг использовала его в своих целях и изменяет ему с учителем французского. Это толкает Джахангира к тому, чтобы примкнуть к войскам Саттар-хана – выдающегося деятеля Конституционной революции (1905 – 1911 гг.)

События второй сюжетной линии произведения переносят нас в эпоху правления в Иране династии Пехлеви (1925 – 1979 гг.). Главные герои этой сюжетной линии – Султан и Молюк принимают непосредственное участие в событиях государственного переворота 1953 г. Султан является членом банды одного из лидеров переворота Шабана Джафари («Шабан Безбашенный»). Молюк, его сожительница, занимается тем, что обманым путем заманивает молодых иранских девушек в «Шахр-е ноу», квартал Тегерана некогда известный своими публичными домами и увеселительными заведениями, который был снесен после победы Исламской революции.

Современная эпоха представлена в пьесе еще одной парой героев: Амир и Ирандохт. Амир – молодой человек, владелец кафе, который тайно занимается отправкой иранских девушек в Арабские Эмираты. Ирандохт не удовлетворена своим браком и в поисках лучшей жизни обращается за помощью к Амиру. Воспользовавшись доверчивостью девушки, он продает ее за границу. Эта сюжетная линия обрывается телефонным посланием Ирандохт, в котором она молит о помощи.

В пьесе Хади Хабиби «Ходихори» перед глазами читателя проходит череда предательств и преступлений, на которые люди в разные исторические эпохи идут ради достижения собственных корыстных целей. Отсюда и название произведения – «Ходихори», буквально означающее каннибализм или поглощение себе подобных. Эта готовность людей невзирая ни на что уничтожать близких и совершать предательства по отношению к соотечественникам влечет за собой тяжелые и порой необратимые последствия.

Исламская республика Иран и «движение Талибан»

Владимир Никитович Пластун

д.и.н., профессор Отделения востоковедения

Новосибирского государственного университета vladimir_plastun@mail.ru

1. По отношению к сегодняшнему Афганистану руководство ИРИ выстраивает политику, учитывая ряд объективных и субъективных факторов. Необходимость обеспечения национальной безопасности в условиях сохраняющейся угрозы проведения США силовой акции заставляет Ирану иметь если не слишком близкого, то, по крайней мере, нейтрального и лояльного соседа, не имеющего серьёзных претензий к ИРИ.

2. Продвигая свои интересы, иранцы стремятся использовать объективно сложившиеся условия. Помимо чисто экономических интересов, ИРИ беспокоит перманентная внутривнутриполитическая напряженность в Афганистане, активизация антиправительственных и террористических группировок. В пользу сближения двух стран также свидетельствует рост антиамериканских настроений среди афганцев, возмущённых 18-летним присутствием в стране вооружённых сил США и НАТО. При этом в Тегеране учитывают наличие в Афганистане приверженцев шиитского направления Ислама.

3. «Движение талибан» (ДТ) в настоящее время представляет собой естественного союзника в противостоянии американцам. По сообщениям СМИ, Иран последние месяцы наращивает поддержку боевикам ДТ и, видимо, конечная цель такой поддержки – борьба с интересами США и НАТО. Эксперты полагают, что у иранского руководства есть ресурсы для изменения ситуации в Афганистане. Иранцы оказывают помощь талибам с условием сосредоточиться на борьбе с американскими войсками и усилить натиск на филиал ИГ¹ в Афганистане – «Исламское государство провинции Хорасан (ИГПХ).

¹ Запрещено на территории Российской Федерации

Персидское гаршуни, полугаршуни и четвертьгаршуни

Антон Дмитриевич Притула

Отдел Востока, Государственный Эрмитаж pritulanna@googlemail.com

Термином *гаршуни* обычно обозначают группу памятников и литературных традиций, созданных на живых ближневосточных языках, но с использованием сирийской графики. В связи с падением среди христиан Ближнего и Среднего Востока уровня знания сирийского языка, который продолжал использоваться церковной традицией, было создано множество текстов на живых языках: арабском, персидском, османском, а также курдском. Неизменным для всего корпуса было использование сирийской графики, являющейся частью религиозной и культурной идентичности этих общин. Такие тексты на персидском, точнее с использованием его элементов – фрагментов фраз, отдельных синтагм – появляются в сирийской поэзии при Ильханидах (вторая пол. XIII – нач. XIV вв.). В этот период, когда литература христиан впервые заняла место при царском дворе, наблюдается сильное влияние персидской поэтической традиции, и даже заимствование целых форм. Затем в последующие века был создан ряд текстов как «чистом» персидском гаршуни, так и с использованием этого языка в двуязычных произведениях. Возникновение и бытование подобных текстов отражает сложные процессы в истории христианских общин Ирана и соседних с ним стран.

Романтизм в современной поэзии Ирана во второй половине XX века.

Парване Пулаки

Аспирант МГУ им. М.В.Ломоносова parvanehpoulaki33@gmail.com

Мохсен Бейги

доктор Тегеранского университета, Тегеран, Иран

При изучении современной поэзии Ирана во второй половине XX века, выясняется, что европейское романтическое литературное направление играло значительную роль в процессе эволюции поэзии Ирана и «شعر نو» [Shere no] (новой поэзии)- ведущего течения в современной поэзии Ирана, возникшее на рубеже 40- 50- х гг. XX века.

При этом в результате анализе поэтического творчества Н. Юшиджа (1895-1959), как основателя новой поэзии в Иране и других ведущих инициаторов данного движения во второй половине XX века, станет известным, что новая поэзия Ирана во многом, в том, числе в форме, содержании, и языке, была под сильным влиянием европейского романтизма.

Культурные образцы и инфраструктура создания романтизма на Западе и в Иране различны, и само это привело к заметному различию между иранским и европейским романтизмом. В Иране, три ветви романтизма, т.е. социальный, традиционный и нравственный и чувственный имеют множественные примеры в новой персидской поэзии. Знакомство иранских литераторов с трудами западных романтиков, а также различные события в социуме играли здесь ключевую роль, так что присутствие таких явлений и понятий, как мысли о смерти, безнадежность, использование предметов, полных ужаса и страха, кошмаров, национализм, описание греховных и эротических картин в новой персидской поэзии, что также входит в число романтических сюжетов, имеют тесную связь с двумя названными факторами.

В этой работе, мы обратимся к творчеству представителей романтизма, который наблюдается в персидской поэзии во второй половине XX в., и рассмотрим некоторые наиболее заметные романтические темы в их работах.

40 лет Исламской революции в Иране (опыт краткого анализа)

Сажин Владимир Игоревич,

с. н. с. Института востоковедения РАН vsajl@yandex.ru

2019 год – юбилейный для Исламской Республики Иран. 40 лет назад 11 февраля 1979 г. в Иране победила исламская революция. Последний шахиншах Персидской империи Мохаммад Реза Пехлеви был свергнут. 2500-летняя персидская монархия прекратила свое существование.

Исламская революция в Иране явилась важным событием XX века. Условно, ее можно поставить в один ряд с большевистской Октябрьской революцией в России, которая, как и иранская, перевернула всю страну «до основания» и до сих пор оказывает влияние на развитие политических процессов в регионе и мире.

Несомненным лидером этой революции, готовившим ее долгие годы в эмиграции, был аятолла Сейид Рухолла Мостафави Мусави Хомейни. Всю свою жизнь он посвятил борьбе с шахским режимом и победил. Без всяких натяжек Хомейни - выдающийся деятель XX века. В прошлом столетии было несколько лидеров, которые стремились и смогли изменить ход истории. Это Ленин, Сталин, Мао Цзэдун... В этом списке, безусловно, Хомейни - жесткий, и жестокий, но всё-таки добившийся своей цели человек, который совершил исламскую революцию и создал Исламскую Республику Иран (ИРИ).

Каковы причины исламской революции? Какова роль аятоллы Хомейни в идеологической подготовке и практическом осуществлении исламской революции, создании Исламской Республики Иран? Какое место занимают идеи Хомейни в современном Иране?

И. С. Брагинский о взаимовлиянии литератур и западно-восточном синтезе

Зулайхо Абдулхамидовна Сайфуллаева

к.фило. н., доцент кафедры отечественной истории
Российско-Таджикского (Славянского)
университета (РТСУ), mix0107@inbox.ru

Ученый И.С. Брагинский принадлежит к числу первопроходцев и основателей таджикского востоковедения. Своими произведениями он «внес серьезный вклад в советскую иранистику в области литературы». Ученый принадлежал к поколению, которое обладало глубокими познаниями в области языка, литературы, истории и философии народов Востока, и, в частности таджиков и персов.

Одна из тем, к которым проявляет интерес этот выдающийся ученый, связана с усилением востоковедческой миссии в культурном пространстве народов Востока. Эту проблему исследователь решил на основе материалов восточной и западной литературы сопоставительным способом исследования.

Исследователь приходит к конкретному выводу о том, что художественное произведение должно изучаться в комплексе с учетом концепции единства процесса мировой литературы.

Исследователь видит типологическую связь между временными продуктами последующих времен – «На примере классического персидско-таджикского наследия из творчества Рудаки до Джамии» и сравнивает эти стихи с сонетами Петрарки, называя их стихами эпохи Возрождения (Ренессанса). Эта точка зрения непосредственно раскрыта в его отдельных статьях, в частности, в монографии «12 миниатюр».

Вопрос о западно-восточных взаимоотношениях, как явлении литературного взаимодействия, И.С. Брагинский решает данную проблему на основании отдельных элементов этого явления и идет по пути установления всех деталей. Исследования ученого по западно-восточным взаимоотношениям в таджикской литературе и в литературах народов других стран Востока доказывают их связь с мировой литературой, а литературные события региона как элемент процесса мировой культуры. Предпочтение ученого в этом научном способе (методе) литературоведения приводит его к следующему выводу: «непрерывные контакты литератур Запада и Востока, которые были достаточно эффективны еще со времен древности, привели к духовному обогащению, в частности, к литературным взаимоотношениям».

Ключевые слова: персидско-таджикская классическая литература, таджикская литература, литературные связи, западно-восточный синтез, литература Востока, литература Запада, Ренессанс, И.С. Брагинский.\

Пакистан-Иран: потенциал межгосударственного взаимодействия.

Ирина Николаевна Серенко,

к.п.н., ст. научный сотрудник ИВ РАН, Москва serenko9@mail.ru

В системе современных внешнеполитических приоритетов Пакистана и Ирана их межгосударственное взаимодействие приобретает все большую значимость, особенно в контексте обеспечения совместными усилиями региональной безопасности и борьбы с терроризмом, создания необходимых условий для реализации намеченных многоплановых проектов (энергетических, транспортных, военно-технических, гуманитарных и др.) с целью достижения устойчивого развития этих сопредельных государств, имеющих не только связывающую их почти тысячекилометровую границу, но и общие глубокие цивилизационные корни. Исторически эволюция их двусторонних отношений носила турбулентный характер и была отмечена как взлетами, так и падениями в межгосударственных связях. Интенсификация межгосударственных контактов на различных уровнях, включая высший, наблюдается особенно в последнее время с приходом к власти в Пакистане летом 2018 г. нового правительства во главе с лидером победившей на всеобщих парламентских выборах партии «Движение за справедливость» Имраном Ханом, который неоднократно высказывался за необходимость улучшения отношений с Ираном, выстраивания с ним доверительных отношений и оказания содействия Тегерану в урегулировании отношений с Саудовской Аравией, а также преодолении кризиса на фоне санкционной политики США после выхода из ядерной сделки с Ираном в мае 2018 г. (СВПД). Представляется, что общая тенденция регионализации внешней политики государств на обширном евразийском пространстве будет способствовать дальнейшему выходу двусторонних отношений Пакистана и Ирана на многосторонний уровень взаимодействия в рамках различных международных организаций, включая ШОС.

Ключевые слова: Иран, Пакистан, Саудовская Аравия, СВПД, ШОС.

Исламская Республика Иран в мировой политике (1979-2019)

Ирина Евгеньевна Федорова

Институт востоковедения РАН f-irina51@mail.ru

Исламская революция 1979 года в Иране, ликвидировавшая в стране монархию, относится к самым важным событиям XX века наряду с русской революцией 1917 года. Пришедшее к власти шиитское духовенство полностью отмежевалось от внутренней и внешней политики шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, считая, что сохранение предшествующего курса подорвет исламский режим в стране и создаст почву для восстановления прежней системы власти. Она изменила внешнюю политику Ирана, всю структуру международных отношений в Азии, оказала влияние на глобальное соотношение сил на мировой арене, а парадигма развития стран Ближнего и Среднего Востока претерпела коренное изменение. Антиамериканская позиция Тегерана стала одной из причин формирования ряда новых доктрин в американской внешней политике, в частности обоснованием применения американской военной силы в Юго-Западной Азии для защиты национальных интересов США и усилению американского военного присутствия в Персидском заливе. Претворение в жизнь Тегераном принципа «экспорта исламской революции» инициировало подъем антиправительственных (в основном шиитских) движений в ряде арабских государств Персидского залива и обусловило появление новых союзных образований, базирующихся на антииранской платформе (например, ССАГПЗ).

Отношения между ИРИ и СССР, а позднее Россией, базируются на признании международных правовых норм и соглашений, уважении принципов суверенитета и территориальной целостности стран. Ключевыми факторами устойчивости российско-иранских связей являются экономическое и военно-политическое сотрудничество, которые являются основой достаточно тесных политических отношений.

Социально-экономическое развитие Исламской Республики Иран в 2012-2018 гг. в контексте западных санкций

Никита Александрович Филин,

к.и.н. ФИПП ИАИ, РГГУ filinnikita@yahoo.com

Владимир Олегович Кокликов

Московский государственный лингвистический университет

Социально-экономическое развитие Ирана в контексте трансформации санкционной политики в 2012-2018 гг. зависело от уменьшения или увеличения санкционного давления. Начиная с 2012 г., Иран оказался под новыми санкциями, направленными на ключевой экономический сектор – нефтяную отрасль. Результатом этого стал новый виток ухудшения социально-экономических показателей страны и уменьшение доходов населения. После подписания Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) между Ираном и группой стран, известных как 5+1 (США, КНР, Россия, Великобритания, Франция и Германия), посвященного иранской ядерной программе, страна стала быстрыми темпами восстанавливать темпы своего социально-экономического развития. Однако к 2017 г. рост замедлился, что стало одним из факторов массовых выступлений конца 2017 – начала 2018 гг. Протесты также были обусловлены и политическими противоречиями внутри Ирана, и развитием экономической политики иранского правительства. Объявленный в начале мая 2018 г. Дональдом Трампом выход США из СВПД обернулся шоком для иранской экономики, ознаменовавшимся повышением цен и более чем трехкратным понижением курса национальной валюты. Множество иностранных компаний были вынуждены покинуть Иран и отказаться от ведения с ним экономических отношений. Однако страна, как это было и в других случаях усиления санкционной политики США, не изменила свои внутривнутриполитический и внешнеполитический курсы, что говорит об относительной устойчивости исламского политического режима ИРИ.

Арабографичная составляющая библиотеки великого князя Константина Николаевича: опыт реконструкции

Сергей Алексеевич Французов
ИВР РАН frants@orientalstudies.ru

В докладе С.А. Французова предпринята попытка реконструировать арабографичную часть библиотеки великого князя Константина Николаевича. В дополнении к ранее известным двум книгам с его экслибрисом, хранящимся в библиотеке ИВР РАН, куда они поступили после революции из Мраморного дворца: Псалтыри и Октоиху Иоанна Дамаскина, опубликованным в 1854 г. Свято-Гробской типографией, основанной при поддержке России в Иерусалиме в конце 1853 г., - были выявлены еще две. Речь идет о Посланиях Апостолов, напечатанных в той же типографии тем же мастером (Иоанном Лазаридисом) в 1853 г., но имеющих совершенно другой дизайн, и, самое главное, о первой арабографичной книге, вышедшей в мире ислама, а именно о Служебнике, изданном в монастыре Богородицы в Снагове (под Бухарестом) в 1701 г. иеромонахом Анфимом, грузином по происхождению. Если первые три книги великий князь, скорее всего, получил во время визита в Иерусалим в мае 1859 г., то Снаговский Служебник, очевидно, был преподнесен ему прежним владельцем – митрополитом Амидским и Месопотамским Макарием Самманом, перешедшим в православие из унии в 1846 г. и в 1866-1867 гг. находившемся в Санкт-Петербурге, где он «собирал милостыню» для своей митрополии.

Фаянсовые изделия гончаров Рамазана (رمضان رمضان) и Фарад Оглы (فرد اعلی)

Роман Семенович Ханукаев

Санкт-Петербург roman.hanukaev@mail.ru

Представляемый материал вводит в научный оборот новые группы поздних иранских фаянсов, имена мастеров, создававших такие фаянсы, а также марки. Датированные предметы дают хороший ориентир для атрибуции аналогичных поздних фаянсовых изделий.

Ключевые слова.

Имена мастеров, группы фаянсов, годы изготовления.

Результаты анализа записки Муджтаба Минуви по поводу количества поддельных рукописей

Алексей Александрович Хисматулин

ИВР РАН khism@mail.ru

Проблема физических подделок в иранской культурной традиции вообще, а в манускриптологии в частности, находится под пристальным вниманием прежде всего самих иранских учёных. Наиболее остро она встала к концу 50-х годов XX в. Тогда несколько будто бы древних рукописей было куплено за большие деньги известными рукописными хранилищами в США, Европе и самом Иране. После дополнительных экспертиз выяснилось, что рукописи были изготовлены в современных мастерских Ирана. Разразился скандал, в котором так или иначе оказались замешаны и пострадали известные иранские, западные и даже советские учёные. В результате разоблачений многих (но, очевидно, не всех) фальшивок также вскрылось, что вовлечённые в их изготовление лица активно занимались этим ремеслом на протяжении двадцати с лишним лет, т. е. приблизительно с начала Второй мировой войны.

Результаты анализа записки Муджтаба Минуви о количестве подделок дают возможность отметить некоторые детали бизнеса фальсификаторов средневековых рукописей середины XX века.

Репертуар

Каллиграфы этой команды более уверенно чувствовали себя, подделывая рукописи в основном персоязычных сочинений периода правления Великих Салджуков (431/1040—552/1157): Кабус-нама, переписанная якобы в 483/1090 г., «Четверостишия» Хайяма (ум. 510/1131), часть Дивана Му'иззи (ум. между 518/1124 и 522/1128), часть Дивана Катрана Табризи (ум. 465/1072), переписанная якобы рукой Аухад ал-дина Анвари (ум. 585/1190), ал-Халас Адиба Натанзи (ум. 497/1103 или 499/1105). Они очевидно предпочитали эпоху Салджукидов, что отнюдь не исключает отклонений в ту или иную сторону. Даты переписки сочинений в обнаруженных подделках охватывают период чуть менее двух веков — с 483/1090 по 658/1259-60 г.

Распространение

Три особенности распространения готовой продукции просматриваются наиболее отчётливо:

- сфабрикованную копию могли продать как целиком, так и по частям;
- основными клиентами как внутри страны, так и за её пределами, были частные коллекционеры и рукописные хранилища;
- с начала 50-х, когда бизнес мастерской вышел на международный уровень, фальсификаторы стали прибегать к конспирации, при которой о продукции мастерской стали первыми узнавать иностранцы, а не иранские учёные;
- факт продажи рукописи по частям, а также ссылки Минуви на отдельные листы рукописей, которые он видел сам, говорят о том, что у подделок не было

подлинных переплётв, которые соответствовали бы датам переписки, указанным в тексте. Иными словами, эти подделки, по-видимому, представляли собой либо набор отдельных листов или тетрадей, либо имели переплёт, сделанный самими фальсификаторами. Отсутствие подлинных переплётв в какой-то мере можно считать отличительной особенностью работы мастерской по изготовлению физических подделок.

Культ огня в погребально-поминальном и свадебном обрядах современных таджиков

Наргис Джомиевна Ходжаева

Институт Истории, археологии и этнографии АН Таджикистана rangha@mail.ru

У горных таджиков домусульманские пережитки сохранились во многих сферах культуры и повседневной жизни вплоть до настоящего времени. Это хорошо прослеживается в этнографическом материале горных регионов Таджикистана. Так, погребально-поминальный и свадебный обряды горных таджиков свидетельствуют о сохранении элементов зороастризма, религия, которую исповедовали древние арийские или иранские народы, в том числе и предки таджиков.

Об арийском происхождении таджиков, особенно Западного Памира, Каратегина, верхнего Зарафшана и о том, что их предки были огнепоклонниками (оташпараст), писали русские исследователи второй половины XIX начала XX вв., которые неоднократно совершали поездки в Восточную Бухару, с целью изучения истории, этнографии местного населения, а также географии, геологии, топонимии, флоры и фауны региона. Именно русские ученые открыли научному миру таджиков, аборигенов центральноазиатского региона.

Древние иранцы считали, что наибольшее значение в сотворении мира имеют три мировые стихии: вода, огонь и земля. Огонь (atar-atr) у древних иранцев, как и у многих других народов, играл большую роль. Культ огня существовал и в язычестве, но такого почитания как в зороастризме, не было ни в одной другой.

Поклонению огню проявлялось в разных формах, в том числе в обрядах и обычаях, связанных со смертью, похоронами, поминками и свадьбой.

«Авеста» и пехлевийская литература дают нам подробную информацию о предписаниях, связанных с проведением похорон и поминок, и что в них господствует культ огня. Этнографический материал, собранный на Западном Памире и в Каратегине свидетельствует о том, что таджики продолжают хранить те зороастрийские традиции, которые существовали здесь в доисламский период. Об этом свидетельствуют поминальный обряд зажигания светильника «чароғи равшан», прижизненные поминки «зинда давад», поминальный обряд, связанный с переселением души в рай через мост Сират, одевание «покойником» новой одежды, закалывание барана.

В свадебных обрядах горных таджиков непременно должен присутствовать огонь и домашний очаг, а также возжигается курение.

Таким образом, анализ этнографического материала и сведений русских исследователей свидетельствует о том, что зороастрийские обычаи сохранились во многих областях культуры и традициях горных таджиков.

*Красота введения в заблуждение: прием ихам в персидской поэтике и поэзии
классической эпохи*

Наталья Юрьевна Чалисова

главный науч. сотр.,

Институт классического Востока и античности,

НИУ «Высшая школа экономики» chalisova@hotmail.com

Новоперсидская поэзия заимствовала арабские правила метрики, рифмы и приемов украшения стиха в период своего становления в начале IX в., но процесс перевода и адаптации трактатов по нормативной поэтике начался лишь двумя веками позже. На протяжении XI–XIII вв. иранские филологи создали свою версию арабской триады наук о поэзии, приспособленную к персидской поэтической практике. При этом сам репертуар обсуждаемых в трактатах проблем расширялся мало; «иранизация» арабских наук касалась, главным образом, интерпретации отдельных фигур и приемов, получавших новую, специфически «персидскую» трактовку. Особый интерес с этой точки зрения представляет история адаптации приема *tawriya* или *taxuīl*, создающего обоюдность смысла в выражении. Иранские филологи, начиная с Рашид ад-Дина Ватвата (XII в.), переименовали в *ihām* (букв. «введение в заблуждение» или «ввержение в сомнение», амфибология).

Фигуры речи, основанные на двойном значении слова, имеются во многих поэтических традициях; в европейской поэтике амфибология обычно рассматривается как пригодная в основном для шуток и анекдотов. История персидской фигуры *ihām* также начиналась с шуток, что хорошо видно по иллюстративным стихам-примерам в ранних трактатах, но в дальнейшем дело приняло серьезный оборот. В докладе будут представлены фрагменты из персидских трактатов по поэтике XI–XIV вв. с описанием приема *ihām*; будет показано, что определения приема меняются незначительно, а в характере иллюстративного материала, подбор которого для средневекового филолога служит продолжением теоретического объяснения, происходят существенные стилистические изменения. Трактаты Шарафа Рами Табризи (XIV в.) *Ḥaqā'iq al-ḥadā'iq* «Истины “Садов”» и *Anīs al-'Ushshāq* «Собеседник влюбленных» демонстрируют, что к XIV персидские мастера газели, стремящиеся выразить «скрытое завесой слова», стали использовать этот прием как ведущую поэтическую стратегию.

Ключевые слова: персидская поэзия, поэтика, риторика

Согдийский фрагмент «Вступление к Шукасутре»

Ольга Михайловна Чунакова

ИВР РАН ochunakova@inbox.ru

В Рукописном отделе Институте восточных рукописей РАН хранится около 200 документов на согдийском языке манихейского и буддийского содержания, обнаруженных в начале XX века в Восточном Туркестане. Большинство из них представляет собой небольшие фрагменты и не поддается переводу и атрибуции. Крупных фрагментов около десяти, и среди них фрагмент SI 4766, состоящий из 39 неполных строк, привезенный С.Ф. Ольденбургом из экспедиции в Дуньхуан (1914-1915 гг.). Он написан красивым «формальным» почерком и содержит подробный рассказ о приходе Будды в священный город Шравасты и его посещения дома брахмана Шуки. Злую собаку, залаявшую на него, Будда назвал именем отца брахмана, и в ответ на возмущение последнего объяснил, что в собаку после смерти превратился его злой и скупой отец. Согдийский фрагмент на этом обрывается, но продолжение рассказа, известного под названием Шукасутра, в котором далее перечисляются последствия деяний, имеется в рукописях на санскрите, пали, китайском, тибетском, хотанском и кучанском. Согдийский фрагмент содержит только это вступление, которого нет в источниках на других языках.

Однако фрагмент представляет интерес не только своим содержанием. Дело в том, что на обратной стороне свитка имеется тибетская надпись, которая, как указано в издании Ф. Розенберга, гласит: «дхарма, трагующая десять плохих поступков». Эта надпись, атрибутирующая текст, свидетельствует, что рукопись происходит из библиотеки некоего тибетского монастыря, которые в большом количестве основывались в Дуньхуане в период его захвата тибетцами в 774-848 гг. Возможно, в этой библиотеке проводилось описание имеющихся рукописей. В дуньхуанских монастырях обнаружено большое количество списков многих популярных буддийских сочинений на санскрите, китайском и тибетском языках, между тем не только оригинала, но и других копий данной согдийской рукописи не имеется. Кроме того, для рукописи использована отличная бумага, а почерк, которым она написана, аккуратен и изящен, и это позволяет предположить, что рукопись была изготовлена не в самом Дуньхуане, а в одном из многочисленных монастырей Восточного Туркестана, с которыми монастыри Дуньхуана поддерживали тесные связи.

Точное место создания данного свитка определить невозможно: по содержанию сочинение относится к этическим текстам, характерным для многих школ махаянского и хинаянского направлений, распространенных в середине первого тысячелетия в Восточном Туркестане. Тем не менее, уникальность и значимость данной согдийской рукописи несомненна.

Ключевые слова: Восточный Туркестан, Дуньхуан, буддизм, согдийский язык.

Этнолингвистическая ситуация в современном Курдистане

Юсупова Заре Алиевна
ИВР РАН

Этнолингвистическая ситуация в современном Курдистане теснейшим образом связана со сложным процессом взаимодействия этнического, языкового и религиозного факторов, во многом обусловленного административно-политической разделенностью территории Курдистана. Прежде всего, это касается языкового фактора. Современный курдский язык сохраняет диалектную структуру, представленную двумя основными диалектными группами – северной и южной, на базе которых активно развиваются две литературные формы: курманджи (на базе северных диалектов) и сорани (на базе южных диалектов). В настоящее время все крупные диалекты курдского языка, включая литературные формы, достаточно исследованы, за исключением лурских диалектов, место которых пока еще окончательно не определено. Поэтому, одной из основных задач, стоящих перед курдской диалектологией, является исследование лурской группы диалектов, распространенных на обширной территории западного Ирана и части юго-западного Ирака. Еще одна важная задача состоит в необходимости составления классификации курдских диалектов и использования для них единой терминологии, поскольку в существующих на сегодня классификациях диалекты определены по разным признакам – по географическому, по названию племени и по религиозной принадлежности.

Таким образом, можно говорить об отсутствии на сегодняшний день единого нормативного языка для курдов, который еще предстоит выработать. Однако это зависит от важных социально-политических условий, связанных с общей ситуацией в регионах распространения курдского языка.

Некоторые термины каллиграфии и книжного производства в классической персидской поэзии

Ольга Михайловна Ястребова

РНБ, СПбГУ yastrebochek@gmail.com

Метафора (*исти'āра*) и сравнение (*ташбїх*) являются излюбленными приемами классической персидской поэзии. При этом арсенал образов, к которым прибегали поэты, был чрезвычайно обширен. Необходимым требованием, предъявлявшимся придворному поэту, была эрудиция в самых разных науках, дабы он мог разнообразить свои стихи свежими, неизбитыми мотивами, почерпнутыми из них. Процесс письма, создания книги, инструментарий каллиграфа, художника, переплетчика и иных мастеров и ремесленников, вовлеченных в процесс создания книги, были одной из тех сфер профессиональной деятельности, из которой некоторые поэты черпали образы и мотивы для своих стихотворений. Расшифровка смысла подобных метафор и сравнений для современного читателя, незнакомого со средневековыми технологиями переписки и оформления книг, может представлять определенную трудность.

В сообщении собраны примеры из творчества различных поэтов, использовавших в своих стихах терминологию «мастеров книжного рукоделия» и мотивы, связанные с процессом создания рукописи. С одной стороны, знание реалий, связанных с практическими сторонами процесса письма, создания и бытования книг, помогает полнее понять смысл, заложенный в стихотворение его автором. С другой – изучение подобных примеров может иногда помочь манускриптологам и ученым-искусствоведам, исследующим в том числе и памятники материальной культуры, входившие в инструментарий писцов и секретарей, правильно атрибутировать и датировать те или иные артефакты.

Identifying, Investigating and Introducing the Authors' Handwritings Existing at Malek National Library and Museum Institution

Mojtaba Abbasnejad Motankalai

Nasir ad-Din Tusi University abbasnejadm@gmail.com

Osmat Mo'meni

Allame Tabatabai University

Mohammad Vafadar Moradi

Imam Reza International University

Manuscripts are considered as a part of the national and religious written identity and heritage of each country. In Iran, manuscripts are in top positions among the other documents. Manuscripts are reviewed from two aspects: bibliography and codicology. Some of these manuscripts are exquisite in appearance or content. Malek National Library and Museum Institution is one of the top 6 centers for preservation of treasured manuscripts in Iran. The institute is the endowment of Haj Hussein Agha Malek, operated under the Astan Quds Razavi.

The aim of this research is identifying the original version, rough copies, corrected and confronted manuscripts in Malek National Library and Museum Institution by using the first five volumes of the library collection lists and introducing their bibliography and codicology properties by using its database and digital library and observing the manuscripts.

The results show that the first five volumes of manuscript lists the 242 original manuscripts, rough copies, corrected and confronted copies. The oldest manuscript belongs to the year 602 AH and others are for 7 to 14 AH centuries. The studied copies are both Persian and Arabic and they are almost equal in number. Results shows that 42.15% of the manuscripts used Naskh which is the most popular calligraphy, the most paper type used among the copies is European Paper with 36.36% usage, the most popular cover type is sheep leather with 79.75% usage. The findings shows that three copies are written by the students of the writer, four copies by the writers' child, one copy by the writers' grandchild and one by the writers' brother. The most rough copies belongs to Allama Majlisi with 25 copies.

Keyword: Manuscripts, Rough copies, Codicology, Bibliography, Malek National Library and Museum Institution, Astan Quds Razavi

*The role of Sufi centers in the production and dissemination of science
(Citing the Manuscripts Transcribed There)*

Habibollah Azimi

Iran National Library hazimi1393@gmail.com

Sufism is an ascetic way among Muslims based on comportment for purifying the self and avoiding the world for reaching God and completing the soul. Sufis established several independent religious-military centers under different names such as: Khāngāh, Zawīya, Mazār, Takya, Rebaṭ, Madrasa, Şawmi'a and so on in order to teach, meet, worship and discuss, publicize and live in. They had libraries where Sufism-related or other books were collected.

Research population& Method: This included 300,000 manuscripts their bibliographic information were published in the 40-volume *Union Catalogue of Iran Manuscript* . The transcription centers of the manuscripts were investigated by using some keywords related to Sufis' centers, such as Khāngāh, Rebaṭ, Mazar and Zawīya. Among the 300,000 manuscripts listed in Iran's libraries, finally, 60 manuscripts were found, either the location of their textbooks was one of the Sufi centers, or the book was transcribed by one of the Sufis.

The results:

- A) From 4th and 5th to 13th centuries A.H., Sufis' centers such as khānqāh, zawīya, mazār, takya, ribāṭ, madrasa, and sawmi'a had different educational roles such as transcription as well as being centers for worship and Sufism tradition.
- B) Most transcription efforts in Sufis' centers have been done in 8th and 9th centuries A.H. Sufis' scientific centers were mostly khānqāhs, zawīyas, madrasas, and buq'as.
- C) Considering the vast development of Sufism in Khurāsān and Fārs in 4th and 5th centuries A.H., most studied Sufism centers were belonged to Iran. Egypt was another country where these centers were more due to the Mamluk dynasty (648-923 A.H.) and their tendency to build and reconstruct educational centers such as madrasas, masques and khānqāhs.
- D) Scribes in Sufis' centers tended to transcribe manuscripts on Sufism. However, those in other centers such as Madrasas and mosques tended to transcribe manuscripts on grammar, fiqh, hadith and Koranic interpretation

Socio-political crisis in Iran, as a factor in the transformation of the Islamic approach to women's rights

Marianna Bakonina

St.-Petersburg – Moscow marianna25@mail.ru

In Iran during the World Cup 2018 women were allowed to visit football matches. Since its founding, the Islamic Republic of Iran has been a target of criticism, as a constant and consistent violator of human rights, including women's rights, in particular, ban for women on visiting football matches.

Now the ban is canceled. It was not an accidental decision and departure from the accepted norms and traditional Islamic approach to the moral code, but an irrevocable solution, apparently, the final one.

Is it possible to interpret such an abrupt change in the attitude of Iran to the Islamic moral code and to the protection of women from harassment and insult in a question that for years has been very acute and sensitive?

Can we speak about the particular case of Iranian emancipation and clarify the reasons for this emancipation?

Key words: Iran, women's rights, football, emancipation

Chronology of Kafir-kala in Samarkand according to Coin Finds

Alisher Begmatov

Berlin/Kyoto alisher.begmatov@gmail.com

The Uzbek-Japanese expedition has been excavating the citadel of Kafir-kala situated in the vicinity of Samarkand since 2013, following the Uzbek-Italian expedition. As a result of the excavations, a few hundred silver and bronze coins of the pre-Islamic (mainly Sogdian) and Early Islamic periods, along with numerous sealings and other artifacts have been discovered. In the season of 2018, the whole citadel, except for one room (R12), was excavated up to a certain layer where an enormous fire had occurred. By studying the coins discovered from the citadel, I have been able to conclude that this fire most probably took place during the last years or shortly after the reign of Tarhun, the Sogdian king who ruled Sogdiana between 700 and 710 years CE. Additionally, now that almost the entirety of the citadel has been excavated, it is possible to present the chronology of the site according to the coins discovered there. In this presentation, I will chiefly present the results of my analysis of the coins unearthed from Kafir-kala.

***Guilan Province during the Time of Reza Shah Pahlavi (1925–1941) in
My Life, Memoirs of Dr Ahmad Shafi‘i-Rudbari (2000)***

Ekaterina Bolashenkova

Department of Central Asia and the Caucasus, Saint Petersburg State University

bolashenkova@mail.ru

My Life. Memories from Three Countries: Iran, the USSR, and Germany is a book of reminiscences by the Iranian author Dr Ahmad Shafi‘i-Rudbari, covering the period from 1935 to 2000. Shafi‘i-Rudbari was born in 1924 and spent most of his childhood and youth in the city of Rasht in Guilan province. The book, written in Persian, was completed and published in 2000 in Berlin, where the author died ten years later. His work was never published in Iran or other countries. In 2015, it was translated into Russian by the present author. This translation, however, is still not published officially. In this talk, the translator aims to summarise and analyse the most significant pages related to Shafi‘i-Rudbari’s early years in the Pahlavi era Iran; those focusing on the old Rasht and its surroundings, its roads, transport, schools, stores, and public bathhouses, on Ashura ceremonies, first cinemas, and the reforms of Reza Shah. The translator also tries to compare these chapters with some of her own observations made in Guilan in the summer of 2017.

Keywords: Iran, modern history, the 20th century, Pahlavi dynasty, Guilan province, Rasht, memories, autobiography.

Crosses in Semirech'e: a Sogdian influence in the Turco-Syriac Gravestones?

P.G. Borbone

University of Pisa pier.giorgio.borbone@unipi.it

Among the more than six-hundred Turco-Syriac gravestones bearing crosses found in Semirech'e, only in few cases a Syriac motto related to the cross appear. Quite surprisingly, this short text does not follow the mainstream Syriac tradition, well documented not only in the Near East, but also in Mongolia and China. Possibly, this is another hint at the Sogdian origin of the Christian communities of Semirech'e.

Keywords: Syriac Christianity, Semirech'e, Triumphal cross, Sogdian Christianity; Turkic Christianity

On the Etymology of Some Oriental Musical Instruments

Tork Dalalyan, PhD

Institute of Linguistics

Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA torqdal@yahoo.com

Key words: oriental musical instrument, tambourine (*daf*), drum, cymbal, trumpet (bugle), saz, tarr, onomatopoeia, loanword, cultural term.

The areal of spread of musical instruments in general, and of oriental ones in particular, often includes several countries or geographic regions. For this reason, the definition of "national instrument" is rather conditional if we approach the issue with accurate historical and cultural criteria. The names of the instruments also "roam" from country to country, sometimes being slightly transformed outward or semantically, sometimes becoming unrecognizable. This paper represents an etymological comparativehistorical study of a series of names, which are brought under separate headings: tambourine (*daf*), drum, cymbal, trumpet (bugle), *saz*, *tarr*.

Qalandar in the Dīvān-i Shams

Janis Esots

The Institute of Ismaili Studies, UK jeshots@inbox.lv

I shall start my discourse with a few remarks on the possible etymology of words *rind* and *qalandar*. Initially, *qalandar*, like *langar* ('refectory/ soup kitchen'), seems to have been the name of a place, a sort of shelter for tramps and vagrants. As a metonymy, *qalandar* then came to be used to refer to a habitué of the place, also known as *rind* ('profligate'). However, according to Muhammad Ghiyāth al-Dīn's *Ghiyāth al-lughāt*, *qalandar* is an Arabized form of the Persian word *kalandar*, whose literal meaning is 'an unhewn log' and the figurative one – 'a rude and ill-bred person' (Muhammad Ghiyāth al-Dīn, *Ghiyāth al-lughāt*, 3 vols., Dushanbe: 1987 – 1989, vol. 2, p. 141). In both senses, the notion of rudeness and insensitivity is distinctly present. As a Sufi term, *qalandar* is said to describe a *lā abālī* ('I don't care') type of dervish, i.e., the one who does not care the least about observing the decencies.

Tabaristan province's political system during the Abbasid sovereignty

Fatemeh Gholizadeh

PhD candidate in Archaeology, University of Tarbiat Modaress, Tehran

fatemehaban@gmail.com

Saedi Saeedyan

PhD in Archaeology, University of Tehran saeedyan.43@gmail.com

After the subversion of Sassanid Empire, Arabs encountered with some emirates which were deploying in the mountains and deserts. As a matter of fact a powerful government wasn't the only problem that they had but also the vastness and remote areas that they were supposed to have an attack to, was another big problem for them. Based on historical sources, in the first century AH, one of these remote areas was Tabaristan province that was ruled by Ispahbads (Dabuyid and Masmughans of Damavand) and they were strict to Arabs and wouldn't accept them. (Tabari's history and History of Tabaristan by Ibn Esfandiar and the History of Tabaristan, Ruyan and Mazandaran by Zahir al'din Mar'ashi and etc.).

Many efforts have been made by Umayyad caliphs for conquering these provinces and sometimes they were able to get some tributes but "people in Tabaristan ins and outs were in peace or war and sometimes they gave up and these continued until the time caliphate of Mansour Abbasid", Balazari's said. Finally Arabs could conquer these province in the time caliphate of Mansour Abbasid (137-158 AH) and the result was the escape of Ispahbad Khurshid from the Sari (the capital) which at that time was ruling all the provinces of the Tabaristan and Daylam and at last he committed suicide. By this victory by Arabs Tabaristan joined to the states which were being governed by Abbasid's caliphates. For governing these provinces some governor officials would be sent to these areas by Governing Diwan and their dismissal and appointment was by the idea of caliph or delegatory minister and also the states revenues (kharaj and tax) were settled in the central treasury.

Choosing governor officials for governing different states was based on the political system in Abbasid era. Based on literature review the first era of Abbasid caliphate was a time when patrimonial-bureaucratic administrative system was formed and also was the most powerful time for caliph, minister and bureaucratic system. In bureaucratic system the most loyal people would be chosen as governor officials by the caliph and also for a better ruling there were some official hierarchy for their election that are determined by both historical sources and also numismatics evidences. As regards the extent of the caliphate territory, caliph would choose a main ruler for each part of the territory which he titled "Amir". He would be elected by the caliph himself for ruling over a vast area of territory including several provinces. As ruling over these vast areas was a hard job Amir was able to elect some agents for different cities (*Al-Ahkam al-Sultania w'al-Wilayat al-Diniyya* by Abu al-Hassan al-Mawardi). These people who were chosen by Amir were titled wāli in many historical sources (such as *Ta'rikh sinī mulūk al-arḍ wa'l-anbiyā* by Hamza ibn al-Isfahani and *Akhbār Wulāt Khurāsān* by Sāllami). These governor officials who were elected by Amir (wāli) were able to mint and in coins they were referred as (Amil).

In this paper based on literature review and numismatic evidences and also data analyses the way of governing in Tabaristan states by Abbasid caliphs and also official hierarchy related to their

governor officials in Tabaristan and Ruyan states have been studied. Additionally 179 coins minted in Tabaristan being kept in Iran National Museum, Malek National Museum, Sepah Bank Museum in Tehran, catalogue of Shams Ishraq Coins, the American Numismatic Society, Fitzwilliam's museum and the collection of Islamic coins in Tubingen University were studied.

Key Words: Abbasid Caliphate, Political System, Tabaristan, numismatics.

Glass painting from the collection of the State Museum of Oriental Art (Moscow) as a reflection of the European theme in Iranian art of the 19th century.

Polina V. Korotchikova

State Museum of Oriental Art, Moscow poldea3@yandex.ru

The phenomenon of European influence on the art of Qajar Iran is particularly described in studies on Persian oil painting of the 19th century. However, in the art of this period there is another interesting area - glass painting - undeservedly bypassed by the attention of specialists. At the same time the frequent images of Europeans, typical for such items, in a compartment with the technology itself (presumably borrowed from Germany) and the style make "pictures on the glass" a kind of quintessence of interest in the West in the Qajar culture. The collection of the State Museum of Oriental Art contains 45 items made in this technique, most of which are images of people in European costumes. Their study allows us to add new features to the research of the interpenetration of Western and Persian in the Iranian painting school of the XIX century.

'Arab-Sasanian coins as a means of religio-political propaganda in Iran

Konstantin Kravtsov

State Hermitage museum kriss2004@yandex.ru

In the history of the Middle East the 7th century was marked by great social and political changes. This process culminated in the rise of new world religion in 'Arabia – *Islam*, which became the basis for formation of the new civilization (*Dar al-Islam*) and new Muslim state (*'Arab caliphate*). During the second half of the 7th century – first half of the 8th century the geographic borders of the Islamic world expanded considerably. The power of the caliphate extended from Spain and North-West Africa to North-West India and Central Asia.

Regarding the territories of the former Sasanian Empire, the new Muslim administration relied on the old established system set up by shahanshahs Kavad I (488-496, 499-531) and Khosrow I (531-579). As the most educated class, the Sasanian elites quickly adopted the new ideology and gained positions of authority of the new community using Arabic and Persian side by side to convert the rest of the population. In new socio-economic realities the religio-political propaganda played a great role. Coins were the most important tools for this purpose. They were the most readily known and widely distributed objects produced by the state. The centralized power carefully controlled the mints and what was to be struck on the pieces. 'Arab-Sasanian issues served as a kind of a "bridge" between old traditions and new ideas of 'Arabization and Islamization. They intended to emphasize the legitimacy of the new Islamic authority through the prism of the concept of *xwarrah* as the symbol of rightful rule.

'Arab-Sasanian coins being the "living" historical evidence reflected the process of 'Arabization and Islamization in all its dynamics progressing from simple to complex. In the first place this can be seen in the Islamic coin legends placed in margin.

Roughly the legends can be divided into several groups with the determining feature based on the structure and meaning of words and mottos:

–the first group comprises numismatic pieces (both Sasanian and 'Arab-Sasanian) bearing countermarked words *ja'iz* "current" or *lillah* "for Allah".

–the second group embraces issues with the word *jayyid* "excellent" referring to the quality of silver as the guarantee of coinage legitimacy.

–the third group includes objects with short mottos, engraved predominantly in the second quarter of margin: *bism Allah* "in the name of Allah", *lillah* "for Allah", *rabbi Allah* "My Lord [is] Allah", *lillah al-hamd* "praise be to Allah".

–the next group is formed by emissions with more complicated mottos, found basically in two different marginal quarters: *bism Allah rabbi* "in the name of Allah, My Lord", *bism Allah al-malik* "in the name of Allah, the Ruler", *bism Allah rabb al-hukm* "in the name of Allah, lord of the judgment", *bism Allah la hukm illa lillah* "in the name of Allah, there is no judgment except God's", *bism Allah wali al-amr* "in the name of Allah, possessor of the command", *bism Allah al-'izza lillah* "in the mane of Allah, the glory belongs to God", *bism Allah 'ammara Allah* "in the name of Allah, may God make

prosperous”, *amara Allah bi'l-wafa* “Allah ordered with faithfulness”, *quwwa yazidu billah* “strength increases through Allah”.

–coins belonging to the forth group bear the reduced form of shahada – *bism Allah Muhammad rasul Allah* “in the name of Allah, Muhammad is the messenger of God”.

–the issues from the last group are inscribed with the more comprehensive version of shahada – *bism Allah la ilah illa Allah wahduhu Muhammad rasul Allah* “in the name of Allah, there is no god but Allah alone, Muhammad is the messenger of God”.

As one can see the ‘Arab-Sasanian coins being involved in socioeconomic life of early Islamic Iran became a perfect means of political propaganda and visible indicator of religious changes in the Persian society in the second half of the 7th century – first quarter of the 9th century.

New evidences of Achaemenid – Georgian relations.

Vakhtang Licheli

Tbilisi State University,

Georgia vakhlich@hotmail.com

Key words: Achaemenid Persia, Iberia, Colchis, Zoroastrian altars, bull double – protoma capital

Part of the archaeological material discovered on the territory of Eastern Georgia (Central Transcaucasia), which is dated from the 7th -4th centuries B.C., has connections with the Persian world. It was attested by finds of the so-called “Near Eastern-type” daggers in Colchian collective graves, as well as by one bronze dagger excavated in the Mzetamze necropolis (P. Calmeyer’s group 31-35, belonging to the Neo-Babylonian period), calf-rings analogical to the same type of artifacts from Gul Khanan necropolis (Luristan) and the so-called jugs with a tubular handle originally appeared in Western Iran.

Till to the present time number of archaeological sites attributed as Achaemenid period settlements were very limited: the residence of Gumbati in Caucasian Iberia is repeatedly published. Another Achaemenid palace was discovered in the Eastern part of Caucasian Iberia (Sabatlo site). The sites synchronous to it (5th-4th centuries B.C.) were evidenced only in recent years (Grakliani Hill and Darakoi settlements). They have submitted us with an opportunity for making clear some innovations of the Iberian culture (Zoroastrian altars, big number of “Achaemenid type” pottery, clay copies of silver Achaemenid bowls, copies of disc-fibulae). Special interest is Zestaphoni find: on the territory of Colchis there was only one site (Sairkhe) showing more or less clear Achaemenid orientation. Recently, fragment of bull double - protoma Achaemenid capital was found in Zestaphoni (Colchis), which is evidence of the existence of unknown Achaemenid temple/palace in the western part of the Caucasus.

Bukharan Mir 'Ali Haravi from Cambridge and St Petersburg

Dr Firuza Melville

University of Cambridge fia21@cam.ac.uk

This talk will focus on two contemporaneous manuscripts produced by the Mir 'Ali, the iconic calligrapher from Herat who was destined to spend the rest of his life in Bukhara after he was brought there together with several of his colleagues as some sort of intellectual booty by Uzbek Khan 'Ubaydullah in 1529. One manuscript, a Poetic Anthology of 1529, is now in St Petersburg, in the possession of the Institute of Oriental Manuscripts. The other one, Hilali's Divan copied in 1531 is now in Cambridge, owned by King's College but on permanent loan at the Cambridge University Library. The manuscript was presented to King's by one of his graduates Ephraim Pote who acquired it in Patna as part of a substantial collection of 550 manuscripts from Antoine Polier, French Orientalist, employed by the East India Company. Both the Cambridge and St Petersburg manuscripts went through some serious embellishment at the Royal atelier either in Bukhara or in India by the artists of not only local training but those who were brought from various centres of Safavid Persia. The two questions to be discussed are: 1) whether Mir 'Ali produced his St Petersburg manuscript still in Herat, or already in Bukhara where the manuscript acquired two miniature paintings; 2) did he copy Hilali's Divan in Bukhara in memory of the poet and his friend who was executed in Herat by 'Ubaydullah Khan when he conquered the city and to express his bitter nostalgia for his native city he was destined to never see again.

An Achaemenid Trace in Southern Turkmenistan

Ruslan G. Muradov

Ashgabat, Turkmenistan turkmenica@yandex.com

Valerii P. Nikonorov

St. Petersburg, Russia vpnikonorov@mail.ru

In the summer of 2015, within the ancient site of New Nisa near Ashgabat, the capital city of Turkmenistan, a local resident found by chance, in a deep gully where because of a heavy rain a whole stratigraphic section proved to be exposed, a terracotta fragment that consists of two pieces joining well to each other. Apparently, the find was broken into two parts when being taken out of the earth or shortly thereafter, since the internal chips of both pieces are fresh, whereas the external ones are very old and covered here and there with blackened mould bloom, like almost all over the reverse side. In the entire (glued) form, the fragment is 16 cm height and 18 cm width. Its profile is uneven: from a thin lower part, 1 cm thick, to a thicker upper one, 2.5–3 cm thick, which is a flat roller jutting forward — in all probability, it is a part of the product framing in the shape of an outer ledge.

On the obverse of the fragment there is a partial image of a warrior — only the head and the uppermost parts of his spear and bow are preserved. He is shown standing against the background of what is a relief grid, the cells of which have the shape of rhombuses. Being produced in a special form-mould, this image is characterized by a fuzzy pattern with smoothed edges — it is to be thought that the mould has been used many times. The reverse side of the fragment contains slight traces of some mortar, and this does not exclude the possibility of its attachment to the wall as a facing tile or something alike. However, based on the fact that the fragment profile has an insignificant bulge, one can assume that rather it was a portion of a casket-like container such as a tabernacle or (what is, nevertheless, very hardly probable) an ossuary. Of course, this is nothing more than a hypothesis, for it is impossible to ascertain the shape of the product as a whole and its functional purpose over such a small fragment.

After its finding this artifact was immediately given to Carlo Lippolis, the director of the Turkmen-Italian archaeological expedition excavating at the nearby site of Old Nisa. In turn, he deposited the find at the Museum of Fine Arts of Turkmenistan (Ashgabat) where it is currently stored under the accession number CH15/HH15/T1.

The warrior's representation on this fragment is of the greatest interest: according to its stylistic and iconographic features ("fluted" headdress, facial features, careful elaboration of hairstyle and beard, and uniform and weapons as well), it almost completely (except for a certain stylization of some details) coincides with the images of Persian guardsmen on the famous stone reliefs of the first half of the 5th century BC from Persepolis. According to their sets of weapons, these guards are divided into three groups — the first consists of those who are equipped with a spear and bow ("archers"), the second — solely with a spear ("spearmen"), and the third — with a spear and shield ("shield-bearers"). By this criterion the warrior from New Nisa belongs to the first of these groups.

It is to be added that the picture from New Nisa is absolutely unique: until now this is the only known similar one coming from the territory outside the Achaemenid ceremonial

capital. Just one feature distinguishes it from the Persepolitan reliefs, viz. the background in the form of the relief grid of rhombuses. How to interpret this decorative element? At any rate, the exterior of a royal marquee of the yurt type, as if secured by our guardsman, is hardly conveyed in this way: indeed, the rhombic grid can solely mean a bare wooden frame of the marquee, which in reality had to be tightly encased with a revetment of felt and for this reason to turn out invisible to the viewer. Another interpretation appears to be more plausible: the background rhombic grid of the representation on the terracotta relief from New Nisa is a variety of geometric ornament added by the master to the decorative composition with the aim of its some “revitalization” as a whole. Such an ornamental motif (called “triangle” in English-language scientific literature) as a decor on painted ceramic vessels had probably emerged in Iran as far back as the Middle Bronze Age, and then was definitely in use there and in some adjacent regions (Northern Parthava/Parthyena, Marguš/Margiana, Caucasian Iberia) in the Early Iron Age, as well as in the Achaemenid and Hellenistic periods.

It is quite possible that the product, the fragment of which was found in New Nisa, had been manufactured in a ceramic workshop located near Persepolis and presumably somehow connected with the royal court. Such a workshop must have had a permission to make products decorated with the use of symbols and images portrayed in the official art of the Achaemenids. If not all, then some part of this production was intended to be distributed in other parts of the Achaemenid empire, including Parthava (Parthyena) — a region, the northern part of which was situated in what is present-day Southwestern Turkmenistan where the ancient city, whose ruins are now called New Nisa, was located.

The likelihood that the artifact in question is a later fake looks more than doubtful. It is hard to imagine that in modern Turkmenistan, where any serious market of false antiques has never existed, the production of forgeries was arranged to copy the ancient art monuments that are localized exclusively in Persepolis (which is, moreover, situated at a distance of more than 1000 km to the south of New Nisa) and nowhere else. Besides that, the availability of multilayer mouldy growths of different tints — from black to grey-green — on the external chips and over the traces of adhesive on the reverse side clearly testify to a very long stay of our fragment in the earth. In addition, its greatly fragmented state and (what is most important!) the fact of its discovery within the territory of the ancient site, and not on the surface at that, but most likely in the thickness of cultural strata, do not permit, in our conviction, to seriously doubt the authenticity of this specimen of Achaemenid art. It goes without saying, the clarification of this matter would be promoted both by a detailed questioning of the person who found the terracotta fragment and by a thorough examination of the place where it was found, but it should be recognized that the reality of carrying out such additional investigations in the future is hardly probable.

Be that as it may, the above arguments in favour of the authenticity of the find from New Nisa seem to be weighty enough to us, and it remains solely to hope that our possible opponents’ counter-arguments will be as much reasonable as constructive.

In conclusion, we would like to especially emphasize that the discovery of the terracotta fragment with the 5th-century BC Persian guardsman’s image just at New Nisa, the stratigraphy of which is still unclear, allows well of raising a question of the existence there of a settlement already in Achaemenid times.

Key words: New Nisa, ceramic fragment, Persepolis, stone reliefs, Achaemenid official art.

The relocation of the Iranian socialist revolutionary locus from Tabriz to Gilan, 1908-1921

Kayhan Nejad

Yale University kayhan.nejad@yale.edu

Most studies of early twentieth-century Iranian socialism centralize the short-lived Persian Soviet Socialist Republic of Gilan (P.S.S.R., 1920-21), the failure of which reflected the incompatibilities of Soviet Bolshevism and Iranian revolutionary currents.¹ Alongside the P.S.S.R., however, a number of lesser-studied revolutionary movements developed in Iranian Azerbaijan along the border with the South Caucasus. Uniting these movements was a shared rejection of Leninist claims to a monopoly of socialism in both idea and practice. Further complicating the Red Army's consolidation of control in the Caucasus was the emergent trend of interethnic cooperation among nascent Caucasian nationalist movements, which also courted the support of outside powers including Ottoman Turkey, Imperial and Weimar Germany, and the British Empire. While the P.S.S.R. enjoyed brief Soviet patronage, the decentralized decision-making institutions of the U.S.S.R. largely eschewed other revolutionary movements in northern Iran, which relied instead on local support and small corps of foreign volunteers operating without the explicit consent of Moscow. This paper argues that geography played a central role in Soviet support for the P.S.S.R. above contemporaneous northern Iranian revolutionary movements, especially those in Tabriz. While these movements drew on a decade of cross-border cooperation between the nationalist and socialist revolutionary movements in the Caucasus, Gilan's orientation on the Caspian littoral allowed for the Soviets to extend their material and, more importantly, ideological influence without the intervening challenge of the Caucasian revolutionary tradition.

¹ The authoritative English-language study of the movement remains Chaqueri, *The Soviet Socialist Republic of Iran*; the republic is also given consideration in Genis, *Krasnaya Persiya*; while both these studies focus on the movement's history after its alliance with the Soviets, the historical antecedents of the P.S.S.R. in the Jangal Movement of Gilan are considered in Ravasani, *Nahzat-i Jangal*.

A newly recognized Khotanese wooden tablet kept at the State Hermitage Museum

Ogihara Hirotoshi

Kyoto University diyuanymun@gmail.com

Keywords: Pre-Islamic Khotan, Khotanese philology, Buddhist economy, Buddhist iconography

A large amount of Khotanese materials kept at the Institute of Oriental Manuscripts in St. Petersburg have been already published by E. Leumann, R. E. Emmerick, M. I. Vorob'ëva-Desyatovskaya, and H. Kumamoto, with further contributions by M. Maggi, P. O. Skjærø and others. This collection is of special importance not only to Khotanese philology, but also to the historical studies on Khotan in the pre-Islamic period.

In the course of my research in 2009 for the Brāhmī materials kept at the storage in the State Hermitage Museum, attention was drawn to one wooden tablet on which the Buddha's image in meditation was depicted. On the other side, texts in Brāhmī script written by two different hands are recognizable, although quite a few *akṣaras* are illegible because of abrasion. In a line in smaller size one can read *balysä* "the Buddha" in Khotanese, which most probably points to the Buddha's image on the other side. The rest of the text written in larger size seems to be the main text of this wooden tablet. The decipherment reveals that the main text contains part of a receipt of money (Khot. *mūrā-*), but that a significant portions at the margins are missing. This leads to the assumption that an original larger wooden tablet on which the accounts had been recorded were cut off in order to accommodate the Buddha's image.

The Early New Persian perfect: A historical-linguistic interpretation

Paola Orsatti

“Sapienza” University, Rome paola.orsatti@uniroma1.it

This paper intends to present the first results of a work in progress concerning the emergence of the New Persian perfect and its functions and typological variety. The research is carried out through an examination of samples from different texts until the mid-twelfth century (for general reference see Lazard 1963, §§ 480-489; Lenepveu-Hotz 2014: 163-182). The analyzed texts offer a variety of present perfect forms, with different values (active vs passive/intransitive/resultative):

- a) Past participle (=PP) with suffix *-a* + present of ‘to be’ as auxiliary (identical with the copula): **karda am** type
- b) Ancient PP (without suffix *-a*) and *-(h)astam*, *-(h)asti*, *-(h)ast* ... (so-called ‘Perfect of Nishapur’): **kard-astam** type
- c) Ancient PP + past endings + hyst: **bwdwm hyst** type, only to be found in a number of Judaeo-Persian texts mainly of south-western origin (Paul 2013: 133,c)
- d) Other forms of present perfect with different temporal (Present vs. Future) or modal (Indicative vs. Subjunctive) value. One is the **karda bāšam** type.

The data gathered for this research allow a reconsideration of MacKenzie’s (1984) hypothesis concerning the origins of the NP present form of ‘to be’ *(h)astam*, *(h)astī*, *(h)ast*... and of the ‘perfect of Nishapur’.

Key-words: Early New Persian; Early Judaeo-Persian; Perfect Tense; Early New Persian verbal system

The Challenge of Ethnic and Religious Heterogeneity to the Unity of the Iranian State

Lana (Svetlana) Ravandi-Fadai

Institute of Oriental Studies, RAS ravandifadai@yahoo.com

This paper provides an overview of the major ethnic and religious minorities in Iran and the challenges that the heterogeneous nature of the Iranian population poses to the unity of the Iranian state. The civil rights and living conditions of the country's three primary groups are examined and a brief description provided of their role in the formation of the modern Iranian state. A variety of views are offered on the issue of nationalism and the development of ethnic/religious identity, the central Iranian government's approach to these issues, and to the influence of external factors on the intensity of separatist movements. This paper relies on the history of inter-ethnic/religious relations within the country as a platform for forecasting future developments. Particular attention is devoted to the question of to what extent other countries are attempting to intensify and exaggerate ethnic/religious divisions within Iran as a tool for weakening the Iranian state and, conversely, to what extent real ethnic/religious divisions and inequalities are played down by the Iranian government.

Ossetian-Persian ideologemes (the royal cult)

Tamir K. Salbiev

Center for Scytho-Alanic Studies, Vladikavkaz galabu054@gmail.com

The study of the Proto-Iranian heritage has always been of utmost importance for Ossetian studies, because it made a significant contribution in the middle of the 19th century to the formation of this scientific discipline. At that time the philological aspect was given priority, which was naturally conditioned by the predominance of the comparative-historical method of scientific investigation. Yet, today it became obvious that the research interest is taking shift towards the historical aspect. Of particular relevance in this connection is the appeal to the royal cult, which manifests itself in the dragon-fight myth, represented in both traditions and ascending, as V. N. Toporov strongly believed, to the Indo-European era. However, if in the Persian tradition it is represented in the epic poem of Shahnameh in the form of a narrative, and therefore has a clear and detailed plot and characters, in the Ossetian version it should be reconstructed on the basis of traditional ritual prayer, which is seen as a performance of events of the beginning of time, in which every participant fulfills his personal mythological role assigned to him by the ritual.

The basis for the proposed comparison proves to be a well-known insignia of the power of Kayanid and Achaemenid kings, known in the Persian tradition, as a mace with a bull's head, still used by clergymen as a ritual object in the Zoroastrian rite, known as Gurz (گرز). In mythology, weapons are considered as an important plot-forming element of the myth, not only complementing the development of the action, but also characterizing its owner. In the Ossetian tradition, it is proposed to consider as its exact analogue such an obligatory attribute of ritual prayer as the head and neck of the sacrificial animal (*særaej æmæ bærzæj*). As a result, the elder at the ritual feast, occupying the chair at the head of its participants and controlling the head and neck of the sacrificial animal, can be considered an Ossetian "fellow" of the Proto-Iranian *Θraitauna-* (Avestan *Θraētaona-*), the killer of the dragon *Aži Dahāk*. The main result of the duel of the thunderer with the monster, as is commonly believed, is the birth of the sun, serving as the heavenly incarnation of the earthly king. The ear of the sacrificial animal cut off by order of the elder is divided into three parts and is sprinkled with salt. Then it is and sent to the youngest of the participants in the ritual prayer, who divide it between themselves the same way as three sons of *Θraētaona* divided the world. The "blacksmith's share", known in the Ossetian ritual, is also taken into account, including, among other things, the skin of a sacrificial bull or a cow comparable to the blacksmith's apron of *Kāveh*, who forged a bull-headed mace and handed it to *Θraētaona-*. In general, the appeal to the Persian tradition proves to be an important help, bringing a reliable historical base for the proposed reconstruction.

Key-words: Proto-Iranian mythology, royal cult, bull-headed mace, bull's skin, celestial blacksmith, Persian epic tradition, Ossetian ritual praying.

***Achaemenid Policy toward the Cimmerian Bosphorus Region in the Fifth Century BCE:
A Reassessment of Archaeological and Numismatic Evidence***

Ehsan Shavarebi

Institut für Numismatik und Geldgeschichte, Universität Wien (Austria)

ehsanshavarebi@gmail.com

Our knowledge about the history of Archaeanactid dynasty, who ruled the Cimmerian Bosphorus region from 480/79 until 438/7 BCE, is limited to a brief passage from Diodorus's *Bibliotheca Historica* (XII.31.1). Around twenty years ago, G.A. Koshelenko proposed a new interpretation of this passage and developed a hypothesis that the Archaeanactids came to power under the aegis of the Achaemenid Empire during Xerxes's preparations for his campaign against Greece. Although this hypothesis did not lead to any consensus on the problem of the origin of Archaeanactids, it gained a great deal of attention amongst Russian archaeologists. Despite its serious problematic aspects, a number of scholars have attempted to foster this hypothesis and furnish archaeological evidence for it during the past two decades. The most recent example is a recently discovered Old Persian fragmentary inscription from Phanagoria, which has been interpreted by its excavator as a proof for Persian presence and dominance over the region. A thorough study of this inscription from philological, historical, and archaeological points of view, however, leads to an opposite conclusion.

A better and less speculative understanding of the Achaemenid policy toward the northern Black Sea area and the type of possible contacts between the Archaeanactids and the Persian Empire may only be achieved by putting together and re-evaluating all available materials in their both regional and interregional contexts. A rather neglected aspect of this question is the monetarisation process and early coinage of the Bosporan poleis in the fifth century BCE. The aim of this study is presenting a reassessment of archaeological finds along with numismatic evidence in order to find an appropriate answer to the question of Achaemenid political influence in the Cimmerian Bosphorus region.

Cultural interactions in the eastern Achaemenid empire: Persians, Scythians and the Oxus Treasure in the British Museum

St John Simpson,

The British Museum ssimpson@thebritishmuseum.ac.uk

Elena F. Korol'kova

The State Hermitage Museum

The Oxus Treasure was discovered by chance in the 1870s on the right bank of the Amu dar'ya (river Oxus) at Takht-i Kuwad, bequeathed to the British Museum by A. W. Franks in 1897 and since 1900 has been displayed almost without break apart from the hiatus caused by the First and Second World Wars. It consists of about 170 objects of different sizes and functions but almost all gold, silver and gilt silver, suggesting that they had been buried as one or more hoards of objects of intrinsic value. A new programme of scientific research on the collection is throwing new light on many aspects of the manufacturing techniques and compositions of the objects and a selection of the objects from the collection were exhibited in the recent British Museum exhibition 'Scythians: warriors of ancient Siberia', organised with the State Hermitage Museum. This provided an opportunity to also jointly examine loaned objects from the Siberian Collection of Peter the Great and begin new curatorial and scientific collaborations with the State Hermitage Museum and National Museum of Tajikistan in Dushanbe in understanding related objects in our respective collections. This paper will conclude by illustrating the level of complexity of cultural interaction between the Achaemenids and their Eurasian nomadic neighbours and how important it is to continue to challenge preconceptions of cultural supremacy or ownership.

Scythians in the history and Persian epic

Dr. Mohammad Taheri

Associate Professor at Bu-Ali Sina University, Hamadan, Iran mtytaheri@yahoo.com

Dr. Hamid Aghajani

Assistant Professor at Bu-Ali Sina University, Hamadan, Iran hamid.aghajani@yahoo.com

Scythians have a great role in the development of ancient history and myths of different nations, including Greeks, Persians, Indians and Chinese. These invading and nomadic tribes in the beginning of the Aryan history, like other Aryan tribes, scattered in the east and west and south of residential world and though they were in an endless conflict with their neighbors they were finally overturned among them and only a name of Scythian remained in history. Due to the nature of wilderness, the research resources about their cultural affair are limited to their tombs of Kings and scattered references in chronicles of their neighbors. Study and research about Scythians folk manner and their distribution indicates a common origin for Scythian tribes and the family of Zal and Rostam in Shahnameh.

The pragmatic comparison of Persian and Uzbek Politeness in cross cultural communication

Khulkar Kamilovna Turdieva,

Tashkent State University of Uzbek language and literature. hulkar.kamilovna@gmail.com

This study is dedicated to research Politeness of Persian and Uzbek language comparatively. Getting introduced on the definition of the term in both languages, the significance, the study found that Persian linguistics are far more active concerned with this topic rather than Uzbek academics.

As Usami Mayumi states, “Politeness is one aspect of language use that strongly reflects different cultural perspectives, thus polite expressions in the first language may not directly translate into the second language. As national boundaries become less visible and more people engage in intercultural communication, people of one cultural group can easily and unknowingly violate another group’s politeness rules, which are opaque to those outside the given group. This can lead to conflict, misunderstanding and stereotyping.

To make the learners feel free about politeness, we have decided to work on this topic.

During the study of related literatures, the following researches have been looked through:

Goffman, Lakoff, Grice, Brown and Levinson, Kasper, Fraser; Wolfson, Sachiko Ide, Ono Masaki; from Iranian linguists: Keshavars, Hosseyni, Nanbakhsh, Hodge 1957, Assadi 1980, Hillman 1981, Beeman 1986, Rafiie 1992, Fayka 1995, Asdjoti 2001, Koutlaki 2002, Eslami 2005, Sharifian 2011, Sahragard 2011; from Uzbek linguists such as Muminova, Hudoynazarov, Husanov.

Iran and Uzbekistan have cultural similarities as both of the culture follow the cultural rules connected with family traditions, national customs, relations between people in society, verbal politeness level changing according to the age and social status of the addressee what are special mostly to Asian countries. However, some interesting and different cases can be observed in cross-cultural communication between Persian and Uzbek languages.

As Iran and Uzbekistan has established friendly cooperation, interest and desire to know each other of both countries is raising day by day. It is obvious there are plenty of programs for studying, culture-exchanging, researching, volunteering, traveling and working chances in both countries for one another.

Similarities and Differences: Both Iranian and Uzbek people always use ta’arof (terms of politeness) in everyday life. In the study of compliments, self-debasing, praising other people, praising back existed in Persian speech, while in some cases self-debasing and placing the addressee in high position was not often observed in Uzbek speech. On the contrary self-debasing much can lead to misunderstanding, while Uzbek speaker feels his/her opinion has been neglected or the praised person seems to be a boastful (arrogant). There is a saying in Uzbek language: “O’ta kamtarlik - manmanlikdir” with the meaning “Being too modest is the sign of arrogance.”

Conversation on the purpose of trade is also nearly similar, only one term of politeness couldn’t be observed in Uzbekistan as qabeli nadare (‘it’s not worthy of you’, i.e. ‘you can have it for free’).

Persian ta’arof can be met for the purpose of not loosing face (impressing positively other people); in order to make other people free or good; just to follow folk rules of ta’arof no matter willingly or not; and also it can be used to put people in an awkward position and make them do what the speaker wants.

Uzbek “Politeness” aim is to remain good impression in other people’s memory and maintain the atmosphere for them to feel good / relaxed and obeying unwanted rules of politeness.

Fayḍ Kāshānī's (d. 1090/1679) Attitude towards the Canon of Imāmī ḥadīth

Roy Viložny,

University of Haifa roy.viložny@gmail.com

Of the richness and diversity of Muḥsin Fayḍ Kāshānī's works, I wish to focus in the present talk on *Kitāb al-wāfi*, his monumental annotated collection of Imāmī ḥadīth. In this work (completed in 1068/1658), Kāshānī reorganizes the traditions found in the Four Books of the Shī'a – al-Kulaynī's *al-Kāfi*, Ibn Bābawayh's *Man lā yaḥḍuruhu al-faqīh* and al-Ṭūsī's *Tahdhīb al-aḥkām* and *al-Istibṣār* – and comments on them. His motivation to undertake this project, we are told in the introduction, was derived from the realization that these four major ḥadīth collections had several shortcomings in both content and structure. Written at a relatively advanced stage of his life, *al-Wāfi* is regarded by some scholars as representing a shift in Kāshānī's career, from the philosophical-Sufi vein towards a more traditionalist approach.¹ Recently, rather than an expression of conceptual transformation, this shift was interpreted as reflecting precautionary dissimulation practiced by Kāshānī vis-à-vis the hostility towards philosophy and Sufism, most notably under Shāh Sulaymān (ruled between 1077/1666 and 1105/1694).²

My talk will comprise three parts. First, Kāshānī's criticism of the four canonical books of the Shī'a will be presented in detail. In the second part I will survey the main improvements Kāshānī sought to introduce into the science of ḥadīth and demonstrate through concrete examples from *al-Wāfi* how these were indeed implemented. Third, Kāshānī's criticism of the Four Books will be juxtaposed with his own methodology and views in *al-Wāfi*. The latter part will serve as a premise for an initial evaluation of the extent to which this work could be regarded as representing a deviation – whether conceptual or circumstantial – from his early philosophical-Sufi attitude towards traditionalism.

¹ See H. Algar, "Fayḍ-e Kāshānī, Mollā Moḥsen Moḥammad", *Encyclopaedia Iranica*.

² See M. Terrier, "Anthropogonie et eschatologie dans l'oeuvre de Muḥsin Fayḍ Kāshānī" in M. A. Amir Moezzi (dir.), *L'ésotericisme shi'ite: ses racines et prolongements*, Turnhout, 2016, p.

“24 Gates” according to a Garshuni Turkic manuscript from Diyarbakır

Peter Zieme

Berlin ziemepet@gmail.com

The Syriac manuscript 206.238 from Diyarbakır contains on pages 738 to 763 a text in Ottoman Turkish written in Syriac script. Without introduction and final clause this text is a list of 24 gates assigned to biblical figures. A comparable register could not be found although one has to assume that a kind of Syriac or Arabic Vorlage might have existed. I would like to present here a short edition of this text in the hope that some competent priest or scholar come across a similar account. Probably the text was composed for didactic or edifying purposes.

Each gate (*kapu*) is assigned to one figure. It might be no hazard that here the word *kapu* “gate” was chosen. Already in general language use in Ottoman this word designated beyond the common gate also a possibility to reach something. The equivalent *bāb* of the semitic languages is loaded in the same manner as one can conclude easily from the term Babism chosen by its founder.

keywords; Garshuni, Syriac, Ottoman, sortes apostolorum

نظر امام ابوحنیفه در باره کلام خدا و رابطه آن با زبان فارسی در انجام وظایف دینی

قربان علی ادریسف

مدیر بنیاد بین المللی ایران شناسی

شهر مسکو، فدراسیون روسیه idrisov62@mail.ru

در مقاله حاضر نظریات امام ابوحنیفه راجع به طبیعت کلام خداوند و ویژگی های آن، قرآن به عنوان کلام الهی و رابطه آن با زبان فارسی در انجام وظایف دینی و نیز سیر تکامل برخی از این نظریات بعد از روزگار ابوحنیفه بررسی شده است.

کلید واژه ها: کلام الهی، قرآن، علم کلام، فقه، اصول فقه، زبان فارسی، لغت، ابوحنیفه.

یک سالنامه سُرِیانی نویافته از شاهان هخامنشی و ساسانی

سجاد امیری باوندپور

پژوهشگر مطالعات سُرِیانی، تهران sajad_amiribp@yahoo.com

A. در مجموعهء نسخ خطی مینگانا (Ming.Syr.108 نسخهء خطی)، محفوظ در کتابخانهء دانشگاه بیرمنگام، یک جُنگ سُرِیانی است که شامل Mingana)، چندین متن با موضوعات مختلف بوده و در سال 1550 میلادی گردآوری شده است. از آنجا که این نسخهء خطی تا کنون مورد توجه محققان و مستشرقان قرار نگرفته بود، نگارنده در سال 2016 میلادی و طی مکاتباتی با دانشگاه بیرمنگام اجازهء دسترسی به تصاویر و انتشار این نسخهء خطی را دریافت نمود. در میان متون مختلف گردآوری شده در این نسخهء خطی، دو برگه از آن (برگه‌های 167 و 168) شامل سالنامه‌ای از شاهان باستانی ایران است. این سالنامه با داریوش مادی (𐎠𐎼𐎷𐎡𐎴) شروع می‌شود و تا سی‌امین سال سلطنت خسرو اول ساسانی ادامه می‌یابد. متأسفانه در نسخهء خطی نام نویسندهء این سالنامه ثبت نشده است؛ اما بر اساس بند پایانی آن، سال نگارش آن سال سی‌ام سلطنت خسرو اول (برابر با 561/2 میلادی) بوده است. بر این اساس می‌توان این سالنامه را کهن‌ترین فهرست سُرِیانی شناخته‌شده از شاهان ایران دانست. تا پیش از شناسایی این سالنامه، کهن‌ترین فهرست سُرِیانی شناخته شده از شاهان ایران، فهرستی نگاشته شده به سال 604/5 میلادی بود، که عیناً در کتاب سُرِیانی سلیمان بصره‌ای (سدهء سیزدهم میلادی) نقل شده است.

پژوهش حاضر نخستین گزارش از شناسایی این سالنامه پیش از انتشار متن کامل

ویراستهء سریانی و ترجمهء آن است. این گزارش به سه بخش اصلی تقسیم می‌شود:

1. گزارشی مختصر از چگونگی شناسایی این نسخهء خطی و توضیحاتی در باب

مشخصات عمومی نسخه.

2. بحث در خصوص جزئیات متن این سالنامه و اطلاعاتی که از خلال آن به

دست می‌آید. آنچه در این میان جالب توجه است حضور اسامی شاهان هخامنشی و غیبت اشکانیان است. بنا بر متن این سالنامه، فهرست شاهان ایرانی پس از داریوش سوم بلافاصله با اردشیر پسر بابک ادامه یافته است.

3. طرح این پرسش کلی که شناسایی این سالنامه چه کمکی به درک ما از تاریخ-

نگاری در ایران پیش از برآمدن اسلام می‌کند؟ اهمیت این پرسش در آن است که تقریباً

همزمان با تاریخ نگارش این سالنامه، آگاثیاس (Agathias)، مورخ بیزانسی، خبر از وجود سالنامه‌هایی سلطنتی در دربار شاهان ساسانی داده است. بنا بر ادعای آگاثیاس، شخصی به نام سرگیوس (Sergius) مطالب این سالنامه‌ها را برای آگاثیاس ترجمه کرده و در اختیار او قرار داده است. با این وجود پژوهش‌های محققانی همچون آوریل کمرون (A. Cameron) و تیم گرینوود (T. Greenwood) نشان داده است که بسیاری از اخباری که آگاثیاس به نقل از این سالنامه‌های سلطنتی آورده حاوی دیدگاه‌های مسیحی است. بدین سبب این محققان این احتمال را مطرح کرده‌اند که سرگیوس، که نام او نیز بیانگر ارتباط او با مسیحیت است، ترجمه‌های خود را بر اساس سالنامه یا سالنامه‌هایی به زبان سریانی انجام داده است. با این وجود، مشکل بزرگ این ادعا آن بود که تا کنون هیچ سالنامهء سریانی با موضوع اخبار شاهان ایران از قرن ششم میلادی شناسایی نشده بود.

اکنون، شناسایی این سالنامه می‌تواند ثابت کند که نویسندگان سریانی دست کم از قرن ششم میلادی به ضبط اخبار شاهان ایران توجه داشته‌اند.

شرق زاگرس مرکزی در دوره نوسنگی جدید (مطالعه موردی بررسی و شناسایی
سطحی دشت ملایر)

ذبیح‌اله بختیاری

دانش‌آموخته باستان‌شناسی دانشگاه بوعلی سینا همدان

bakhtiyari.zabih1558@gmail.com

سید حسین موسویان

انستیتو زبان‌شناسی آکادمی علوم روسیه مسکو varna1142@yandex.ru

رشته کوه زاگرس و دره‌های میان کوهی آن در حاشیه‌ی غربی ایران از جمله مناطق مستعد و مناسب برای شکل‌گیری استقرارها و زیستگاه‌های نخستین جوامع انسانی بوده است. بخش میانی زاگرس که با عنوان زاگرس مرکزی از آن یاد می‌شود، در مطالعات باستان‌شناختی به دو بخش غرب زاگرس مرکزی و شرق زاگرس تقسیم می‌شود. تمرکز مطالعات باستان‌شناختی زاگرس مرکزی در حوزه‌ی پیش از تاریخ عمدتاً معطوف به بخش غربی بوده و نیمه‌ی شرقی به صورت پراکنده در قالب برنامه‌های کوتاه و محدود مورد بررسی قرار گرفته است. این نوشتار برپایه‌ی نتایج فعالیت‌های میدانی باستان‌شناختی انجام شده در دشت ملایر به سال 1386 که توسط نگارنده به انجام رسید، به مطالعه، بررسی و تحلیل نخستین زیستگاه‌های معرف دوره نوسنگی جدید در حاشیه‌ی شرقی زاگرس مرکزی می‌پردازد. در نتیجه برنامه بررسی سطحی دشت ملایر تعداد هشت محوطه با مشخصات ابزاری و سفالی دوره نوسنگی جدید مورد شناسایی قرار گرفت. این درحالی است که زیستگاه‌های معرف دوره‌ی نوسنگی در شرق زاگرس مرکزی بسیار محدود و ناشناخته است. سنت سفالی نوسنگی جدید دشت ملایر مشابه با مناطق غربی و شمال غربی با عنوان سفال سراب جدید و سفال سیاه‌بید همراه با ویژگی‌های بومی و محلی است. براساس مطالعات صورت گرفته در

بخش غربی زاگرس مرکزی، انتخاب بخش‌های شرقی زاگرس توسط نخستین جوامع در نتیجه تغییرات اقلیمی اواخر هزاره ششم ق.م و اوایل هزاره پنجم ق.م و یا افزایش و فشارهای جمعیتی است. تمامی محوطه‌ها در مرکز دشت و حاشیه‌ی رودخانه دائمی شکل گرفته است که می‌تواند معرف شکل‌گیری نخستین جوامع کشاورزی در این بخش از منطقه باشد. دسترسی به منابع آب، اراضی قابل کشت، مراتع طبیعی و راه‌های ارتباطی از جمله مهم‌ترین ویژگی مکان‌گزینی دشت ملایر توسط جوامع ابتدایی دوره‌ی نوسنگی جدید است. در این پژوهش با بهره‌گیری از نرم‌افزار GIS به تحلیل جغرافیایی و مکانی هشت محوطه معرف دوره نوسنگی جدید دشت ملایر به منظور ترسیم و ارائه مدل بافت استقرار پرداخته شده است.

واژگان کلیدی: زاگرس مرکزی، شرق زاگرس مرکزی، دشت ملایر، نوسنگی جدید،

سراب جدید، هزاره پنجم ق.م

جاده‌های سنگ‌فرش تاریخی در مازندران

مهدی خلیلی

(ساری، ایران) khalili.mahdi@hotmail.com

مازندران از دیرباز، به سبب شرایط ویژه جغرافیایی و اقلیمی، همواره منطقه‌ای مهم در شمال ایران به‌شمار می‌آمد. نزدیکی این منطقه به پایتخت ایران در دو سده اخیر و داشتن مرز آبی با روسیه نقش مؤثری در اهمیت سیاسی، اجتماعی، اقتصادی، فرهنگی و مذهبی مازندران داشته است. مازندران از دوره صفوی اهمیت بیشتری یافت، به طوری که بسیاری از رجال سیاسی ایرانی و مستشرقین فرنگی به این منطقه سفر کردند و در سفرنامه‌های خود به شرح این منطقه و جاده‌های ارتباطی آن پرداختند.

در زمان فرمانروایی شاه‌عباس اول صفوی، در بسیاری از مناطق ایران، راه‌های سنگ‌فرشی موسوم به «جاده‌های شاه‌عباسی» ساخته شد. یکی از راه‌های تأسیس شده در این دوره، جاده میان اصفهان فرح‌آباد اشرف‌البلاد (بهشهر) بود که در بسیاری از منابع و سفرنامه‌های این دوره به آن اشاره شده است.

در دوره سلطنت ناصرالدین‌شاه قاجار، هم‌زمان با گسترش روابط اقتصادی و مناسبات سیاسی با جهان غرب، حکومت ایران نیز به اهمیت احداث راه‌های نوین برای رشد و توسعه کشور پی برد. بدین منظور، مهندسی مانند برونیار و بلر فرانسوی و نیز ابراهیم‌آقا، حسین‌قلی قاجار مهندس و محمد میرزا مهندس مأمور بررسی وضعیت جاده‌های مازندران شدند. گزارش مبسوط آنان به ناصرالدین‌شاه سبب شناخت دقیق‌تر جغرافیای این

منطقه و ساخت و تکمیل راه‌های شوسه‌ء زیادی در مازندران موسوم به «جاده‌های ناصرالدین‌شاهی» شد.

نگارنده، در پژوهش حاضر، به گزارش بررسی میدانی و پژوهش کتابخانه‌ای جاده‌های سنگ‌فرش تاریخی (صفوی و قاجاری) مازندران می‌پردازد.

نسخ خطی به مثابه منابعی مهم برای پژوهش موعودباوری اسلامی

احمد رنجبری حیدرباغی

دانشجوی دکترا در انستیتوی فلسفه (روسیه . مسکو) a.r.heydarbaqi@gmail.com

امروزه، اندیشه نجات و منجی موعود یا همان موعودباوری که در غرب عموماً آن را با «مسیحاگرایی»¹، «آینده گرایی»² و «هزاره گرایی»³ در یک ردیف طبقه بندی می کنند، حائز اهمیت ویژه ای است. این موضوع در ادیان ابراهیمی (یهودیت، مسیحیت و اسلام) از جایگاه والایی نسبت به دیگر ادیان برخوردار بوده، در دوره معاصر، بیش از هر زمان دیگری مورد توجه قرار گرفته است. اهمیت این موضوع فقط در این نیست که بسیاری از ملتها و مذاهب جهان موعودباورند؛ بلکه اهمیت این مسئله از آن جهت است که موعودباوری به عنوان یک پدیده دینی در معادلات سیاسی، اجتماعی و فرهنگی، ظهور جریانها و فرقهها و تغییرات مذهبی و... به صورت تأثیرگذار مطرح است. موعودباوری اسلامی⁴ هم در طول تاریخ، تأثیرات شگرفی در عرصه های مختلف سیاسی، دینی، اجتماعی و فرهنگی در جغرافیای وسیع اسلام داشته است. عالمان اسلامی با گرایش های مختلف در از سده های آغازین اسلام، در مورد موعود اسلامی آثار زیادی را به نگارش درآورده اند. بخش زیادی از آثار مهدوی شیعه و سنی، همچنان به صورت نسخ خطی، در گوشه و کنار کتابخانه های شخصی و عمومی در سراسر جهان، باقی مانده است. پیش بینی می شود 500 عنوان رساله و کتاب با موضوع موعودباوری اسلامی در کتابخانه های مختلف دنیا وجود داشته باشد. با توجه به پراکندگی جغرافیایی، دسترسی به آنها، برای بیشتر مهدی پژوهان، سخت بوده و در برخی موارد از محالات عادی است. عدم شناسایی

¹.Messianism

².Futurism

³.Millennialism

⁴.Mahdism

این منابع؛ در دسترس نبودن و دشواری‌های استفاده از نسخ خطی منجر به عدم توجه شایسته به این دست از منابع شده است.

یکی از مباحث مهم، جذاب و جنجالی در زمینه موعودباوری اسلامی موضوع «توقیت» است. واژه توقیت مصدر باب تفعیل از ماده «وقت» به معنای تعیین وقت برای چیزی یا رویدادی است. توقیت در اصطلاح مباحث موعودباوری اسلامی به معنای «تعیین تاریخ برای ظهور یا عدم ظهور امام مهدی در تاریخ خاصی» تعریف شده است. در تاریخ موعودباوری اسلامی تاکنون تاریخ‌های متعددی از سوی اشخاص مختلفی در قلمرو جغرافیای اسلام تعیین شده است.

دستیابی به اطلاعات اشخاص توقیت‌گر و تاریخ‌های تعیین شده، واکاوی انگیزه‌ها و علل توقیت، مواجهه و رویارویی علما و اندیشمندان و جوامع دینی و حکومت‌ها با توقیت‌گران، زمینه‌ها و شیوه‌های تعیین تاریخ ظهور، حکم شرعی توقیت و... از جمله موارد نیازمند پژوهش است. با بررسی فهرس نسخ خطی آثاری چند با موضوع توقیت به دست آمد. البته در این میان کهنه‌چاپ‌ها نیز منابعی در خورد برای مطالعات موعودگرایانه هستند. نویسندگان در مقاله حاضر به معرفی این نسخ خطی و کهنه‌چاپ‌ها (که در شهرهای مختلف ایران، عراق، ترکیه و روسیه نگهداری می‌شوند) و می‌پردازد و تحلیل‌هایی را ارائه می‌کند.

کلمات کلیدی: موعودباوری، امام مهدی، توقیت، نسخ خطی، کهنه‌چاپ‌ها

برگی از تاریخ حج‌گزاری مسلمانان روسیه؛ حکایت منظوم جوان غریبی که از شهر بلغار با
حاجیان همراه شد

فتح الله ذوقی؛

طلبه، پژوهشگر آزاد و فوق لیسانس مطالعات منطقه‌ای fathollahzoughi@gmail.com

اشاره:

منظومه مورد بحث، یکی از تراث تاریخی - فرهنگی مسلمانان روسیه به زبان فارسی است. منظومه مورد بحث در میان اوراق بیاض نسخه شماره « Ms Perzsa O.26 » در کتابخانه آکادمی علوم مجارستان نگهداری می‌گردد. در این مقال به تحلیل محتوا و بررسی تاریخی - ادبی منظومه به مثابه سندی تاریخی از حج‌گزاری مسلمانان منطقه حوزه ولگای امپراتوری سابق روسیه خواهیم پرداخت.

خلاصه داستان

این حکایت منظوم در 102 بیست توسط شاعری به نام عبدالله سروده شده است و در آن در آن سرگذشت جوانی تاتار از شهر بلغار روایت می‌شود که همراهانش او را به دلیل بیماری در یکی از شهرهای بین راه در گوشه مسجدی می‌گذارند و به راه خود ادامه می‌دهند. جوان بازمانده از سفر، که پول کافی و پرستاری نداشته، سرانجام با تحمل درد بیماری در تنهایی و غربت می‌میرد. سرگذشت غم‌انگیز این جوان، دستمایه سرایش شعری با مضمون «غریبی» شده است. در متن شعر اشاره نشده است که این ماجرا در چه تاریخی و در کدامین شهر اتفاق افتاده است؛ اما از قراینی که در متن شعر و نسخه آمده سعی می‌شود که محدوده جغرافیایی و زمانی آن مشخص گردد.

سرگذشت جالب و البته تأثرآور این جوان گمنام بلغاری، نمونه‌ای از سرنوشت افرادی است که در طول قرن‌های گذشته در راه سفر حج، جان خود را از دست داده‌اند و تنها یاد و خاطره برخی از آنها، در میان اوراق تاریخی به دست ما رسیده است و برای شناخت وضعیت فرهنگی - تاریخی منطقه سودمند است.

واژگان کلیدی: بلغار، حج‌گزاری مسلمانان روسیه، تاتارهای بلغار، ادبیات فارسی، سفر

حج، غربت

کورگانها، شواهدی بر اصطکاک فرهنگی اوراسیا

نسرين طایفه قهرمانی

پژوهشکده باستان شناسی - پژوهشگاه میراث فرهنگی و گردشگری

ntg.ashkan@gmail.com

کورگانها اسناد بصری تعامل فرهنگی اوراسیا از 4 هزار سال پیش تاکنون می باشد. نفوذ فرهنگ جنگجویان اوراسیا را در شمال غرب ایران و در بین گورپشته های باقی مانده از عصر آهن 2 می توان مشاهده کرد. شیوه تدفین این اقوام خفته در گور، سبک جدیدی از الگوی تدفینی را در این بازه زمانی در این منطقه آن را از الگوهای تدفینی سایر نقاط ایران متمایز می کند. کشف آثار زیادی از جنس برنز و آهن و شناسایی قلع حاصل از کاوش کورگانهای جنوب رودخانه ارس طی سالهای اخیر بیانگر توانمندی این اقوام در هنر فلزگری و سفالگری است.

گورپشتهها مربوط به اقوام کوچرویی بوده است که در سه هزار سال پیش احتمالاً در اثر تغییرات آب و هوایی یا جنگ، به این مناطق کوچ کرده و سبک جدیدی از الگوی زندگی را در این منطقه به تصویر کشیده اند.

بررسی و شناسایی و کاوش این کورگانها در ایران از سال 1386 آغاز و شمار بسیار زیاد آنها بیانگر نوعی تغییرات جمعیتی و یا رویداد فرهنگی است که نیاز به مطالعه و تحلیل و مقایسه آن با نمونههای مشابه در خارج از ایران دارد.

بر اساس نتایج آرکئومتری مشخص گردید این کورگانها مربوط به بازه زمانی 900 تا 1200 ق.م می باشند.

مطالعه این کورگان‌ها به علت نوع خاص معماری آنها و دستاوردهای هنری مکشوف از داخل گورها می‌تواند ضمن نشان دادن الگوی زندگی انسان در هزاره اول ق.م، تبادلات فرهنگی ایران با روسیه و جنوب قفقاز را نیز از چهار هزار سال پیش به این سوی به تصویر کشد.

در این مقاله به معرفی تعدادی از این کورگان‌ها و اشیاء حاصل از آن و همچنین مقایسه آن با مناطق جنوب قفقاز و آذربایجان خواهیم پرداخت.

واژگان کلیدی: کورگان، اوراسیا، قفقاز، شمال غرب ایران، ارس

جریانهای فکری گرمسیرات ایالت فارس در قرن هشتم تا اواخر قرن نهم هجری قمری، با
تاکید بر فرقه شمسیه

یونس صادقی

دانشجوی دکتری ایرانشناسی دانشگاه شهید بهشتی ysadeghi89@gmail.com

شهر تاریخی خنج در جنوب استان فارس در قرون میانی خاستگاه فرقه های تصوف مهمی همچون دانیالیه (قرن هفتم هجری قمری) و شمسیه (قرن هشتم هجری قمری) بوده که در تحولات سیاسی، اجتماعی، اقتصادی خلیج فارس نقش مهمی به یادگار گذاشته اند. شیخ محمد ابونجم (786-704ق) موسس طریقت شمسیه در قرن هشتم با اندیشه های وحدت وجودی اش توانست در پیوند با حاکمان ملوک لار نقش رهبری فکری لارستان را برعهده بگیرد. و این اندیشه تا هند نیز گسترش پیدا کرد. در این مقاله برپایه متون دست اول تاریخی و پژوهشهای جدید به زندگی و زمانه شیخ محمد ابونجم پرداخته شده و تحولات سیاسی و اجتماعی فرقه شمسیه در قرن هشتم تا اواخر قرن نهم مورد بررسی قرار گرفته است. نتایج حاصل از این پژوهش نشان می دهد که فرقه شمسیه در قرون هشتم و نهم جریان مسلط فکری جنوب فارس بوده که از طرف حاکمان آل مظفر و آق قوینلو مورد حمایت قرار گرفته اند و در جریات تصمیمات سیاسی نقش ایفا کرده اند

کلمات کلیدی: فارس، خنج، شمسیه، شیخ حاجی محمد ابونجم، تصوف

طبقه بندی معنایی پسوندهای فاعلی - گر *gar-*، - گار *gâr-*، - کار *kâr-*
در زبان فارسی دری

خالده عالم اوا

دانشیار انستیتوی شرقشناسی دولتی تاشکند

تاشکند، ازبکستان xolidaxon66@mail.ru

واژه های کلیدی: واژه سازی، اشتقاق، فارسی دری، پسوندهای فاعلی - گر، - گار، - کار، پسوندهای اشتقاقی، طبقه بندی معنایی، ریشه شناختی، کلمات مشتق، درجه خلاقیت (زیایی)، اسم فاعلی.

در آثار علمی زبان فارسی دری اصول پیدایش پسوندهای فاعلی - گر و - گار به طرز طرحی شرح داده می شود که از *-kara**، *-kâra** (*kâr-*: *kar-* «کردن») در زبان بومی ایرانی سرچشمه می گیرد [2: 212]. همچنین، پسوند - کار به عنوان گونه تجدید شده - گر، - گار در دوره زبان فارسی نو و خلاقیت آن نسبت به - گر، - گار در زبانهای معاصر فارسی دری و تاجیک تاکید می گردد [2: 212-213]. در تحقیقات دوره زبان فارسی میانه (قدیم) این پسوندها بطور - گر (شکل ابتدایی - کر) و - گار (شکل ابتدایی - کار) جداگانه توصیف می شود [3: 72]. پسوند - گر / - کر از اقسام کلمات اسمی فاعل ساخته است: *âmârgar* < hamârkar «آمارگر»؛ *pêrôzgar* «پیروزمند»؛ *čêlângar* «چلنگر»؛ *zarr(i)gar* «زرگر» (در زبان فارسی قدیم: *dâraniyakara-* «زرگر».

zūrakara- «بدکردار»). پسوند -گار/ -کار از اقسام کلمات اسمی و ریشه های فعل: ziyângar «زیانکار»؛ hammôzgar «آموزگار»؛ vinâhgâr (شکل ابتدایی vinâskâr «گناهکار»؛ از ضمیر: x(v)êškâr «فرمانبردار» اسمهای فاعلی ساخته است [3: 72].

پسوندهای مذکور از لحاظ ریشه شناختی یکی است ولی درجه خلاقیت (زیایی) آنها گوناگون است. مثلاً، پسوند -گر در زبانهای فارسی قدیم و میانه به مشاهده می رسد. در دوره زبان فارسی نو اشتقاق کلمه بواسطه آن قید نشده است. ت.د. چخیدزه می نویسد که گونه های -کر < -گر بعد از مصوت (واکه) و صامت های ر I، ن n استفاده شده است [5: 19].

اگرچه پسوندهای فاعلی -گر، -گار، -کار مترادف است، بکلی یکسان نمی باشد. کلمات مشتق بواسطه پسوند -گر فاعل را اکثراً از نظر فعالیت کار توصیف می کند. پسوندهای -گار، -کار عادتاً حوی اسم فرد را نشان می دهد، اکثر آنها صفت فاعلی هستند. ولی در رشد بعدی زبان فارسی دری اسامی فاعلی که معنی شغل و یا پیشه دارند، بواسطه پسوند -کار ساخته می شود. می توان تشریح داد که این حالت با همنویسی (همخطی) و یا هم آوایی (همنامی) پسوند -کار با کلمه «کار» ارتباط دارد. در قاموس ها کلمه «کار» به عنوان قسمت دوم کلمه مرکب در معنی «انجام دهنده عمل» و یا «شغل دارنده» با مثال های ذیل قید می شود: گناهکار، جنایتکار، ورزشکار، خدمتکار [1: 571, 4:287]. در منابع پیدایش کلمه «گناهکار» در زبانهای فارسی دری و تاجیک چنین تشریح می گردد: در زبان فارسی کلاسیک - gunâhgâr > در زبان فارسی میانه - vinâhgâr، شکل ابتدا - vinâsgâr (wn'sk'l) در متن های الفبای مانی - wn'hg'r (2:213،

[3:72]. پس دلیل این می باشد که کلمهء « گناهکار » گونهء تجدید شده در دورهء زبان فارسی نو بشماریم. می توان احساس کرد در واژه های فراموشکار، فداکار « کار » بی شک پسوند است، در واژه های برمه کار، تازه کار به تکواژ قاموسی (lexeme) « کار » ارتباط دارد. اینگونه واژه های مشتق را از کلمات مرکبی که با تکواژ قاموسی - « کار » ساخته شده و از کلماتی که با ریشهء فعل « کار » از فعل « کاشتن » ساخته شده است باید تفاوت کرد (البته با این وضع اکثراً آموزندگان خارجی زبان فارسی دری برخوردار می شوند): شاه کار - کلمهء مرکب (طرز composition - ترکیب)؛ نرخ کار - کلمهء مرکب (طرز lexicalization - انتقال عبارات به ترکیب)؛ پخته کار - کلمهء مشتق (طرز semi-affixation - نیمه وندی). کلمات مشتق مانند گلکار که در قاموسها به دو معنی آورده می شود، یعنی « گل کارنده » و « نقش بند » اصلاً کلمات هم خط هستند و طرز واژه سازی شان فرق دارد: 1- گل+ - کار (ریشهء فعل « کاشتن ») - طرز semi-affixation و 2- گل+ - کار (پسوند) - طرز affixation: با وجود فعلهای « گل کردن (گل ساختن، ایجاد گل کردن) » میشود توضیح داد که در معنای دوم به « کار » ارتباط دارد نه به « کاشتن ».

با وجود تفاوت های فوق الذکر حالت استفادهء متوازی پسوندهای - گر و - گار، - گار، - گر و - کار، - گار و - کار دیده میشود: ستمگر = ستمگار، فریگر = فریکار، اغماض گر = اغماض کار، خدمتگار = خدمتکار، پرهیزگار = پرهیزکار، تجاوزگر = تجاوزکار. همچنین، به واسطهء آنها می شود معنای گوناگون افاده گردید: کاشیگر - کسی که کاشی سازد، ولی کاشی کار - آنکه کاشی را در بنا کار گذارد [5:22]؛ بنایی که در آن کاشی کار گذاشته شده.

مطالعه و بررسی مدل های کلمات مشتق با اشتراک پسوندهای فاعلی -گر، -
گار، -کار امکان می دهد نتیجهء ذیل گرفته شود:

1- پسوند -گر چند معنایی (polysemantic) و اسم فاعلی متعدد را می
سازد.

2- در رشد بعدی زبان فارسی دری صیغۀ شغل - اسم فاعلی با پسوند -کار
ساخته می شود.

3- پسوند -گار در زبان معاصر فارسی دری کم تولیدی است و اکثر کلمات
مشتق با اشتراک آن از لغات قدیمی عبارتند.

مآخذ و مراجع

1. Dari-russkiy slovar. - M.: Russkiy yazyk, 1986. - S.571;
2. Osnovy iranskogo yazikoznaniya. Novoiranskie yazyki: zapadnaya
gruppa, prikaspiyskie yazyki. - M.: Nauka, 1982. - S. 212.
3. Osnovy iranskogo yazikoznaniya. Sredneiranskie yazyki. - M.: Nauka,
1981. - S. 72.
4. Persidsko-russkiy slovar: V 2-x t. - M.: Russkiy yazyk, 1985.T.2. - S.
287.
5. Chxeidze T.D. Imennoe slovoobrazovanie v persidskom yazyke. -
Tbilisi: Metsniereba, 1969. - S. 19.
6. معین محمد. فرهنگ فارسی. جلد 1. - تهران: آدنا: کتاب راه نو، 1381.

- ص. 568

شناسایی، بررسی و معرفی دست خط های مولفان نسخه های خطی در

مؤسسه کتابخانه و موزه ملی ملک

- مجتبی عباس نژاد متانکلابی

کارشناس ارشد کتابداری و اطلاع رسانی، کارشناس ارشد ایرانشناسی، شناسایی و مرمت نسخ خطی، فارغ التحصیل دانشگاه بین المللی امام رضا (ع)، کتابدار دانشگاه صنعتی خواجه نصیرالدین طوسی abbasnejadm@gmail.com

- عصمت مومنی

دانشیار و عضو هیئت علمی دانشگاه علامه طباطبایی، استاد مدعو دانشگاه بین المللی امام رضا (ع)

- محمد وفادار مرادی

کارشناس ارشد کتابخانه و مرکز اسناد آستان قدس رضوی، استاد مدعو دانشگاه بین المللی امام رضا (ع)، کارشناس رسمی دادگستری در حوزه نسخ خطی.

نسخ خطی بخشی از هویت و میراث مکتوب، ملی و مذهبی هر کشور محسوب می گردد. در ایران نیز نسخ خطی از جایگاه ویژه ای در میان آثار تاریخی برخوردار هستند. نسخ خطی از جنبه های نسخه شناسی و کتابشناسی مورد بررسی قرار می گیرند، در میان نسخ خطی نسخه هایی یافت می شود که از نظر ظاهری و یا محتوایی نفیس به شمار می آیند. مؤسسه کتابخانه و موزه ملی ملک یکی از مراکز نگهداری نسخ خطی نفیس ایران است که جزء 6 کتابخانه برتر کشور در حوزه نسخ خطی محسوب می گردد. پژوهش حاضر، نسخه های اصل، مسوده، تصحیح و مقابله شده با استفاده از پنج جلد اول فهرست

نسخه‌های خطی موسسه کتابخانه و موزه ملی ملک شناسایی شد. نسخه‌های مورد نظر از طریق پایگاه اطلاع‌رسانی، کتابخانه دیجیتال و مشاهده مستقیم نسخ خطی مورد بررسی قرار گرفت و ویژگی‌های کتابشناسی و نسخه‌شناسی هر کدام آمده است. پژوهش حاضر از نوع کاربردی و به روش توصیفی است. نتایج حاصل از پژوهش بیانگر آن است که در پنج جلد اول فهرست نسخ خطی این موسسه 242 نسخه خطی اصل، مسوده، تصحیح و مقابله شده وجود دارد. قدیمی‌ترین نسخه مربوط به سال 602 هجری قمری و سایر نسخ مربوط به قرون 7 تا 14 هجری قمری می‌باشند. این نسخ به دو زبان فارسی و عربی هستند و یافته‌ها در هر دو زبان تقریباً برابر است. بیشترین نوع خط مورد کاربرد خط نسخ با 42/15 درصد، بیشترین نوع کاغذ مورد استفاده کاغذ فرنگی با 36/36 درصد، بیشترین نوع جلد به کار رفته جلد میشن با 79/75 درصد از کل جامعه آماری را تشکیل می‌دهند. از میان یافته‌های پژوهش 3 نسخه به خط شاگرد، 4 نسخه به خط فرزند، 1 نسخه به خط نوه و 1 نسخه نیز به خط برادر مؤلف می‌باشد. بیشترین نسخه مسوده موجود به علامه مجلسی با 25 نسخه تعلق دارد.

کلیدواژه: نسخ خطی، مسوده، نسخه‌شناسی، کتابشناسی، مؤسسه کتابخانه و موزه

ملی ملک، آستان قدس رضوی

نقش مراکز صوفیان در تولید و انتشار علم با استناد به نسخ خطی کتابت شده در آن مراکز

دکتر حبیب الله عظیمی

کتابخانه ملی ایران hazimi1393@gmail.com

هدف تحقیق: بررسی کاربرد آموزشی و کتاب پردازی صوفیان به عنوان کانون های استنساخ ونحوه ومیزان پراکندگی و تنوع آن مراکز در ادوار مختلف تاریخی و بررسی اینکه خانقاهها ومراکز دیگر صوفیان در کدامیک از موضوعات مذهبی یا علمی گرایش بیشتری به استنساخ کتاب داشته اند.

جامعه آماری تحقیق: در میان 300/000 نسخه خطی فهرست شده در کتابخانه های ایران منتشر شده در 40 مجلد فهرستگان نسخه های خطی ایران (فنخا) جستجو به عمل آمد ودر نهایت 60 نسخه خطی یافته شد که یا محل کتابت آنها یکی از مراکز صوفیان بود ویا کاتب نسخه یکی از صوفیان بود و سپس تحقیقات بعدی در این 60 نسخه به عمل آمد.

نتایج بدست آمده: الف) نتیجه کلی: از قرن 7 تا قرن 13 هجری مراکز مربوط به صوفیان همچون خانقاهها، زاویهها و مزارها نه تنها مراکز خلوت و عبادت بوده بلکه این مراکز کارکردهای مختلف آموزشی و علمی همچون استنساخ نسخه های خطی را داشته اند و اگرچه صوفیان در خانقاهها و مراکز دیگر در موضوعات مختلف علمی به استنساخ نسخ خطی می پرداختند، لکن گرایش بیشتر آنان به موضوع عرفان و تصوف بوده است. بیشترین فعالیت صوفیان در این زمینه در قرن 8 و 9 هجری بوده

است. دیدگاه علمی حاکم بر مراکز صوفیان در این ادوار را می‌توان ناشی از ظهور دانشمندانی نامدار با گرایش تصوف دانست. همچنانکه در این دوران ظهور حکومت-هایی که موافق با جریان تصوف بوده‌اند زمینه فعالیت صوفیان را در جهات علمی تقویت کرده است.

(ب) نتایج تفصیلی: 1) کتابت در مراکزی با عنوان خانقاه و سپس زاویه بیشتر از مراکز دیگر صوفیان بوده و بیشتر نسخه‌های کتابت شده در خانقاه‌ها مربوط به کشمیر و سپس ایران می‌باشد. 2) بیشترین فراوانی موضوعی نسخ کتابت شده در کانون‌های صوفیان مربوط به عرفان و تصوف و سپس دیوان شعرا، فلسفه و منطق و کمترین آن طب و تراجم می‌باشد. 3) بیشترین فراوانی کتابت نسخه‌های مورد پژوهش در قرن 9 قمری و سپس در قرن 8 و کمترین آن مربوط به قرن 7 قمری می‌باشد. 4) بیشتر نسخه‌های کتابت شده در کانون صوفیان به زبان عربی و سپس فارسی است.

دشت قباچاق و دستنویس های فارسی

دکتر سید محمد باقر کمال الدینی

دانشیار دانشگاه پیام نور kamaladdini@yahoo.com

سید شهاب کمال الدینی

دانشگاه تهران

در حال حاضر افزایش توجه به میراث مکتوب و نقش میراث مکتوب در زندگی بشر در سطوح مختلف زندگی، اقوام منطقه ما را نیز در بر گرفته است. نزدیک به 12 قرن است که تاریخ ادبیات و زبان فارسی نو وجود دارد و تقریباً 11 قرن ادبیات فارسی به صورت دست نوشته ها وجود دارد.

نسخه های خطی از یک سو نتیجه فعالیت های فرهنگی جامعه بشری و از سوی دیگر ابزاری است که به توسعه فرهنگ و معنویت جامعه کمک می کند. در این راستا نسخ خطی نقش بسیار موثری در حیات اجتماعی جامعه ها داشته اند.

پژوهش در دست نوشته ها به ما کمک می کند به بسیار از مسائل روشنی بخشیم که درباره آنها یا هیچ چیزی معلوم نیست یا به ندرت در نوشته ها اشاره شده است. محض با مطالعه و تدوین فهرست های مربوط به دستنوشته های قرون وسطی می توان به بسیاری از سواهای جالب پاسخ داد. سواهایی همچون: سطح سواد جامعه، توسعه کتاب، اهمیت بعضی از علوم، معروفیت برخی آثار و مکاتب ادبی، تناسب ادبیات دنیوی و مذهبی و...

یکی از حوزه هایی که مردمانش قرن ها به زبان فارسی سخن می گفته اند و شاعران و نویسندگان نیز آثارشان را به این زبان شیرین می سروده و می نوشته اند، حوزه ماوراء النهر

و ترکستان است. در این مناطق امروز نیز عده بسیاری با زبان فارسی مانوس هستند و کتابخانه هایی وجود دارد که مملو از دستخطهای فارسی است. چنانکه در کتابخانه های: دوشنبه، تاشکند، سن پترزبورگ، مسکو، غازان، باکو، ایروان، تفلیس و ... هزاران دستخط ارزشمند فارسی موجود است.

یکی از گنجینه های گرانبهای قزاقستان که متأسفانه به سبب عدم فهرست برداری علمی تاکنون در دسترس محققان نبوده است، نسخه های خطی است که در کتابخانه ها و موزه ها از جمله در کتابخانه ملی قزاقستان، کتابخانه مرکزی علمی وزارت آموزش و علوم قزاقستان، موزه های آلماتی، چیمکنت، سیرم، طراز، قزل اورده، سیمی پلاسیک و ... همچنین در کلکسیونهای خصوصی (از جمله کلکسیون آزاد اکیم بک در آلماتی) وجود دارد. این دستنوشته ها دارای ارزش مهم برای مطالعه تاریخ، فرهنگ و ادب منطقه می باشد.

این مقاله به روش میدانی و تحلیلی - توصیفی نوشته شده است و می کوشد برای اولین بار به شیوه ای علمی به معرفی مهمترین دستنویس های فارسی در دشت قبیچاق یا قزاقستان امروزی پردازد.

آشنایی با بعضی از فعالیت های علمی خواجه نصیرالدین طوسی با تاکید بر نحوه ی تهیه

متون ریاضی

مریم ملک پور

دانشگاه الزهرا M.malekpour@alzahra.ac.ir

چکیده: در این مقاله قسمتی از روش هایی که خواجه نصیرالدین طوسی در اداره امور و تهیه آثارش بکار برده است شرح داده می شود. بعلاوه چون در یادگیری ریاضیات نوشتن و بیان مطالب از اهمیت خاصی برخوردار است شرحی نسبتاً کوتاه از برخی نکات که توسط ایشان در تدوین متون ریاضی بکار رفته است ارائه می گردد. نتایج با استناد به مطالب موجود در برخی از

کتاب های او بدست آمده است.

کلمات کلیدی: فعالیت های علمی -- تلاش -- همکاری -- روش تحقیق -- سبک

نویسندگی -- متون ریاضی

انجمن روابط فرهنگی ایران با اتحاد جماهیر شوروی سوسیالیستی

دکتر الهام ملک زاده

عضو هیأت علمی پژوهشکده علوم تاریخی پژوهشگاه علوم انسانی و مطالعات فرهنگی،

مدیر گروه تاریخ فرهنگی. malekzadeh.elham092@gmail.com

روابط فرهنگی ایران و شوروی، با هدف آشنایی ملت ایران با فرهنگ ملل اتحاد جماهیر شوروی و فرهنگ ایران و معرفی پیشرفت های دو کشور در ادبیات، هنرهای زیبا و علوم به سال 1320 شمسی و همزمان با به سلطنت رسیدن محمدرضاشاه پهلوی آغاز شد. حوزه های فرهنگی متنوعی چون؛ تشکیل مجالس نمایش، تئاتر و فیلم سینمایی، برپایی سیرک سیار، برگزاری کلاس و مسابقه های موسیقی، برگزاری مسابقه و المپیادهای ورزشی، تأسیس کتابخانه و قرائتخانه، تشکیل دسته های سیاحتی و جهانگردی، مبادله کتاب و تألیف به زبان های دو کشور، استقرار روابط دائمی در میان محافل و مجامع فرهنگی و دانشکده ها و دانشگاه ها و مؤسسات فرهنگی دو کشور و مواردی نظیر آن که در این مقاله با استفاده از منابع کتابخانه ای و بهره گیری از اسناد آرشیوی منتشر نشده موجود در بایگانی اسناد ملی ایران، روایت اسنادی تاریخ روابط فرهنگی دوکشور ایران و اتحاد جماهیر شوروی سوسیالیستی طی سال های حکومت پهلوی دوم با استفاده از روش تحقیق تاریخی و با شیوه توصیفی- تحلیلی مورد مطالعه و بررسی قرار خواهد گرفت. ضمن این که در فرایند این تحقیق، مصادیق مبادلات فرهنگی فیما بین تحلیل اسنادی شده، پیشینه ارتباطات فرهنگی دو کشور به طور مستند ارائه خواهد شد.

واژگان کلیدی:

انجمن روابط فرهنگی، روابط فرهنگی، اتحاد جماهیر شوروی سوسیالیستی، مبادلات فرهنگی

نگاهبانان آتش جاویدان: گورهای هیریدان مادی

مهرداد ملکزاده malekzadeh.mehrdad@gmail.com

(عضو هیئت علمی پژوهشکده باستان‌شناسی)

زهرا گل‌محمدی golmohamadi.zahra@yahoo.com

(دانش‌آموخته کارشناسی ارشد باستان‌شناسی)

در مقاله حاضر سر آن داریم با تمسک بر پاره‌ای یافته‌های باستان‌شناختی کهنه و نو از مرکز فلات ایران، از گورستان الف سیلک کاشان و از قلی‌درویش جمکران قم، و ضمن بازیافتن گورهای نگاهبانان آتش (هیریدان) نزد مادها و در نواحی شرقی‌تر خاک ماد، برای بازسازی باورها و دینهای ایرانی باستان تلاش کنیم.

کاوشهای سیلک کاشان در آغازین سالهای دهه 1930 میلادی، به دست گروه کاوشگران فرانسوی موزه لوور، به سرپرستی رومن گیرشمن، در کنار تپه کهنتر شمالی و تپه جدیدتر جنوبی، از جمله موجب یافت شدن دو گورستان از عصر آهن شد: یکی، گورستان الف از عصر آهن 2 (حدود 1250 تا 850 ق م) و دومی، گورستان ب از عصر آهن 3 (حدود 850 تا 550 ق م). جدای از بسیاری گورنهادهای متعدد و متنوع، در دو گور از گورستان الف (گور 6 و گور 14)، در میان انبوه سفالینه‌های چرخساز زیبای خاکستری‌رنگ، دو شیء درپوش‌مانند سفالی، دست‌ساز، نخودی‌رنگ (S.493 و S.662) دیده می‌شود. در تمام بیش از هشتادواندی سالی که از کاوشهای سیلک می‌گذرد، در هیچ کجای مناطق و محوطه‌های مرکز فلات ایران نمونه‌های مشابه این درپوشها کاویده، دیده و گزارش نشده بود تا آغاز دور جدید کاوشهای پی‌گیر در ناحیه قم (گورستان صرم کهک، و قلی‌درویش جمکران) و ناحیه کاشان (گورستان استرک جوشقان) طی حدود 10 سال اخیر.

در دو گورستان عصر آهنی صرم و استرک، به مانند گورستان الف سیلک، نمونه‌های چنین مواد فرهنگی، متأسفانه، در بافت تدفینی و در میان گورنهاده‌های دیگر یافت شده، و کمک چندانی به شناخت چیستی و کاربری آنها نمی‌کند؛ اما در کاوشهای قلی‌درویش جمکران قم، در آغاز هزاره سوم میلادی، به کوشش گروه کاوشگران ایرانی پژوهشکده باستان‌شناسی، به سرپرستی سیامک سرلک، نمونه‌های چندی از چنین سفالینه‌های دست‌ساز درپوش‌مانند در بقایای معماری عصر آهن، بافتار و فضای آتشگاهی و نیایشی بخش شمالی محوطه، و در کنار و یا دقیقاً روی چاله آتش آتشگاهها به دست آمد، و مشخص شد که این درپوشها مربوط به ظروف سفالی نبوده بلکه بر روی چاله آتش قرار می‌گرفته است.

یافت شدن این درپوشهای سفالین مربوط به چاله آتش، در گورهای مردگان همزمان، چه تعبیری می‌تواند داشته باشد؟ باستان‌شناس، در جایی از مرکز فلات ایران، گوری از عصر آهن را می‌کاود و می‌گشاید؛ در کنار یکی دو سفالینه نه چندان پُرارزش، این گور سراسر مملو و انباشته و آکنده است از جنگ‌افزار و زین‌ابزار فرسوده و کُندشده و کارکرده، تیغ و نیام و تیر و تبر و گرز و خدنگ و نیزه و سپر، این یک گور جنگی (warrior burial) است، و گورخفت‌ه آن احتمالاً جنگاوری بوده میدان‌دیده و کارزاررفته. گوری دیگر را می‌کاود، گور پُر است از دهها و شاید صدها سفالینه کوچک و بزرگ و بس پُرکار و ارزشمند و زیبا و منقوش با نقشهای چشم‌نواز، یکی دو جنگ‌افزار و یک مُهر استوانه‌ای، این یک گور توشه‌دار (accompanied burial) است، احتمالاً از آن فردی ثروتمند از طبقه بالای اجتماع. گوری دیگر را می‌شکافد، در میان پیشکشهای تدفینی (funerary offerings) یک‌چند شمشیر و خنجر زیبا و خوش‌ساخت و دست‌نخورده و جنگ‌نادیده می‌یابد، چند سفالینه زیبا و چندین‌وچند مُهر استوانه‌ای کوچک و بزرگ و متنوع، این گور فردی است که شاید شخصاً هرگز به جنگ نمی‌رفته و شاید خیلی هم ثروتمند نبوده، ولی گویا بس توانگر بوده، او سرش سخت گرم حساب‌و‌کتاب و دادوستد و مُهر زدن و مدیریت مسائل اداری و تجاری جامع‌ه خویش بوده است. یکی دو گور

دیگر را می‌گشاید، در میان بسیاری ظروف معمولی و روزمره و در کنار یکی دو مهره و دست‌بند، درپوش سفالی آتشگاه را می‌یابد، پس این گور(ها) شاید از آن مردانی باشد که با نیایش و ستایش و پرستش آتش سروکار داشته‌اند: هیربدان.

نواحی کنونی کاشان و قم در جغرافیای تاریخی ایران، نیز بر پای‌ه نوشته‌های جغرافیون باستان، همچون بطلمیوس و استرابون، بخشی از خاک ماد شرقی محسوب می‌شد؛ جایی که از شمال، میان دشت ری، استان ماد رازی (راگیانِ مدیا، در اصل یونانی: *Ραγιανή*)، و از جنوب، دشت اصفهان، سرزمین *Περραιβική* (در اصل یونانی: *Μηδία*)، مسکن قبیلهٔ مادی *Παραιτακηνή* (در اصل یونانی: *Παραιτακηνοί*) قرار دارد. بدینسان ساکنان این سرزمین مردمانی مادی بودند و گویا ما در سیلک (و صرم و استرک) گورهای برخی از نگاهبانان آتش آنان را یافته‌ایم.

امیرمؤید سوادکوهی و مبارزه با روس‌های تزاری 1911-1917

مصطفی نوری

پژوهشگر پژوهشکده اسناد در سازمان اسناد و کتابخانه ملی ایران

m_n_savadkouhi@yahoo.com

ناکامی محمدعلی شاه قاجار برای دستیابی دوباره به تاج‌وتخت و در پی آن ماجرای اولتیماتوم 1911 روسیه به ایران سرآغاز یک‌رشته مبارزات و مخالفت‌هایی در نواحی شمالی ایران در برابر حضور روس‌ها به شمار می‌رود. امیرمؤید سوادکوهی که از مهم‌ترین رجال نظامی مازندران در آن دوران است مبارزاتش را به‌طورجدی از این دوران آغاز کرد. آنچه موجب تشدید این رویارویی شد اشغال شیرگاه، تیول فوج سوادکوه توسط ژنرال پاتاپف روسی در آستانه جنگ جهانی اول بود. علاوه بر آن پناه دادن به چهار نفر از سران ترکمن که در جنگ با روس‌ها در خلال سال‌های جنگ جهانی اول شکست‌خورده بودند توسط امیرمؤید که حتی دولت ایران تلاش داشت تا آنان را برای رفع خطر تحویل مقامات روس دهد فرازی دیگر از مقاومت امیرمؤید را به نمایش می‌گذارد؛ اما دگرگونی‌های روسیه در اکتبر 1917 فرصتی به دست داد تا کسانی چون امیرمؤید از زیر بار تهدید مستمر روس‌های تزاری خلاص شوند. پایان مداخلات ژنرال پاتاپف در شیرگاه و نیز حل‌وفصل ماجرای ترکمن‌های پناهنده به امیرمؤید با خروج قوای تزاری از شمال ایران میسر گشت. با خروج قوای روس وقت آن رسیده بود که تمهیداتی برای مقابله با انگلیسی‌ها که اینک در تلاش بودند جای روس‌ها را بگیرند صورت پذیرد و اتحاد ملی طبرستان با همین هدف شکل گرفت. در این بررسی تلاش خواهد شد تا فرازوفرود این تحولات موردبررسی قرار گیرد.¹

کلیدواژه: امیرمؤید سوادکوهی، روس‌های تزاری، ژنرال پاتاپف، مازندران، سوادکوه

1 این مقاله چکیده ایست از کتاب سردار سوادکوهی، سرگذشت امیرمؤید سوادکوهی، اثر مصطفی نوری، تهران: شیرازه کتاب 1397، ج 1.

کارکردهای اجتماعی القاب در ایران

دکتر شهرام یوسفی فر

استاد گروه تاریخ دانشگاه تهران yousefifarna94@gmail.com

"لقب و عنوان" از ادوار گذشته در ایران مورد استفاده بود و تنها در دوره معاصر بود که با بروز تغییرات سیاسی و اجتماعی، قوانینی برای ممنوعیت کاربرد لقب و اخذ نام خانوادگی تصویب و روال گذشته تغییر یافت. با این وجود مطالعات تاریخی در باب سازمان‌ها (مانند دیوانسالاری، ارتش)، نهادها (روحانیون)، اشخاص متشخص و نیز خاندان‌ها نیازمند اطلاع از دانش لقب شناسی است. ادبیات "لقب و عنوان شناسی" در ایران، بیشتر در دیوانسالاری و به منظور دقیق سازی ذکر القاب و عنوان‌ها در مکاتبات رسمی، تولید شده است. اما گستره ساخت و کاربرد القاب در نزد گروه‌های مختلف مردم، از جمله گروه‌های دینی، تجار، کشاورزان، و نیز عامه مردم روشن نیست.

در مقاله حاضر بر اساس پژوهشی گسترده، نظام لقب سازی و کاربرد های القاب و عناوین در نزد عالمان دینی دوره قاجار بررسی و الگوهای رایج در این زمینه تبیین می شود. عالمان دینی مورد نظر حکام شرع (قاضیان) شهر تهران بوده که در اسناد قضایی خود برای شناسایی افراد از یک نظام لقب گذاری و عنوانی برای مراجعان خود استفاده می کردند. بازشناسی نظام لقب و عنوان این دوره بر اساس اسناد محکمه شرع سید محمد طباطبایی سنگلجی، روحانی بزرگ و مشهور دوره ناصری و مظفری و از رهبران مشروطه ایران است.

این پژوهش با شیوه کیفی و تمرکز بر پیمایش داده‌ها و مقوله بندی آن‌ها و در نهایت استخراج الگوهای نظری شیوه لقب سازی در نزد این عالمان دینی دوره قاجار استوار است. بر اساس نتایج تحقیق تحلیل‌هایی از فراوانی القاب، رواج عناوین خاص و به ویژه لقب‌ها و عنوان‌های زنان و مردان فرودست جامعه که در منابع این دوره انعکاس ندارد، بدست داده می شود.

کلید واژه‌ها: لقب، عنوان، اسناد شرعی، سید محمد طباطبایی سنگلجی،